

история/география/этнография

Геннадий Коваленко

Великий Новгород в иностранных сочинениях

XV — начало XX века

Великий Новгород
в иностранных сочинениях

Геннадий Коваленко

Ломоносовъ
издательство

Геннадий Коваленко

Великий Новгород
в иностранных
сочинениях

XV — начало XX века

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2016

УДК 908
ББК 63.3(2Но)
К56

*Jean-Baptiste
Vitaumus & Kadi*

Составитель серии Владислав Петров

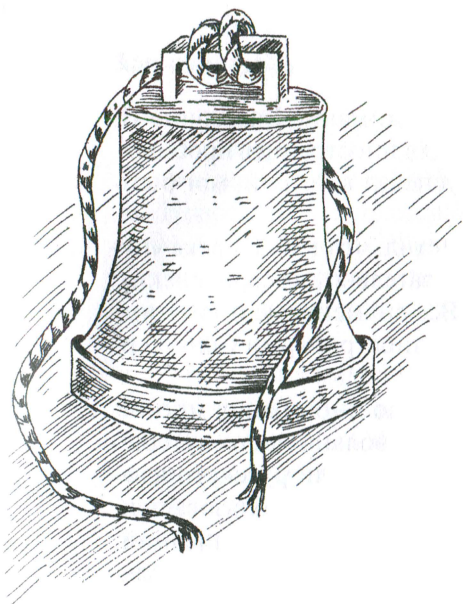
Иллюстрации Ирины Тибиловой

ISBN 978-5-91678-283-7

© Г. М. Коваленко, 2016
© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2016

*Посвящая
памяти моих родителей*

Введение

Интерес к чужим народам, стремление понять и объяснить особенности их быта и жизни восходят к самым древним временам. Людям всегда было свойственно «сравнивать образы жизни различных народов, населяющих землю, изучать их манеру мыслить и чувствовать, отыскивать узы, связующие... их историю, нравы и облик». Пожалуй, ни одна европейская страна не была столько раз и так подробно, как Россия, описана западноевропейскими купцами, дипломатами, путешественниками, врачами, профессиональными военными и просто авантюристами. Различны были причины их интереса к России: она представлялась им то далекой и загадочной страной, своего рода европейской Индией, то серьезным политическим или военным соперником, то выгодным торговым партнером, то объектом научного интереса. Иногда поездка в Россию становилась первым шагом на пути к успеху

в своем отечестве. На это обратила внимание Екатерина II, которая считала, что Россия была для иностранцев пробным камнем их достоинств: «тот, кто успевал в России, мог быть уверен в успехе во всей Европе».

Не случайно Марк Алданов отметил, что в XVIII веке «путешествие в Россию было почти обязательно для европейских авантюристов высокого полета. Все знаменитые проходимцы веселого столетия — д'Эон, Калиостро, граф Сен-Жермен, Казанова — побывали в России».

Заброшенному судьбой в Московию иностранцу многое казалось странным и необычным. Довольно часто путешествовавшие по России иностранцы не знали русского языка и, будучи «немыми» среди чуждого народа, пользовались не очень достоверными источниками для своих описаний, которые имели тем больший успех у европейского читателя, чем больше было в них чудесного и фантастического. Иностранцы-наблюдатели, как правило, прежде всего подчеркивали культурное отличие России, которое охватывало все: непохожесть русских, специфику самодержавия, общественные классы, экономическую жизнь, нравы и обычаи. Авторы многих сочинений имели установку обращать внимание на парадоксальное, необычное, экзотическое, что априори предполагалось ожидать от народа, считавшегося варварским.

Европейцы смотрели на Россию через призму своих ценностей. Их наблюдения, отражение и понимание русской действительности неоднозначны. Во многом они зависели от личной позиции, которая определялась социальной, политической или религиозной принадлежностью автора. Некоторые оценки, выводы, параллели и характеристики были обусловлены непониманием и незнанием языка, обычаев, нравов. Они зависели от многих факторов, прежде всего условий восприятия: знание/незнание языка, состояние межгосударственных отношений, образование и воспитание, цель поездки, прочитанное и услышанное ранее, настроение, погода, время года, бытовые обстоятельства.

В этой связи Екатерина II заметила: «Нет народа, о котором было выдуманно столько лжи, нелепостей и клеветы, как о народе русском». Нет ничего необычного в том, что видение европейцев России было неполным, частичным, пристрастным и в целом негативным. Вообще враждеб-

ное и презрительное отношение к другим народам, особенно тем, с которыми приходилось вести длительные войны, было характерно для Европы не только в Средневековье, но и в Новое время. В этой связи французский публицист барон Ф. М. Гримм писал: «Франция пребывала в счастливой уверенности, что все, что не зовется гордым именем “француз”, жует солому и разгуливает на четырех лапах».

Однако все это не может быть причиной того, чтобы сводить рассмотрение сочинений иностранных наблюдателей только к информативной отдаче, оценкам справедливости или несправедливости их общих суждений и подозревать их в неискренности и злонамеренности. Сегодня эти сочинения имеют большое общекультурное значение, они наглядно показывают, как складывался образ России на Западе.

Они интересны также тем, что посторонний наблюдатель часто замечал те явления обыденной жизни, над которыми русский человек обычно не задумывается, давал им оценку с нетрадиционной точки зрения. Благодаря им сегодня мы можем более зримо представить повседневную жизнь русского человека прошлых времен, увидеть некоторые детали, не всегда различимые в дымке прошлого. В них содержится огромный объем информации, они позволяют увидеть страну глазами очевидцев с разных сторон. Не будь их, мы вынуждены были бы изучать домашний и общественный быт допетровской Руси по «Домострою» и сочинению Григория Котошихина, ибо законодательные акты и делопроизводственная документация характеризуют преимущественно хозяйственный и юридический быт. Культурно-бытовой уклад может быть воспроизведен главным образом по запискам современников, авторами которых до XIX века были преимущественно иностранцы. Не случайно М. Н. Тихомиров отметил, что «в ряде случаев иностранцы рассказывают о таких событиях, которые без их известий остались бы тайной для позднейших поколений». Дневники и воспоминания иностранцев являются емким источником, содержащим сотни оценок европейцев относительно самых разнообразных сторон русской жизни, в том числе и русского города.

До сего дня не устарела оценка, которую дал иностранным сочинениям о России В. О. Ключевский: «Нравственный быт и характер русских людей того времени должен был казаться

иностранному наблюдателю слишком странным, слишком несходным с его основными понятиями и привычками, чтобы он мог отнестись к нему с полным спокойствием, взглянуть на него не со своей личной точки зрения, а со стороны тех исторических условий, под влиянием которых слагался этот быт и характер.

Незнакомый или мало знакомый с историей народа, чуждый ему по понятиям и привычкам иностранец не мог дать верного объяснения многих явлений русской жизни, часто не мог даже беспристрастно оценить их; но описать их, выставить наиболее заметные черты, наконец, высказать непосредственное впечатление, производимое ими на непривычного к ним человека, он мог лучше и полнее, нежели люди, которые пригляделись к подобным явлениям и смотрели на них со своей домашней, условной точки зрения».

Западноевропейские сочинения о России и русских формировали определенный имидж, который влиял на принятие политических и экономических решений. В качестве наиболее раннего примера такого влияния можно привести практический экономический эффект сочинений М. Меховского и С. Герберштейна, написанных в начале XVI века. Под их влиянием европейский торгово-ростовщический дом Я. Фуггера развернул бурную деятельность по расширению торговли с Русью, а для английских купцов они послужили толчком к развитию русско-английской торговли на севере Европы.

Когда в конце XX века шведы решили направлять основную часть своей помощи России в Новгородскую область, такое решение было обусловлено не только благоприятным инвестиционным климатом в этом регионе, но и давними историческими связями, которые зародились на заре существования двух государств. В ноябре 1999 года в Новгороде с делегацией шведских предпринимателей побывал министр экономики Швеции Лейф Пагроцкий. Он заявил, что теперь шведы пришли на берега Волхова как «наследники Рюрика», чтобы «привнести немного порядка... и содействовать развитию России по пути демократического правового государства с эффективной системой управления и рыночной экономикой».

Новгород всегда занимал особое место в иностранных сочинениях о России. Расположенный на северо-западных ру-

бегах русских земель, на пересечении торговых путей, он уже в древности находился в поле пристального внимания европейцев. Как отметил В. Л. Янин, «в IX–XV вв. Новгородская земля оставалась важнейшей контактной зоной между всей Русью и Западной Европой». Через Новгород пролегли дороги купцов, дипломатов, путешественников, ученых, для которых знакомство с далекой загадочной Московией и ее культурой начиналось с Новгородских земель. Значение Новгорода в сношениях с Западом было столь велико, что в начале XVI века некоторые западноевропейские картографы называли его, а не Москву главным городом Российского государства. Для европейцев он был частью национального символа и национального мифа, а также поэтического образа России и в этом качестве привлекал и сегодня привлекает туристов, бизнесменов, политиков. Кроме того, как отметил известный датский славист Кнуд Расмуссен, «никакой другой русский средневековый город не привлек к себе столько внимания со стороны ученых, как Великий Новгород».

XV век
Удивительно большой город..

Древнейшим иностранным сочинением, упоминающим Новгород, вероятно, следует считать сочинение византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей», составленное в середине X века. Одним из городов «внешней России» (Северной Руси) в нем назван Немогард, который многие исследователи отождествляют с Великим Новгородом.

В эпоху раннего Средневековья сведения о Руси не получили широкого распространения на Западе. Но в энциклопедии «О свойствах вещей» Бартоломея Английского первой половины XIII века упоминается народ ногардов. В «Хронике Ливонии» Генриха Латвийского и «Ливонской рифмованной хронике» конца XIII века есть упоминания о Новгороде, Новгородском королевстве и новгородских королях и великих королях, как правило, безымянных. Так, например, автор «Ливонской рифмованной хроники», сообщая о том, что некий новгородский князь, освободив Псков от немцев, «ушел в свою землю», не называет имени этого князя, не отождествляет его с Александром Ярославичем, который фигурирует в этой хронике в качестве суздальского князя.

В эпоху Крестовых походов, когда Восточная и Северо-Восточная Европа представлялась жителям Запада столь же туманным и неведомым краем, как Центральная Азия или Африка, наиболее ценными и достоверными знаниями о Северной Руси и Новгороде располагали норманны.

Памятники древнескандинавской письменности XI–XIII веков — рунические надписи, исландские саги, географические трактаты — содержат не только более конкретные многочисленные упоминания Новгорода и Новгородской земли, но и имена побывавших здесь скандинавов.

Как один из главных городов Руси Новгород вошел в исландский географический трактат «Какие земли лежат в мире». Можно сказать, что Новгород — самый известный в древнескандинавской письменности город Восточной Европы. Его особое значение для скандинавов отразилось в их представлении о месте Новгорода в политической структуре Древнерусского государства. опередив Киев в контактах с варягами, он вошел в традицию исландских королевских саг как столица Руси и ее важнейший торговый центр.

Памятники древнескандинавской письменности содержат наиболее ранние известия о торговых контактах Новгорода с Норвегией и Швецией (Готландом) с X века и до середины XIII века и характеризуют Новгород как крупный центр транзитной международной торговли, через который поступали в скандинавские страны произведения ремесла и художественных промыслов Византии и стран Востока, а также как центр торговли драгоценными русскими мехами, хорошо известными всей средневековой Европе.

В целом в древнескандинавских источниках Новгород представлен в обобщенном виде: здесь находятся двор конунга и палаты княгини, палаты для нанимающихся на службу варягов, а также торг, или рыночная площадь. Сюда приходят скандинавы искать прибежища, в их числе были четыре норвежских конунга — Олав Трюггвасон, Олав Харальдссон, Магнус Олавссон и Харальд Сигурдарсон. Отсюда скандинавы отправляются к себе на родину или плывут в Иерусалим, сюда приезжают скандинавские купцы, например Хаук Ястреб и известный по рассказу Снорри Стурлусона Гудлейк Гардский.

В скандинавских источниках сохранились также свидетельства о том, что в Новгороде была варяжская церковь Св. Олава (варяжская божница русских летописей). Она оказывается в центре двух рассказов о чудесах св. Олава. В одном из них священник по имени Стефан выносит из церкви изображение св. Олава и тем спасает Новгород от пожара, в другом немой варяг обретает речь, заснув в церкви и увидев святого во сне.

Известный шведский славист Андерс Шёберг считает, что в свите Ингегерд — жены Ярослава Мудрого, который тогда княжил в Новгороде, — сюда прибыл рунорезец из Упланда Эпир, которого он отождествил с новгородским священником Упырем Лихим, оставившим свое имя на копии библейской Книги Пророков, сделанной им в 1047 году для князя Владимира.

Наиболее ранние из известных изображений Новгорода на средневековых европейских картах относятся к XIII—XIV векам. На карте Эбсторфа (ок. 1234 года) в среднем течении реки «Олхис, который Волкаус» расположен Новгардус. В Атласе Медичи, датированном 1351 годом, на впадающей в Балтийское море реке Ну стоит город Ногардо, Ногардия или Ногерадо.

Несмотря на ослабление связей Руси с Западом в период феодальной раздробленности и татарского ига, в Европе о ней знали даже в глухую пору XIII—XV веков. За этот период насчитывается не один десяток западных авторов, у которых можно встретить сведения о Руси, некоторые из них упоминают и Новгород.

В XV веке начинается накопление географических и этнографических сведений о России и распространение информации о ней в европейских странах купцами, монахами и дипломатами. Наиболее оперативной была информация купцов, носившая не только торгово-экономический, но и политический характер. Обладавшие профессиональной наблюдательностью, купцы иногда выступали в роли авторов хроник, составителей разговорников и словарей, то есть распространяли и культурную информацию.

К началу XV века относятся первые западноевропейские изобразительные материалы о Новгороде. Они представлены резьбой на скамье купцов, торговавших с Новгородом в церкви Св. Николая в Штральзунде (ок. 1400 года). На резных досках представлены основные новгородские промыс-

лы, продукты которых шли на экспорт: пушной промысел и бортничество. По мнению Е. А. Рыбиной, явления новгородской хозяйственной жизни представлены здесь довольно наглядно. Изображенные на фризе лук и стрелы в руках охотников аналогичны тем, что обнаружены при археологических раскопках.

Резчик смог представить также бортничество, хотя этот вид пчеловодства не был известен в Западной Европе и на побережье Балтийского моря. На второй доске представлен бортник; он стоит под деревом, в котором он долбит топором дупло. В таких дуплах в лесных деревьях на высоте пять-шесть метров жили пчелиные семьи. Это свидетельствует о том, что устные описания этих событий о русских торговцах и ганзейских коммерсантах дошли до резчика в Штральзунд. Подобная резьба с изображением торговцев мехами сохранилась в соборе в Любеке.

Первое целостное и довольно достоверное описание Новгорода принадлежит фландрскому рыцарю, советнику и камергеру герцога Бургундского Гильберу де Ланнуа. «Чтобы увидеть мир» (*pour voir monde*), он много путешествовал по Азии и Европе и в 1413 году из Ливонии через Нарву приехал на Русь, чтобы посетить Новгород и Псков. В Новгороде Ланнуа пробыл девять дней, здесь он пользовался свободой передвижения, которой позже у иностранцев уже не было. Благодаря этому он познакомился с повседневной жизнью города и получил информацию о нем от местного осведомителя, русского или немца по происхождению.

Как отметил В. О. Ключевский, «первое место между городами Московского государства после столицы в XVI веке принадлежало Новгороду Великому. Ланнуа застал его таким, каким он был в лучшее время своей жизни, и описал его наружный вид». В своих мемуарах «Путешествия и посольства» Ланнуа не только описал внешний вид Великого Новгорода, но и зафиксировал весьма важные детали, характеризующие его политико-административное устройство и жизнь горожан:

Великий Новгород — удивительно большой город, он расположен на большой равнине, окруженной большими лесами, и находится в низкой местности среди вод и болот. Посреди упомяну-

того города течет большая река по имени Волхов. Город обнесен плохими стенами, сделанными из плетня и земли, тогда как башни каменные. Этот город независим и имеет общинное правление. Здесь есть епископ, который представляет как бы начальника. И содержат они, равно как и все прочие русские в Руси, которая очень велика, христианскую религию по своему обряду, такому же, как у греков. Они имеют замок, расположенный на берегу упомянутой реки, и в нем соборная церковь Св. Софии, которую они почитают, и там живет их упомянутый епископ.

Внутри упомянутого города живет много больших сеньоров, которых они называют боярами, и там есть такие горожане, которые владеют землей в 200 лье* длины, богаты и могущественны удивительно. И не имеют русские Великой Руси других властителей, кроме этих бояр, выбираемых по очереди так, как этого хочет община. Монета их состоит из кусков серебра, весящих около 8 унций** — без оттилка, потому что вовсе не куют золотой монеты, а мелкая монета состоит из мордок белок и кун. Они имеют в своем городе рынок, на котором продают и покупают себе женщин, имея на это право (но мы, истинные христиане, не осмелились бы сделать это никогда в жизни), и покупают своих женщин одну вместо другой за кусок или за два серебра как сойдутся — так, чтобы один дал достаточно другому. Они имеют двух начальников: тысяцкого и посадника, которые и управляют сказанным городом. Эти правители возобновляются из года в год. И там я был у упомянутых епископа и сеньоров.

Женщины носят волосы, заплетенные в две косы, висящие сзади на спине, а мужчины — одну косу. Я был девять дней в этом городе, и упомянутый епископ присылал мне каждый день более 30 человек с хлебом, мясом, рыбой, буковыми орехами, перцем, пивом и медом, а вышеупомянутые тысяцкие и посадники дали мне обед самый странный и самый удивительный из всех, виденных мною когда-либо. В ту зиму было так холодно, что занимательно было бы рассказать о стужах, которые там были, потому что мне приходилось ехать в стужу.

Одно из чудес, производимых холодом, состояло в том, что когда проезжали по лесам, слышно было, как деревья трескаются и раскалываются сверху донизу от мороза. Там случается видеть, как замерзшие глыбы конского помета разлетаются вверх от мороза. И когда ночью приходится спать в пустыне, то мы находили свою бороду, брови и веки обмерзшими от дыхания челове-

*200 лье — ок. 800 километров.

**Унция — мера веса, равная 27,166 грамма.

ческого и полными льдинок, так что, проснувшись, едва можно открыть глаза.

Другое чудо я видел: я поставил глиняный горшок, наполненный водой и мясом, утром на огне, на одном озере в пустыне; в одно и то же время я видел, как вода кипит на одной стороне и мерзнет на другой.

Еще иное чудо от холода я видел там: две серебряные чашки, весящие три троасские марки*, которыми я набирал воду для питья в одном озере, подо льдом одной ночью, в то время, когда я держал их в моих теплых руках, примерзли к моим пальцам, и когда я их опорожнил, я вложил одну в другую, они смерзлись от мороза так, что при поднятии одной приподнималась и другая.

Зимой не продают на рынке Великого Новгорода ничего живого: ни рыбы, ни мяса поросят, ни бараньего мяса, ни птицы никакой: это убито и заморожено. И во всей этой стране водятся зайцы, совершенно белые зимой и совершенно серые летом.

Все сеньоры Великого Новгорода владеют 40 тысячами конницы и бесчисленной пехотой. Они часто воюют с соседями, особенно с рыцарями Лифляндии и выиграли прежде много больших сражений.

Итак, Ланнуа характеризует Новгород прежде всего как «удивительно большой город». Вслед за ним это повторяют многие иностранные авторы. В частности, видный немецкий богослов Иоганн Фабри в своем трактате «Религия московитов» (1525) писал, что по величине он не уступает Москве, равно как и «Владимир, Псков, Смоленск, Тверь, застроенные, по рассказам, пышными царскими хоромами, а также хорошо укрепленные стенами, которые сооружены из тесаного камня или из обожженного кирпича».

О многолюдстве русских городов, в том числе и Великого Новгорода, в XVI—XVII веках писали многие дипломаты, поскольку они видели встречавшие их на улицах толпы людей, собранных из окрестных сел и деревень для того, чтобы показать иностранцам, как процветают города Московского государства.

Представление о многолюдности древнего Новгорода настолько укоренилось в сознании европейцев, что даже в XIX веке один из иностранных путешественников пи-

*Троасская (трасская) марка — ок. 300 граммов серебра.

сал, что до присоединения к Москве в Новгороде проживало 400 000 жителей и он был так велик, что «путешественники, проезжавшие через Новгород, на одном конце брали свежих лошадей, а на другом должны были уже менять их».

Ланнуа описывает Великий Новгород как вольный город, управляемый городской общиной во главе с посадским и тысяцким. В то же время он верно отмечает характерную особенность новгородской боярской государственности — принадлежность власти немногим аристократическим родам — большим сеньорам, основой экономического могущества которых являются обширные земельные владения.

В своих записках Ланнуа постоянно называет Новгород «Великим». Следовательно, это название было известно в Европе уже в начале XV века. В русских источниках оно появляется во второй половине XIV века в условиях усиливающегося новгородско-московского противостояния. По мнению А. С. Хорошева и В. Л. Янина, внедрение гордого самоназвания, новой титулатуры «Великий Новгород» было политическим актом, в результате которого Новгородская феодальная республика была поставлена на одну ступень иерархической лестницы с московским князем. Дальнейшая история прослеживается в актах 1450-х годов, когда возникает еще более пышное титулование «Господин государь Великий Новгород».

Ланнуа зафиксировал внедрение святительской кафедры в государственную систему вечевого Новгорода, ее трансформацию в важнейший государственный институт. В последний период новгородской независимости, председательствуя в олигархическом Совете господ, владыка фактически возглавлял вечевой Новгород, контролировал его внутреннюю и внешнюю политику. С середины XIV века все договоры Новгорода с русскими князьями и иностранными государствами заключались исключительно «по благословению владыки», имя которого помещалось в грамотах перед именами посадника и тысяцкого.

Как военного человека Ланнуа интересовали крепостные сооружения и новгородское войско, численность которого он явно преувеличивает, оценивая его в 40 000 всадников. А вот стены Новгорода, по его мнению, были укреплены хуже, чем во Пскове.

В описании своего путешествия по южным территориям Руси, предпринятого им в 1421 году, Ланнуа рассказал о мехах соболей, бобров и горностаев, которые он покупал в Новгороде.

Ланнуа был первопроходцем, и в этом качестве он в известной мере заложил основы европейской традиции описания Новгорода. Он характеризует его как «удивительно большой город», в котором много церквей, главной из которых является Софийский собор. Жители города — православные христиане, которые соблюдают греческий обряд. Он описал также некоторые детали повседневной жизни новгородцев, в частности обычай отпускать длинные волосы, которые как мужчины, так и женщины заплетают в косы. Он поведал также о том, что на новгородском рынке «женщин продают как товар». Впоследствии многие историки подвергли сомнению это сообщение.

Зима 1412—1413 годов на Руси и в Литве была многоснежной, очень холодной и весьма продолжительной. От сильных морозов погибло множество людей. Непривычный к таким зимам, Ланнуа с известной долей преувеличения описал свирепость новгородских морозов, от которых лопаются деревья, а вода в горшке, поставленном на огонь, кипит с одной стороны и замерзает с другой.

После него многие путешественники, побывавшие в Новгороде, стремились поразить воображение читателей какими-то чудесами. Средневековый Новгород был для европейцев частью далекой и загадочной Московии, поэтому их интерес к этому городу носил привкус экзотики, которая всегда привлекает путешественников. В их описаниях достоверные факты соседствовали с фантазиями и вымыслом. Так, итальянский историк-гуманист Паоло Джовио (Павел Иовий) считал, что «в Новгороде царит почти вечная зима и тьма весьма продолжительных ночей», а «во время солнцестояния, вследствие кратких ночей там стоит почти непрерывный солнечный жар и зной». Дубровницкий дворянин Франциск Гундулич писал о несметном количестве лягушек и пауков, которых новгородцы держат в своих домах.

Вторая половина XV века стала началом нового этапа в отношениях Руси с Западом. Это было время быстрого формирования ее территории и государственности, интенсифи-

кации экономических, политических и культурных связей, их качественного перелома. «Изумленная Европа, в начале княжества Ивана III едва ли даже подозревавшая о существовании Московии, зажатой между Литвой и татарами, была ошеломлена внезапным появлением огромной империи на восточных своих окраинах» (К. Маркс). До этого времени многие европейцы считали Русь территорией, подвластной польским и литовским королям, как вдруг до них стали доходить слухи о том, что Великое княжество Московское, унаследовавшее сложившиеся на протяжении веков международные связи Новгорода в балто-скандинавском регионе, представляет собой внушительную силу.

В XV веке в культурных связях Руси с Западом доминировало итальянское направление. Несмотря на то что отдаленность Новгорода от Италии препятствовала установлению тесных связей, первопроходцами в описании этой страны, закрытой для иностранных наблюдателей и поражавшей воображение европейцев обширной территорией и суровым климатом, стали именно итальянские купцы и дипломаты, пытавшиеся втянуть Русь в политические и экономические отношения с Западом и двинуть ее против турок. В то время итальянцы много ездили по свету, а потому много знали о других странах. Кроме того, во время расцвета итальянского гуманизма наряду с другими «свободными искусствами» широкое распространение получило историческое повествование, и итальянцы не только больше знали о других народах, но умели лучше других рассказать о них. Поэтому честь открытия Московии принадлежит итальянцам.

Дипломатические контакты Италии и России начались в середине XVI века, торговые связи — на полстолетия раньше. Известно, что уже в 1402 году в Новгороде побывал ломбардский купец, купивший здесь ловчих соколов. В 1436 году венецианский купец Иосафат Барбаро совершил путешествие в Приазовье и шестнадцать лет прожил в Тане — венецианской колонии в устье Дона. В 1473–1479 годах он побывал в Персии. Его труд «Путешествие в Тану» отразил наблюдения автора над Северным Причерноморьем. В свое сочинение он включил и описание Московии, хотя сам там не был. Сведения о Новгороде у Барбаро не современные его пребы-

ванию в Тане, а более поздние. Он пишет о подчинении Новгорода Москве как о свершившемся событии:

Великий князь (Московский. — *Г. К.*) покорил также Новгород, что на нашем языке означает «девять замков». Это громаднейший город, отдаленный от Москвы на восемь дней пути в северо-западном направлении. Раньше он управлялся народом, и люди жили там без всякого правосудия; среди них было много еретиков. Теперь понемногу переходят они в католическую веру, хотя одни верят, а другие нет; но они живут по закону, и у них есть судо-производство.

Этот фрагмент отражает не только политическую реальность — процесс формирования централизованного государства, но и конфессиональную ситуацию. Барбаро сообщает о так называемой «ереси жидовствующих», занесенной в Новгород из Литвы в XV веке. Ее носителем был «жидовин» Схария, состоявший в свите брата киевского князя Симеона — Михаила Александровича, присланного в Новгород польским королем Сигизмундом.

Под переходом в католичество Барбаро, очевидно, имеет в виду колебания новгородцев в сторону Польши и «латинства» в 1470 году, когда часть новгородцев хотела перейти в подданство польскому королю Казимиру IV, в связи с чем наметилась тенденция отступления от православия. Это свидетельствует о том, что сведения об отношениях Новгорода с Москвой и его колебаниях между Москвой и Литвой довольно быстро распространились даже в отдаленных уголках Европы.

Посол Венецианской республики при дворе персидского шаха Амброджо Контарини, возвращаясь в Венецию через Азербайджан по Каспию и Волге, прожил в Москве четыре месяца: с сентября 1476 по январь 1477 года. Свое путешествие он описал в сочинении «Путешествие в Персию Амброзио Контарини, посла светлейшей Венецианской республики, к персидскому государю Узун-Гассану», опубликованном в 1543 году. Записки Контарини не носят систематического характера, тем не менее в них сообщается ряд интересных сведений о естественных ресурсах Руси, климате, местных обычаях. Несколько строк в нем посвящено Новгороду.

Контарини пишет о торговых связях Новгорода с ганзейскими городами:

Меха скопляются в большом количестве также в городе, называемом Новгород, земля которого граничит почти что с Фландрией и с Верхней Германией*; от Московии Новгород отстоит на 8 дней пути. Этот город управляется как коммуна, но подчинен здешнему великому князю и платит ему дань ежегодно.

В этом отрывке содержится информация о внешней торговле Новгорода, в частности с Тевтонским орденом. В XIV—XV веках орден совершал крупные торговые операции во Фландрии, ввозя туда пушнину и воск, которые он покупал в Новгороде.

Итальянский гуманист Рафаэль Маффеи (Волатеран) в своем труде «*Commentariorum Urbanorum octo et triginta libri*» (1504) характеризовал Новгород как огромный город, куда за мехами приезжает множество купцов. «Там посреди площади стоит камень квадратной формы, на который, когда город был независим, если кто мог взобраться и не дать себя с него свалить, тот считался государем».

О существовании в Новгороде древнего народного обычая избирать правителей и освящать это избрание их возведением на камень сообщал и итальянец Эней Сильвий Пикколомини в своем сочинении «Описание Азии и Европы». Отметим, что этот обычай имел широкое распространение среди арийских народов (англосаксов, шотландцев, шведов), а потому сведения о нем могли быть переносимы из одного исторического памятника в другой. Так, известный немецкий географ XVI века Себастьян Мюнстер писал о том, что в Москве на площади есть камень квадратной формы и тот, кто взойдет на него, приобретает власть над городом.

В конце XV века в русско-шведские культурные связи включился любекский печатник Бартоломей Готан. В 1493 году он привез из Швеции (Финляндии) в Новгород первые печатные богослужебные книги, с которых при дворе архиепископа Геннадия был сделан перевод. Он хотел вести типографию в России, но это ему не удалось.

*С территорией, подвластной Немецкому орденскому государству, Новгородские земли граничили по реке Нарове.

Немецкий исследователь Эдвин Реканте предполагает, что Готан, начавший свою карьеру в качестве викария собора в Магдебурге, мог быть поставщиком бронзовых врат Софийского собора, поскольку книгопечатание — это ремесло, прямо связанное с металлическим литьем. Реканте ставит их в один ряд с Геннадиевской Библией: «Врата открывали бы доступ к Библии грамотным слоям населения и стали бы своего рода Библией для бедных». Впрочем, он пишет, что его утверждения «носят гипотетический характер и не претендуют на абсолютную верность, они реконструируют только предполагаемую историческую возможность и требуют дальнейшего обсуждения».

В XV веке Новгород и его владения фигурируют на европейских географических картах под названиями «Новгород», «Новогард», «Уново-градо», «Ногардия», «Новогардия» и «Норгадия», которые картографы и географы того времени относили не только к самому городу, но и ко всем Новгородским землям и даже всему Русскому государству. Так, например, на карте Андреаса Валспергера 1448 года пространство между Меотийским озером и Балтийским морем занято изображением большого обнесенного стеной города «Норгадии столицы России».

Таким образом, с Великим Новгородом европейцы познакомились в XV веке. Они открыли его для себя как «удивительно большой», «громаднейший» город, жители которого исповедуют православную религию по греческому образцу. Они знали, что некогда это был самоуправляемый город-коммуна, со временем подчинившийся власти великого князя. При этом процесс подчинения описан не как добровольный акт, а скорее как силовая акция.

Иностранцы наблюдатели XV века зафиксировали присущие Великому Новгороду атрибуты средневекового города: замок (главная фортификация), собор (центр религиозной жизни), рынок (торговый центр) и река (транспортная магистраль и источник питьевой воды).

XVI век
Рынок целой империи...

XVI век стал новым этапом знакомства европейцев с Россией, в это время вырабатываются новые оценки и стереотипы ее восприятия. Московское государство становится объектом все более пристального внимания иностранных наблюдателей. Их пребывание на русской территории становится более длительным, а описания богаче и образнее. Они более пристально и профессионально интересуются ее экономическим состоянием, внутренней и внешней торговлей, социальной структурой, социальной и политической борьбой, отношением к Западу. Информация о далекой Московии изменилась количественно и качественно. О ней стали знать не только больше, но и глубже.

В XVI столетии меняется направление культурных связей Руси с Европой. Если в предыдущем столетии в них преобладали итальянцы, то теперь пальма первенства переходит к выходцам из германских земель. В их хронологическом перечне первое место занимает личный секретарь магистра Ливонского ордена Вольтера фон Плеттенберга, епископ Дерпта Кристиан Бомховер. В 1508 году он анонимно издал в Кельне «Прекрасную историю об удивительных деяниях государей Ливонии в борьбе с русскими и татарами».

«Прекрасная история» посвящена событиям 1491–1507 годов, главным образом русско-ливонской войне 1501–1503 годов. Ее создание диктовалось сугубо прагматическими целями, поэтому на ее страницах возник образ «мрачной и нечестивой России», таящей в себе угрозу для всего католического мира. Бомховер был одним из первых, кто описал и проанализировал религию русских.

Немецкому подворью в Великом Новгороде и его закрытию посвящен специальный раздел хроники «О несправедливом и суровом задержании купцов Немецкой Ганзы и причиненных им убытках». Порицая Ивана III за арест ганзейских купцов и рассматривая его поступок как проявление склонности к тирании, Бомховер указывает, что великий князь поступил так в ответ на казнь двух русских в Ревеле:

Теперь надо сообщить, что некогда купцы торгового сообщества так называемой немецкой Ганзы, состоящей из 73 городов, основав стапеля и конторы, могли там пользоваться чрезвычайно большими вольностями и привилегиями. Одна контора в то время была в Брюгге во Фландрии, вторая — в Лондоне в Англии, третья — в Бергене в Норвегии. То же самое было и в Великом Новгороде в России, так как обыкновенно вся дорогостоящая чудо-продукция — соболя, куницы, множество белок, горностаев мех, а также множество воска и других дорогостоящих товаров — доставлялась туда, а потом через Ливонию в немецкие и прочие земли, чтобы посредством подобных сношений все страны, города и люди повышали свое благоденствие.

В то же самое время, как новая крепость, названная в честь великого князя, как говорилось выше, незаконно была закончена, в день св. Леонарда* великий князь Московский, русский император, вопреки всем договоренностям и законам приказал немецких купцов, которые находились тогда в Великом Новгороде, вместе с их священниками и капелланами, численностью 48 человек, старых и малых, лишив имущества, арестовать, сорвать с них одежду и обувь, заковать в цепи и бросить в смрадную жуткую темницу, где они и пребывали в заключении одни по три, а другие по девять лет, а также отобрать все их имущество, оцениваемое во много тысяч рижских гульденов, и тем самым подверг суровому насилию личности и имущество указанных купцов.

*6 ноября 1494 года.

Причина, из-за которой немецкие купцы в Новгороде по приказу великого князя Московского, русского императора, отменившего мирные крестоцеловальные грамоты, скрепленные его собственными печатями из чистого золота, попали в описанное положение, помимо всего прочего заключалась в том, что в ганзейских городах русских якобы безвинно хватили и бросали в тюрьму. Их следовало судить по немецкому праву, поскольку существует решение, что в подобных случаях немца, если он за какою-либо вину и преступление будет взят под стражу и помещен в тюрьму, равным образом следует судить по русскому праву. Случилось так, что в городе Ревеле в Ливонии один русский, который изготовлял фальшивые ревельские шиллинги, после расследования его преступления, согласно городскому праву, был сварен в кипятке. Затем в том же городе другой русский, знатного происхождения и именитый купец, был уличен в сношении с кобылой и, поскольку это противно человеческой природе, в соответствии с городским правом был сожжен.

«Прекрасную историю» можно считать одним из первых иностранных сочинений по истории новгородско-ганзейской торговли. Русско-немецкая торговля в Средние века нигде более на Руси не достигла таких масштабов, как в Новгороде — крупном центре международной торговли в Северо-Восточной Европе. Первоначально немецкие купцы — члены готландского товарищества участвовали в торговых поездках скандинавов и останавливались в их фактории на дворе Св. Олава. Воспользовавшись скандинавским опытом и устоявшимися связями с русскими партнерами, немецкие гости уже в конце XII века организовали собственное подворье на Торговой стороне Новгорода, которое носило название Петрова подворья по церкви, находившейся на его территории.

Ганзейская контора в Новгороде была основана еще в доганзейский период и включала два двора — Немецкий и Готский, который арендовали немецкие купцы Готланда. Они находились на Торговой стороне вблизи Ярослава дворища.

Как уже отмечалось в исторической литературе, после потери Новгородом независимости и присоединения его к Московскому государству характер взаимоотношений между новгородцами и ганзейскими городами стал стремительно

меняться не в лучшую сторону. Экономические контакты некогда суверенного города с зарубежьем теперь определялись генеральной стратегией великого князя Ивана III и напрямую зависели от его внутри- и особенно внешнеполитического курса. Включение Новгорода в состав Московского государства было не единовременным актом, а длительным процессом. Поэтому его отношения со странами Балтийского региона, а позднее с Англией, в которых одними из основных были вопросы торговли и торговых привилегий, во многом велись как бы сквозь призму отношений Москвы с Новгородом, при этом Москва стремилась ослабить его экономические позиции.

В 1487 году между Ганзой и Москвой был подписан новый торговый договор, предусматривавший возобновление торговли на условиях, которые, по-видимому, не отличались от условий договора 1472 года, заключенного с Ганзой еще независимым Великим Новгородом. Этот договор зафиксировал изменения в статусе международного положения Москвы: впервые подобный договор был заключен не с Новгородом, а с Русским государством. Договор менял порядок торговли новгородцев: в Новгороде ликвидировались привилегии ганзейцев в торговле солью, медом, сукном. Таким образом, русско-ганзейские отношения косвенно были направлены в русло ограничения новгородской независимости.

Срок действия договора был рассчитан на 20 лет, но 6 ноября 1494 года случилось событие, которое ошеломило и потрясло Ливонию и Германию. Немецкое подворье в Великом Новгороде по приказу великого князя было ликвидировано, все его обитатели арестованы, а их имущество конфисковано. Мотивы, которыми при этом руководствовался великий князь Московский, до сих пор представляют загадку для историков. Разобраться с ними сложно прежде всего из-за противоречивых показаний источников. Русские летописи сообщают, что обитатели подворья понесли кару за «обиды», причиненные «на Кольвани» (в Ревеле) послам великого князя и русским купцам.

По мнению Н. А. Казаковой, причины закрытия Немецкого двора в Новгороде заключались в стремлении правительства Ивана III к ограничению привилегий ганзейцев и созданию благоприятных условий для заграничной торговли

русских купцов, в первую очередь в Ливонии. Она отмечает также, что, закрывая ганзейский двор, великокняжеское правительство высказывало тем самым свой протест против поступка ревельских властей, совершенного на основе признанной обеими сторонами юрисдикции. Следовательно, оно фактически заявляло о своем отныне несогласии с этой юрисдикцией.

М. Б. Бессуднова рассматривает эту акцию Ивана III в контексте развития отношений Московского государства с империей. По ее мнению, неудачный исход посольства к Максимилиану Габсбургу в 1492–1493 годах для великого князя, сделавшего ставку на тесные паритетные, скрепленные династическим браком отношения со Священной Римской империей, означал полный афронт. Чтобы сохранить лицо, правитель, претендующий на «цесарское» достоинство, должен был произвести ответный удар, который эхом отозвался бы по Европе. Закрытие ганзейского двора в Новгороде и стало таким ответом.

После закрытия в Великом Новгороде Немецкого подворья и ареста ганзейских купцов в Ливонии стали распространяться слухи о скором начале войны с Россией. Это заставило магистра Ливонского ордена Вольтера фон Плеттенберга предпринять превентивные меры, в том числе разведывательного характера. По его поручению фогд Нарвы Конрад Штрик заехал на русскую территорию своих лазутчиков (*vorspeers*). Об одном из них он писал магистру, что он, «уповая на помощь единого только Господа, скрытно направился в Новгород... ради того, чтобы эта страна и ваша честь имели надежные сведения о своих купцах и вовремя получали известия о предприятиях и намерениях русских». При этом он просил «позволить этому нашему служителю в вашем городе привозить и увозить, покупать и продавать свои товары; после того как он сможет воспользоваться нашей дружеской просьбой, он сумеет, не вызывая подозрений, бывать в Новгороде». Таким образом, речь шла не о простом лазутчике, а о внедрении тщательно законспирированного агента, которому предстояло действовать в Новгороде на протяжении длительного времени.

Донесения ливонских агентов свидетельствуют о том, что они были не только вхожи к посаднику, но и общались с присланными из Москвы боярами. В них неоднократно отмеча-

лись факты получения информации от русских, и в первую очередь от новгородцев. По мнению М. Б. Бессудновой, это «можно объяснить лишь неприятием новых порядков, которые были установлены в бывших владениях вольного Великого Новгорода московскими властями, в частности, перераспределением земельных владений и расселением там служилого московского дворянства... Недовольство создавшимся положением в Новгороде определенно присутствовало и создавало благоприятные условия для действий ливонских разведчиков».

Автор «Прекрасной истории» отмечает, что закрытие Ганзейского двора явилось актом вмешательства государства в торговые дела, следствием присоединения Новгорода к Московскому государству. Оно имело как моральные, так и экономические последствия: «...тогда все умы, а также и торговля, отвратились от Новгорода».

О значении торговли в экономической жизни Новгорода писал польский ученый Матвей Меховский в своем историко-географическом сочинении «Трактат о двух Сарматиях» (1517), которое, по словам С. А. Аннинского, было «первой по времени работой, специально посвященной обзору стран и народов Северо-Восточной Европы». Сам Меховский в России не был, и русские известия его «Трактата» основаны на устных рассказах, а также сообщениях русских летописей, заимствованных им из «Истории Польши» польского историка Яна Длугоша:

По обширности Новгород немного больше, чем Рим, так как Рим в окружности имеет тридцать две италийских мили, что составляет шесть миль германских с остатком в две италийских мили. Новгород же имеет целых семь миль, то есть 35 италийских. Здания в Новгороде деревянные, а в Риме каменные.

Купцы там были, да и до сих пор есть богатейшие, притом настолько, что у каждого близ столовой есть кранц, то есть хранилище со сводом (подвал), в который бросают без счета золото, серебро и драгоценные камни.

Вот почему, когда Иван, то есть Иоанн, князь Московский, в 1479 году отнял Новгород у великого князя Литовского Казимира, он мог захватить сразу эти новгородские сокровища и увезти в Московию до трехсот возов, до верху полных только золота, серебра и драгоценного жемчуга.

В этом же Новгороде издавна стали постоянными несчастьями убийства и грабежи: часто при обнаружении или обвинении какого-нибудь преступника начинали бить в колокол совета (претории), где сидели в качестве судей сто сенаторов, все длиннородые по обычаю родины. Народ, услышав звон колокола, сбегался со всего города, причем каждый хозяин захватывал два камня в руки, а сыновья его по столько же... Когда сенаторы выносили обвинительный приговор преступнику, близстоящие осыпали его камнями и убивали, а затем шумной толпой бежали к дому убитого и разграбляли все его имущество. Дом с участком продавался, а деньги конфисковались в пользу государства.

Иван, вышесказанный князь москов, захватив в свою власть Новгород, поставил на пяти известнейших улицах города пять командиров с воинами для подавления и предотвращения обычных беспорядков, нападений и грабежей.

В Новгороде есть замок, называемый Детинец. В нем находится главная церковь святой Софии, то есть Спасителя. Крыга она блестящими золотыми пластинками. В том же Новгороде есть семь монастырей черных монахов устава св. Василия, и отстоят они друг от друга приблизительно на полмили... Много там и церквей разных святых: одному св. Николаю, из всех святых у русских наиболее чтимому, посвящено столько церквей, сколько дней в году.

Сочинение Меховского интересно тем, что в нем приводятся некоторые детали о покорении Новгорода Иваном III и об административном управлении Новгородом. Он, в частности, сообщил о том, что Иван III вывез из Новгорода софийскую казну, и оценил ее в 300 повозок «золота, серебра и жемчуга». Сообщение об этом есть в «Истории Польши» Я. Длугоша. Впоследствии его повторили С. Герберштейн, А. Кампензе, И. Пернштейн, С. Немоевский, А. Олеарий, П. Марпергер. С этого времени одной из составляющих имиджа Великого Новгорода становится легенда о его несметных богатствах, вывезенных в Москву.

Из сочинения Меховского следует также, что высшую судебную власть в республиканском Новгороде осуществлял Совет господ — претория, в которой заседали сто длиннородых сенаторов. Он описывает также механизм созыва веча. Оно собиралось по первому звуку колокола претории. «Пять командиров на пяти улицах города» — это, по всей вероятности, пятиконецкие старосты, институт которых сохранял-

ся и после включения Новгорода в состав Московского государства.

В XVI веке, как и в предыдущее столетие, европейцев поражали размеры Новгорода, они считали его «знаменитейшим и богатейшим из всех северных городов», «наиболее значительным по многолюдству и известности», по величине не уступающим Лондону и Риму. По мнению А. Поссевино, численность населения Новгорода составляла 20 000 человек. Итальянец Марко Фоскарино писал, что Новгород «получил значение главного города вследствие чрезвычайного множества зданий, красивого и рыбного озера и прекрасного старинного и чтимого храма, построенного в подражание св. Софии в Константинополе». Как «город с огромным населением» характеризовал Новгород XVI века С. Немоевский.

Кроме необычных размеров Новгорода иностранные наблюдатели зафиксировали своеобразие его планировки — концентрирование торговой и жилой части города вокруг единого центра — детинца, в то время как для западноевропейского города была характерна планировка, ориентированная на два центра: замок-крепость и рынок с ратушей. Меховский и Кампензе отметили, что Новгород отличается от европейских городов преобладанием деревянных построек. Иностранцы отмечали также большое количество зданий и удобное положение при весьма широком и рыбном озере.

Оборонительные сооружения Новгорода кратко описал секретарь ордена иезуитов Антоно Поссевино:

Некоторые крепости здесь сложены из камня и кирпича. К ним относятся две крепости в Москве, крепости в Новгороде, самом Пскове, Порхове... Две крепостные стены в Москве построены по приказу князя Василия, отца нынешнего государя, миланским архитектором и итальянскими строителями... Эти высокие стены и расположенные повсюду башни свидетельствуют о творении, достойном царя.

То же самое наблюдается в Новгороде, но в самой крепости, кроме того храма, возле которого живет архиепископ со своим окружением, едва ли есть подобные ему строения. Новгород был построен в древние времена почти в виде круга, а в прошлом году некий римский архитектор окружил его валом и заключил близлежащий монастырь в новые укрепления. Выдающиеся вперед из этого вала укрепления, распложенные на соответствующих местах

для того, чтобы помешать врагам взобраться на вал, могут выдержать натиск больших осадных орудий.

Нам кроме всего прочего разрешили также посетить крепости Смоленска и Новгорода, где в знак величайшего уважения нас встретили залпами больших пушек...

Город этот (Новгород. — Г. К.) деревянный, только кремль и укрепления каменные. Говорят, когда-то он пользовался своими законами и правил многими народами. Поссевино (автор пишет о себе в третьем лице. — *Ред.*) сквозь ряды людей, специально для этого созданных из деревень, вошел в город, сопровождаемый приветствиями и залпами, и там при таком же многолюдстве был торжественно отведен в хоромы.

По всей вероятности, его описание достоверно, поскольку, по наблюдениям Н. Н. Кузьминой и Л. А. Филипповой, в Малом земляном городе фортификационные новшества сочетаются с традиционными формами русского оборонительного зодчества. В отличие от крепостей бастионного типа итальянской школы он имел деревянные надстройки — стены и башни.

В 1557 году через Новгород в Москву проезжало шведское посольство Стена Эрикссона, цель которого состояла в прекращении вооруженного конфликта между Московским государством и Швецией. В составе посольства был выдающийся финский просветитель и церковный реформатор, епископ Финляндии Микаэль Агрикола. Пребывание посольства в Новгороде было омрачено инцидентом, грозившим серьезно осложнить и без того непростые отношения между двумя государствами. В помещении, где проживали слуги послов, приставы обнаружили обгорелые иконы и потребовали у посла объяснений. Расследовав обстоятельства случившегося, посол сказал, что это не по злому умыслу, а по неосторожности сделал один из слуг, находившийся в состоянии сильного опьянения. Тем не менее новгородские власти обвинили его в святотатстве и богохульстве и потребовали казнить его. Члены посольства были задержаны в Новгороде и лишены продовольственного содержания. Их резиденцию окружили вооруженные люди, которые вели себя агрессивно. Три дня послы вели переговоры с наместником, они отказались предать виновника смерти, а предложили до их возвращения из Москвы содержать его под стражей

в Новгороде, предоставив самому царю решить участь несчастного. 8 февраля они получили разрешение продолжить свой путь в Москву. Переговоры в Москве прошли успешно, шведские послы были вынуждены принять предложенные им русской стороной условия. Довольный их исходом, царь простил виновника инцидента, ожидавшего своей участи в Новгороде.

Шведская исследовательница М. Аттіус-Сульман в своем исследовании о восприятии русского православия на Западе отметила, что Европа красила Россию и русских в мрачные цвета, поскольку русская культура и обусловленные ею традиции и нравы существенно отличались от западноевропейских. Русских описывали как неверующих и безбожников, несмотря на то что многие современные богословские трактаты констатировали их принадлежность к христианской вере. Новгородский инцидент 1557 года также показал, что европейцы смотрели на Россию через призму своих культурных ценностей, а потому не воспринимали произведения древнерусской живописи как произведения искусства. Не случайно в документах посольства поврежденные иконы названы «расписанными досками».

В 1565 году в Великом Новгороде побывал представитель знатного итальянского рода Рафаэль Барберини. Он приехал в Россию с рекомендательным письмом к Ивану IV от английской королевы Елизаветы для изучения русской торговли. Он прибыл в Москву из Антверпена через Амстердам, Любек, Ригу, Нарву, Новгород и Тверь. По всей вероятности, он был первым итальянским путешественником, побывавшим в Новгороде.

Его краткое описание Новгорода интересно тем, что в нем впервые упомянут Великий мост, который уже в древности связывал кремль и Ярославово дворище. По преданию, он стоял уже в X веке, именно на него в 989 году выбросил свою палицу Перун. Однако в легендах зачастую смешивались события разных эпох. В летописях Великий мост впервые упоминается под 1133 годом («...обновиша мост черес Волхово, рубивше...»). Подробные регламентации о разверстке мостовой повинности в Новгороде содержатся в Уставе о мостах XIII века. В древности Великий мост был местом казней, драк, крестных ходов, торжественных встреч. Единственное

иностранное свидетельство о его торговых функциях содержится в сочинении Барберини.

Многие иностранные наблюдатели XVI века, прежде всего англичане, отмечали важное торговое значение Новгорода, считали его «рынком целой империи». Они связывали богатства Новгорода с его обширной торговлей и считали, что выгодное географическое положение позволяет ему в зарубежной торговле по отдельным видам товаров конкурировать с Москвой. Эту особенность Новгорода отмечали и русские современники. Так, А. Курбский писал: «В старинном и большом городе Новгороде живет торговое население. В самом городе у них морской порт, потому и очень богаты».

Краткие сведения о новгородской денежной системе сообщил имперский посол Даниил Принц в докладной записке императору Максимилиану II в 1577 году:

100 новгородских монет составляют 1 рубль. Если обратиться к нашему вычислению, то он будет заключать в себе 3 рейнских флорина и 20 крестовиков... Новгородская монета, которая стоит 2 крестовика, у них в величайшем употреблении и выделывается из нашего серебра очень многими золотых дел мастерами в нескольких главных городах. Она имеет на одной стороне изображение человека, сидящего на коне, а на другой титул великого князя.

«Величайшим торжищем всей Руси» назвал Великий Новгород имперский посол С. Герберштейн, посетивший Россию в 1517 и 1526 годах. Герберштейн пробыл в России около шестнадцати месяцев, он был знаком с европейской историографией, знал славянские языки и читал русские письменные источники. Поэтому его сочинение «Записки о Московии» является одним из наиболее полных и достоверных описаний Московского государства XVI века, основанным как на личных впечатлениях, так и на оригинальных исторических источниках. Оно содержит разнообразную информацию о внутренней и внешней политике Русского государства, его экономическом и культурном развитии, этнографии и географии. «Записки о Московии» сыграли важную роль в расширении экономических и культурных связей России с Европой. В XVI веке они были наиболее известным и чи-

таемым сочинением о России (каковыми остаются и до сих пор) и оказали большое влияние на европейскую историографию Руси.

Новгород Великий — самое большое княжество во всей Руси, на их родном языке он называется Новым городом, т. е. *Nova civitas* или *Novum castrum*, ибо все, что окружено стеной, укреплено тыном или другим способом огорожено, они называют *gograd*. Это обширный город, посредине которого протекает судоходная река Волхов, вытекающая почти в двух верстах выше города из озера Ильмень и впадающая в озеро Нево, которое теперь по лежащему при нем городу называется Ладогой. Новгород отстоит от Москвы на сто двадцать миль на северо-запад; впрочем, иные считают только сто. От Пскова — на тридцать шесть, от Великих Лук — на сорок, от Ивангорода — на столько же. Некогда, во время процветания этого города, когда он был независим, обширнейшие его земли делились на пять частей; каждая из них не только обращалась со всеми общественными и частными делами к установленному и полномочному в этой части магистрату, но и заключать какие бы то ни было сделки и беспрепятственно вершить дела с другими своими гражданами могла исключительно в своей части города, и никому не было позволено в каком бы то ни было деле жаловаться какому-либо иному начальству этого города. В то время здесь было величайшее торжище всей Руси, так как туда стекалось отовсюду — из Литвы, Швеции, Дании и из самой Германии — огромное число купцов, и от столь многолюдного стечения разных народов граждане умножали свои богатства и достатки. Даже и в наше время иноземцам позволено иметь там своих торговых представителей или приказчиков. Владения Новгорода простираются главным образом к востоку и северу, они граничили с Ливонией, Финляндией и почти что с Норвегией... Во владении Новгорода находились и восточные княжества: Двинское и Вологодское, а на юге ему принадлежала половина Торжка недалеко от Твери. И хотя эти области, полные рек и болот, бесплодны и недостаточно удобны для поселения, тем не менее они приносят много прибыли от своих мехов, меда, воска и разнообразных рыб.

Излагая легенду о призвании варягов (Рюрика, Синеуса и Трувора), Герберштейн писал: «Русские хвалятся, что эти братья происходили от римлян, от которых повел, как он утверждает, свой род и нынешний московский государь». Это свидетельствует о том, что во времена Василия III миф

о варягах был уже прочно ориентирован в сторону Запада; московский великий князь непоколебимо считал себя потомком римских цезарей.

Согласно версии Герберштейна, римский император Август «возложил дани на вселенную и послал своего брата Пруса на берега Вислы». Сюда по совету Гостомысла пришли послы новгородцев искать себе князя и пригласили Рюрика — потомка Пруса, а следовательно, родственника императора Августа. По всей вероятности, эта династическая идеология была сформулирована между 1505 и 1521 годом писателем и церковным деятелем Спиридоном-Саввой в послании Василию III.

Позднее она была воспроизведена в литературно-публицистическом памятнике «Сказание о князьях Владимирских», использовавшемся для укрепления авторитета великокняжеской и царской власти и ставшем официальной концепцией политической теории и исторических прав Русского государства. Рюрик был объявлен потомком Пруса — родича кесаря Августа, посланного последним на княжение в одну из подчиненных ему земель на берега Вислы. Таким образом, когда Россия, сбросив монголо-татарское иго, начинает прокладывать путь на Запад, рождается новая историческая концепция, согласно которой Рюрик стал связующим звеном между Москвой и Римом.

Независимый Новгород Герберштейн назвал республикой во главе с князьями, которых новгородцы ставили по своему усмотрению. Он охарактеризовал его как федерацию пяти самоуправлявшихся концов, а также установил связь кончанского деления города с делением Новгородской земли на пятины: «Его земли делились на пять частей; каждая из них обращалась со всеми общественными и частными делами к установленному и полномочному в этой части магистрату». Свидетельство Герберштейна о том, что кончанская администрация ведала управлением новгородскими пятнами, представляется особенно важным, поскольку документы республиканского периода об этом молчат.

В XVI веке многие иностранные авторы констатировали стремление Москвы распространить свое влияние на ближайших соседей. Подобно многим европейцам, С. Герберштейн испытывал страх перед ростом могущества Русско-

го государства, представлявшего уже весьма внушительную политическую силу на европейском горизонте. Поэтому деятельность московских великих князей, направленную на «собираение земель», он оценивал негативно. Не случайно он написал, что Иван III обратил новгородцев в рабство, и противопоставил независимый Новгород Новгороду, подчинившемуся власти великого князя. Он считает, что следствием этого было падение нравов новгородцев: «Народ там был очень обходительный и честный, но ныне крайне испорчен, чему, вне сомнения, виной московская зараза, занесенная туда заезжими московитами».

Противопоставив Новгород Москве, Герберштейн фактически поставил вопрос об альтернативах политического развития России. В 1973 году к этой теме обратился профессор Клагенфуртского университета А. В. Исаченко. Он считал, что «Москва с ее ультрареакционным изоляционизмом была неспособна превратить полуазиатское государство в европейскую державу. Для этого потребовался полный пересмотр государственной идеологии, перенос центра новой империи в такое место, откуда удобно было бы “прорубить окно в Европу”. Но если допустить, что руководящей силой на Руси еще в XV веке мог стать Новгород вместо Москвы, то и пресловутое “окно” оказалось бы излишним: ведь дверь в Европу через Новгород была бы открыта настезь».

Развивая эту тему спустя двадцать лет, шведский славист П.-А. Будин писал: «Если бы Новгород, а не Москва стал новым центром России после татарского ига, то страна могла бы развиваться больше как остальная Европа в это время. Географическая и культурная изоляция от Европы проходила в три этапа: татарское нашествие, раздел страны на Великороссию и Малороссию, победа Москвы над Новгородом в борьбе за новый центр власти в Великороссии. С каждым этапом наследник Киевской Руси утрачивал часть культурной связи с Западной Европой».

Британский исследователь Саймон Франклин, напротив, не считает новгородские институты демократическими в современном смысле этого слова и поэтому расценивает все утверждения о том, что Новгород являет пример «альтернативной», «демократической» политической традиции истории России романтическими фантазиями.

Герберштейну было известно, что ликвидация политического строя Новгородской республики сопровождалась ломкой старого вотчинного землевладения на территории Новгородской земли: «По взятии города Иван III увез с собой в Москву архиепископа и всех более богатых и влиятельных лиц, послав в их владения как в новые места обитания своих подданных». Конфискации боярских и монастырских земель сопровождались «выводами» землевладельцев. Насильственное переселение новгородцев было одним из мероприятий, направленных на уничтожение системы крупного землевладения и новгородских республиканских традиций. В Москву, Владимир, Муром, Ростов и другие города было переселено более 2000 представителей привилегированных сословий — бояр, детей боярских, житых и торговых людей. Часть конфискованных земель перешла в разряд дворцовых, на оставшихся землях было помещено около 2000 бояр, детей боярских и служилых людей и гостей из Москвы, замосковных, понизовских и других городов.

Характерно, что в своем сочинении Герберштейн пересказывает уставную грамоту Хутынского монастыря: «Прежде чем избранник будет утвержден государем, он должен обязать себя письменной клятвой, что намерен жить в этом монастыре свято и благочестиво, по правилам святых отцов; будет исполнять свои обязанности по обычаям предков и советуюсь со старейшей братией; к каждой должности будет приставлять людей верных и усердно будет печься о пользе монастыря». По всей вероятности, он усматривает в ней свидетельство аналогичного решения вопроса о соотношении духовной и светской власти в своем государстве, где со времен Фридриха III светская власть была выше церковной.

Герберштейн первым из иностранцев обратил внимание на бронзовые врата западного фасада Софии Новгородской, которые позднее называли то Корсунскими, то Сигтунскими, то Магдебургскими, то Плоцкими. Он сообщает, что согласно преданию они были привезены из Корсуни: «Новгородцы в течение семи лет подряд были заняты тяжелой осадой греческого города Корсуня... завоевав город, победители вернулись с войны, везя с собой медные ворота покоренного города».

С воспоминаниями о походах новгородцев на греков в IX–XI веках и взятии Корсуня (Херсонеса Таврического) в 988 году связана пересказанная Герберштейном легенда о восстании рабов, сюжет которой он, по всей вероятности, заимствовал у Геродота, описавшего восстание рабов в Скифском царстве в V веке до н. э.:

Однажды, когда новгородцы в течение семи лет подряд были заняты тяжелой осадой греческого города Корсуня, их женам наскучило отсутствие мужей, в жизни и возвращении которых они вообще уже сомневались, и они вышли замуж за рабов. Наконец, завоевав город, победители-мужья вернулись с войны, везя с собой медные ворота покоренного города и большой колокол, который мы сами видели в их соборной церкви, рабы же вознамерились силой не пустить в город своих господ, на супругах которых они женились. Тогда господа, возмущенные этим недостойным деянием, отложив по чьему-то совету в сторону оружие, ибо имели дело с рабами, взялись за дубинки и плети; уstraшенные этим рабы обратились в бегство и, удалившись в некое место, которое и поныне еще называется Хлопиогород, то есть «крепость рабов», стали там защищаться, но потерпели поражение и понесли от господ заслуженную кару.

Судя по этому описанию Герберштейна, Хлопиогород (Холопий городок), куда бежали новгородские холопы, располагался в 80 километрах от Углича на реке Мологе в том месте, которое теперь находится на дне Рыбинского водохранилища. Как отметил А. Н. Кирпичников, новгородские холопы принимали участие в строительстве таких крепостей, что подтверждается летописным сообщением о том, что в 1342 году новгородец Лука Варфоломеев, «скопив с собой холопов, поеха за Волок на Двину, и постави городок Орлец».

Известный шведский археолог Туре Арне считает, что упоминаемый Герберштейном Хлопиогород «идентичен Дреллеборгу (Dhrelleborch), лежащему на Волхове к северу от Новгорода и упоминаемому в средневековых источниках с 1268 г.». При этом он отмечает, что поселения с аналогичными названиями были в Швеции (Trelleborg) и Дании (Träleborg). Местное предание также связывает Холопий городок с расположенной в 20 километрах от Великого Новгорода Холопье́й горой — островным городищем при слиянии

Волхова и Малого Волховца со следами поселения IX—X веков. Однако археологи Е. Н. Носов и А. В. Плохов все-таки полагают, что его название «Холопий городок» не связано с легендарным восстанием холопов, а происходит от поселения на этом месте зависимых людей.

В своем сочинении Герберштейн наметил основные темы в иностранных описаниях Новгорода. Во второй половине столетия к ним прибавилась еще одна — опричный разгром 1570 года. Его описали в своих «Записках» участники опричного похода на Новгород перешедшие на русскую службу ливонские дворяне Иоганн Таубе и Эйлар Крузе, вестфальский бюргер Генрих Штаден, выходец из Померании Альберт Шлихтинг, а также немецкий религиозный и политический деятель Генрих Рэтель.

Убийцы не жалели ни женщин, ни детей, ни старых, ни молодых, они резали людей и скот, портили девушек, детей насаживали на длинные пики, дома в городе они поджигали, так что они догорали дотла. Семьсот бедных женщин с множеством их детей было утоплено в реке Волхов; они хотели прежде завершить свою молитву к Богу, но не смогли получить этого от убийц, а были жестоко убиты и брошены в воду вместе с их детьми. Лучших горожан они вывешивали из окна, а потом сбрасывали вниз. Советников и их слуг слуги палачей заперли в ратуше и удавили их. Ничего более ужасного невозможно увидеть, чем это; когда на множестве окон в ратуше не хватало места, чтобы привязать этих бедных людей, тогда тела одних снимали, а других вешали на их место, и Васильевич приказывал воинам оттаскивать снятые тела железными баграми и кидать в воду...

В таких гнусных резне и бойне было убито до 1770 человек, не считая простого народа, которого тиран приказывал запирать в деревянные шкафы, бить железными прутами, кидать вниз в самую глубокую выгребную яму и убивать.

Сохранились немецкие брошюры, составленные со слов иноземных купцов, ставших свидетелями некоторых из происшедших событий. Свидетельства иностранцев, благодаря которым об опричном погроме Новгорода мы осведомлены, пожалуй, лучше, чем о многих других событиях этого времени, можно сопоставить со свидетельствами русских источников.

Вопрос о том, сколько новгородцев стало жертвами опричного террора, до сих пор остается открытым. Цифры, приводимые в разных источниках, сильно отличаются друг от друга. А. Курбский писал, что только в один день погибло 15 тысяч новгородцев, Таубе и Крузе оценивают число жертв в 27 тысяч, Псковская летопись — в 60 тысяч. Джером Горсей считает, что царь погубил 700 тысяч новгородцев. «Повесть о разгроме Новгорода Иваном Грозным» говорит о гибели нескольких десятков тысяч новгородцев. Эти цифры следует считать явно завышенными, поскольку население Новгорода в середине XVI века составляло не более 30 тысяч человек. Тем не менее в современных польских учебниках по истории число жертв новгородской трагедии оценивается в 40 тысяч человек.

Более точными следует считать сведения синодика опальных Ивана Грозного, в текст которого включена «скаска» Малюты Скуратова, где сказано, что «в ноугородской посылке Малюта отдал 1490 человек ручным усечением, ис пищали отдалено 15 человек». Р. Г. Скрынников определяет число погибших новгородцев на основании синодика в 2170–2180 человек. При этом он отмечает, что «эти данные нельзя считать полными, поскольку многие опричники грабили и убивали на свой страх и риск, однако число их жертв было невелико по сравнению с количеством жертв организованных массовых убийств». Таким образом, общее число жертв новгородской трагедии можно оценить в 2,5–3 тысячи человек. Эта цифра соответствует данным, приведенным Шлихтингом (2770 человек, «не считая лиц низкого происхождения») и членами голландского посольства 1615–1616 годов, в беседе с которыми новгородцы, помнившие опричный погром, называли цифру 1700 человек, касавшуюся только именитых новгородцев.

Шлихтинг свидетельствует о том, какой жестокостью отличались действия в отношении бедноты. Царь распорядился выгнать за городские ворота всех нищих и бродяг, спасавшихся в городе от голода и холода. Большая часть из них погибла, а те, кто был изобличен или подозревался в людоедстве, были казнены по приказу царя.

Он препоручил выгнать всех нищих за город и выгнанных заставил пребывать под открытым небом, в то время как все было бело

от снега и замерзло от холода. Граждане, также желая избежать гибели, грозящей городу, в большинстве облеклись в одеяние нищих и дали себя выгнать вместе с ними. Огромное большинство из них, изнуренное голодом и холодом, погибло, а многие украдкой отправлялись ночью в город, полный трупов, крали тела убитых и питались ими, похищенными тайно. Остальные тела, которые они не могли потребить, они хранили посолёнными в бочках. Когда Московит узнал это, он осведомляется о причине, почему они хранят тела умерших впрок в бочках. Те отвечали, что сделали это вынужденные голодом. А он повелел всех схватить и потопить в воде.

Побывавшие в Великом Новгороде в январе 1570 года иностранцы стали свидетелями и участниками политического театра Ивана Грозного, который они описали в своих сочинениях. В их описаниях обращает на себя внимание основной способ казней — утопление в Волхове. Об этом, в частности, писал датский посланник Якоб Ульфельд: «Царь приказал всех их согнать на мост... собрав их, он велел сбросить их в текущую там реку».

По всей вероятности, такой способ расправы носил символический характер и был связан с устойчивым представлением о связи ада с водной средой, а конкретно — с дном водоемов. По мнению А. Л. Юрганова, отмеченная Шлихтингом типологичность казней до некоторой степени определялась эсхатологической семантикой, связанной со средневековыми представлениями о мучениях накануне Страшного суда. Приказав утопить вероотступников, царь тем самым отправлял их прямо в ад, который в соответствии с народными воззрениями находился в пропасти на дне реки. Таким образом, казни новгородцев имели символический характер. Через муки и страдания, причиняемые своему народу, царь, по всей вероятности, хотел не только очистить его от греха, но и показать «городу и миру», что он вершит не только земной, но и небесный суд.

Обращает на себя внимание также свидетельство Штадена о том, что по приказу царя «были снесены все высокие постройки; было иссечено все красивое: ворота, лестницы, окна». Как считает Б. Н. Флоря, по всей вероятности, это также была какая-то символическая процедура, смысл которой пока ускользает от нас.

Почти хрестоматийным стало приведенное в сочинении Шлихтинга описание жестокой казни новгородского гостя Федора Сыркова, совершенное по приказу царя и сохранившее язык эсхатологических образов, понятных очевидцам и современникам:

Он велит схватить одного знатного и именитого человека, главного секретаря Новгородского, Федора Ширкова (Сыркова. — Г. К.). Велев привести его к себе, он приказывает привязать его посредине туловища к краю очень длинной веревки, крепко опутать и бросить в реку, по имени Волхов, а другой конец веревки он велит схватить и держать телохранителям, чтобы тот, погрузившись на дно, неожиданно не задохся. И когда этот Федор уже проплавал некоторое время в воде, он велит опять вытащить несчастного и спрашивает, не видал ли он чего-нибудь случайно в воде. Тогда тот ответил, что видел злых духов, которые живут в глубине вод реки Волхова и в озерах, по имени Владодоги и Усладоги, и они вот-вот скоро будут здесь и возьмут душу из твоего тела.

За такой ответ царь приказал поставить Сыркова в котел и обварить кипятком. После пыток его тело было разрублено на части и брошено в реку. Отметим, что царь нередко запрещал предавать земле тела своих противников.

Шлихтинг также подробно описал издевательства царя над архиепископом Пименом, почти тридцать лет возглавлявшим Новгородскую епархию. Расправа с ним также была рассчитанной на зрителей театрализованным действием, пародией на христианские ритуалы:

Тиран велит привести кобылу и обращается к епископу: «Получи вот эту жену, влезай на нее сейчас, оседлай и отправляйся в Московию и запиши свое имя в списке скоморохов». Далее, когда тот взобрался на кобылу, тиран велит привязать ноги сидевшего к спине скотины и, удалив его таким образом из города и прогнав с епископства, велит ему отправляться по назначенной дороге. И когда тот уже удалился, он опять велит позвать его к себе и дает ему взять в руки музыкальный инструмент, мехи и лиру со струнами. «Упражняйся в этом искусстве, — сказал тиран. — Тебе ведь не остается делать ничего другого, в особенности после того, как ты взял жену». И вот этот епископ, не умеющий до того играть на лире, верхом на кобыле по приказу тирана удалился в Москву, брящая на лире и надувая мехи.

Издевательства над Пименом царь продумал до мелочей. Его уподобили скomorохам, деятельность которых церковь осуждала. Но самое главное, расправа над ним откровенно пародировала один из самых важных христианских ритуалов — шествие на осляти. Описание расправы с архиепископом Пименом и Федором Сырковым, заимствованные у Шлихтинга, более ярко воспроизвел А. Гваньини, украсив их красочными деталями и прямой речью персонажей.

Участниками театрализованного представления стали также члены шведского посольства, направлявшиеся в Москву. Посольство возглавлял финляндский епископ Павел Юстен. Поскольку послы вопреки обычной практике отказались вести переговоры с новгородским наместником, по приказу царя их задержали в Новгороде, где они были под арестом с сентября 1569 по январь 1570 года, в силу чего российскую действительность члены посольства наблюдали по преимуществу со стороны, а то и из-за забора, за которым их содержали. Из того, что с ними случилось в Новгороде, членам посольства больше всего запомнился описанный Юстеном прием в резиденции наместника, почти совпавший с расправой над Пименом.

Наступило Крещение, и когда мы утром готовились к службе, пришли два посланных из дворца человека и спросили, собираемся ли мы завтра, 7 января, к наместнику, как обещали. Мы сказали, что, если Господь позволит, готовы отправиться куда угодно. На следующий день во время молитвы мы просили Господа, чтобы посещение дворца было для нас удачным, и, не поев, прождали до обеда. Наши коварные враги уверяли, что мы получим там прекрасный обед, так что не нужно подкрепляться. Наконец, прибыли посланные к нам воины. Наш провожатый Григорий ехал справа от меня в собственном экипаже, у других послов были тоже провожатые по правую сторону. Пятеро из нас ехали на собственных лошадях. Около дворца мы спешились и оставшийся путь прошли пешком. По обе стороны от нас стоял народ великого князя, с которых беззастенчиво сняли всю одежду, они были совсем наги. Они находились вокруг, пока мы не дошли до лестницы. Навстречу нам вышли двое русских, которые со злорадством поздоровались и пошли впереди нас в дом, где собрались наместник и другие русские аристократы. Многие из них были вооружены и снаряжены будто на битву, а не для переговоров с послами.

После приветствий Матиас Шуберт начал излагать, что он говорит в соответствии с указаниями короля, которые были нам даны. Но когда присутствующие заметили, что в приветствии не упомянут наместник, они прервали толмача, грязно обругали нас и спросили, признаем ли мы наместника братом нашего короля и равным ему, как это было раньше.

Мы просили, чтобы они разрешили толмачу говорить и не прерывали его, так как из его речи легко бы узнали о нашей цели. Когда Шуберт добавил несколько слов к этому объяснению, толпа загалдела еще больше и потребовала, чтобы нас выбросили вон. Схватив за рукава, русские вывели нас из дома, а чтобы шли быстрее, один гигант встал, взяв в руки меч. После этого позорного изгнания мы пошли к повозкам. Но едва мы отъехали, как нас настигли и потребовали вернуться. Они стащили нас с повозок и кулаками стали подталкивать вперед, пока мы не дошли до какого-то другого дома. Нас оставили в комнате, а других членов свиты собрали в задней части дома. Русские обыскали каждого отдельно, сорвали и взяли все, что у нас было: кольца, золотые цепочки, деньги и всю праздничную одежду. Потом нас выбросили из дома, у многих связали ремнем руки и отдали во власть русскому всаднику, который, зацепив ремень, приказал бежать за ним, и каждый раз, когда он поворачивал коня, нам приходилось делать такой же поворот. Этот позор пришлось терпеть на глазах у большой, собравшейся со всех сторон толпы. Так мы вынуждены были бежать до самого дома, который находился более чем в четверти мили от дворца. Но и здесь наш позор не кончился. Когда мы зашли в комнаты, то увидели, что королевские и наши подарки, предназначенные для великого князя, и все то, что было отнято у нас, свалено на полу. С нас сняли обувь, всю одежду и плащи, мы были совсем нагими; нас потащили для насмешек пришедших сюда, они со злорадством, без всякого стыда, указывали на нас. После этого мерзкого представления нам дали одеться. Такому же сраму подвергнулась и свита.

Это действие было пародией на дипломатический ритуал, при котором все традиции посольского церемониала были вывернуты наизнанку. Если обычно иностранные послы двигались по городу торжественной процессией, то шведских послов заставили бежать за лошадьё. Вместо торжественного обеда и подарков, полагавшихся после приема, их посадили на хлеб и воду и ограбили. Членов посольства подвергали унижениям публично, невзирая на духовный сан по-

сла. Став свидетелями этой расправы, новгородцы должны были понять, что с приходом царя в Новгород мир перевернулся и нигде — ни в церковной, ни в дипломатической сфере привычные нормы и традиции больше не действуют.

Этот спектакль, в котором вынуждены были участвовать члены шведского посольства, был также своего рода «посланием» шведскому королю Юхану III. Жестоким обращением с ними царь хотел напугать короля и подчинить своей воле.

Трагедия Новгорода произвела сильное впечатление на современников. Она была описана в немецкой «Правдивой новой газете». Анонимный автор изданной в 1572 году во Франкфурте-на-Майне брошюры «Истинно правдивое описание некоторых деяний, происшедших и случившихся в России — в Москве, во Пскове, в Новгороде, в Нарве, Ревеле, в Дерпте и других городах...» описал картину опричного террора в Новгороде, дополнив ее описанием расправы над животными: «И какую тиранию великий князь творил над подданными, такую же и над скотом, принадлежавшим им, над лошадьми, быками и коровами. Со спин у них снимали шкуру, драли до мяса, потом забивали дубинами и топорами». Он сообщил и о расправе над членами шведского посольства: «Именно в это время несколько шведских послов прибыли в Новгород. Великий князь велел их раздеть донага и привести к себе». Известия о кровавых событиях в Новгороде достигли многих европейских столиц, чему немало способствовало польское правительство. Вообще свидетельства иностранцев о новгородском погроме 1570 года стали широко известны в Европе и способствовали формированию негативного образа в восприятии России. Эта тема присутствовала почти во всех иностранных сочинениях о России XVII—XIX веков.

Примечательно, что в изданной в 1770 году в Эдинбурге книге Джона Кука «Путешествия и странствия по Российской империи, Татарии и части Персидского царства» были такие строки: «Говорили, будто его (Новгород. — Г. К.) разрушил Иван Васильевич — тиран — с такой яростью и неслыханной жестокостью, что я не стану ни мучить своего читателя описаниями ужасов, ни способствовать увековечению памяти об этом изверге».

А вот так описал все это А. Дюма, так и не побывавший в Новгороде, но слышавший об опричном погроме во время своей поездки по России в 1858–1859 годах:

Иоанну мерещится, что Новгород, покоренный его дедом, восстал против него. Он занимает город без сопротивления. Он пронзает копьем всех, кто попадает на пути. Сгоняет всех, кто не смог скрыться, в огромный палисад, обнесенный кольями, велит наделать прорубей во льду Волхова, велит привести на реку сотни пленников и натравливает на них медведей, собак и голодных волков, а так как пленники эти не могут выбраться ни на тот, ни на другой берег, где поджидает стража, их или раздражают дикие звери, или несчастные находят погибель на дне реки.

Память об опричном разгроме долго жила в Новгороде, о чем свидетельствовали побывавшие в городе иностранцы в конце XVI — XVII веке. В 1587 году через Новгород проезжали члены датского посольства. Их путь пролегал через разоренные опричниками деревни, и местность вокруг «была так гола, что если бы пристав не распорядился доставкой провизии из других мест, то они умерли бы от голода». В ожидании распоряжений царя послы провели в Новгороде больше месяца. За это время на основании свидетельств «людей, достойных доверия... которые до сих пор живут в Новгороде» они восстановил картину опричного разгрома города.

Лет 8 тому назад, если не ошибаюсь, у князя возникло некое подозрение на своего единоутробного брата в том, что тот, очевидно, задумал ему навредить и строит козни. Было ли это так — знает Бог. Итак, он вызвал его к себе и поднес ему яд. После того, как тот выпил его, он заболел и умер. Затем великий князь отобрал 300 опричников, предоставив им власть над жизнью и смертью людей, а также над всем имуществом, домами и домашним скарбом.

Они обошли по всему пространству между Москвой и Псковом и сровняли с землей великое множество домов; по своему усмотрению убивали мужчин, женщин и детей, грабили купцов, уничтожали рыбные пруды, а рыбу сжигали и вообще все настолько расстроили и разорили, что страшно об этом даже и говорить, а не то что видеть. Поэтому если бы приставы не доставляли нам средств, необходимых для поддержания жизни, которые привозились из других мест, мы все неизбежно погибли бы от го-

лода и лишений. Люди впали в такую нужду, что мы почти нигде, за исключением очень немногих мест, не могли купить даже жалкого яйца.

При этом в то же самое время царь созвал в Новгород большое количество людей, словно намеревался обсудить с ними неотложные дела. Когда они туда прибыли, он приказал всех их согнать на мост недалеко от города — тот, который мы видели каждый день. Собрав их, он велел сбросить их в текущую там реку. Были убиты и задушены многие тысячи людей, которых он подозревал из-за брата, еще раньше устраненного им с помощью яда — подозревал в том, что они якобы были на его стороне. И что более всего удивительно, так это то, что утонуло такое множество людей, что вышеупомянутая река наполнилась трупами сверх всякого человеческого ожидания и была настолько ими запружена, что не могла течь по своему прежнему руслу, но разлилась по зеленоющим лугам и плодородным полям и все затопила своей водой.

Особую достоверность сообщениям о событиях 1570 года придают именно свидетельства очевидцев. Об этом впоследствии писал А. Олеарий:

Датский дворянин Яков (Якоб Ульфелдт — руководитель датского посольства 1578 года к Ивану IV. — *Г. К.*)... рассказывает, что мертвыми телами многих тысяч жалким образом казненных людей река Волхов так была наполнена, что нарушено было правильное течение ее: она вышла из берегов и должна была разлиться по полям. Так как эти события случились всего за 8 лет до приезда посла, то ему о них могли дать вполне достаточные сведения новгородские жители, у которых он отдыхал более месяца.

Ревностный последователь Лютера, Ульфелдт вступал в религиозные споры с приставами и местными священниками, осуждая их за предрассудки и «идолопоклонство». Нетерпимо и враждебно относясь к православию и русским обычаям, он осудил непристойность скоморохов и даже в водосвятии не увидел ничего, кроме бесстыдства. Его выпады в адрес скоморохов и гудошников следует рассматривать в общем контексте наступления на народную культуру со стороны как православной, так и католической церкви. По морально-этическим представлениям того времени фольклор и скоморошество были на грани непристойности.

В одном из древнейших шведских областных законов — Вестерёталаге есть постановление о бродячих музыкантах, которое фактически ставит их вне закона. Музыканты не имели чести и человеческой неприкосновенности, они относились к категории бездомных нищих, игру и шутки которых слушали, но не испытывали к ним никакого почтения. Если музыканта ударили, то штраф за это платить было не нужно.

Подобно Герберштейну, наиболее яркой страницей в истории Новгорода Ульфельдт считает время независимости, об утрате которой он сожалеет. Описывая его присоединение к Москве как силовую акцию, он первым из иностранцев упоминает о сопровождавшей этот процесс политической борьбе: «Это его (Новгорода. — Г. К.) могущество продолжалось до того дня, когда возникли ненависть и распри между должностными лицами, и дело дошло до того, что они решили обратиться за посредничеством при их раздорах к москвиту, который впоследствии, опираясь на наиболее слабую партию, подавил и другую и, овладев городом, сделал себя его господином». В расправе над Владимиром Андреевичем Старицким и опричном разгроме Новгорода он видит звенья одной цепи.

В своем сочинении Ульфельдт пишет о том, что в Новгороде членов посольства разместили в палатах, когда-то принадлежавших убитому брату царя. Датский историк Кнут Расмуссен считает, что речь идет о дяде Ивана IV Андрее Ивановиче Старицком, который в 1537 году поднял мятеж против правительницы Елены Глинской и бежал в Новгород, с которым князья Старицкие традиционно поддерживали дружеские связи. Он надеялся найти там сторонников, однако новгородцы не поддержали его, и он с повинной явился в Москву, был схвачен и брошен в тюрьму, где вскоре умер. По мнению же Ю. Н. Щербачева, речь идет о двоюродном брате Ивана IV Владимире Андреевиче Старицком, схваченном по подозрению в измене в 1569 году и отравленном вместе с женой и детьми. Ульфельдт ошибочно считает его новгородским князем и относит расправу над ним и новгородский погром к «последствиям одной и той же вспышки Иоаннова гнева».

В 1616 году голландские дипломаты в помещении, отведенном под резиденцию посла в Новгороде, увидели портрет Ивана Грозного. Это натолкнуло их на мысль побесе-

довать с местными жителями о кровавой резне, учиненной здесь Иваном Грозным.

Один очень старый москвит... рассказал нам как об истинном происшествии, что Васильевич, когда он в 1569 г. был в Новгороде, приказал сбросить с Волховского моста 1700 именитых горожан и кроме того множество монахов и бедных людей, которых для того, чтобы доставить ему удовольствие, всех приказали безжалостно погубить, утопив. Один честный купец, которого он также приказал бросить в реку с моста и который, будучи связанным, был уже близок к тому, чтобы утонуть, но он (великий князь. — Г. К.) приказал вытащить из воды, и когда он пришел в себя, спросил его, что интересного он видел на дне. Купец ответил, что он был в аду и там место и стул, приготовленный для него, Васильевича, когда он умрет. От этого великий князь пришел в такую ярость, что приказал посадить купца в котел с маслом и нагревать его постепенно до тех пор, пока он не сварится заживо. В другой раз великий князь приказал посадить тогдашнего митрополита задом наперед на лошадь, дал ему в руки дудочку, в которую он должен был дудеть, и послал его в таком виде с большим позором в путь на Москву.

В 1664 году местные жители рассказали членам голландского посольства под руководством Бореля о том, что «река около города редко замерзает в середине... потому, что царь Иван Васильевич погубил здесь много людей: их привозили к мосту сотнями, отрубали головы, и от этого вода окрашивалась».

Иностранные наблюдатели XVI века воспринимали Новгород как один из главных центров православия, отмечали наличие в нем архиепископа, большого количества богатых монастырей и «изящно и пышно разукрашенных» храмов, среди которых выделяется «древнейший и чтимый новгородцами» Софийский собор, построенный «в соревновании с византийскими императорами во имя Святой Софии Иисуса Христа Сына Божия».

В 1581 году в Софийском соборе побывал папский легат секретарь ордена иезуитов А. Поссевино. Его переговоры в Москве прошли успешно, и царь приказал новгородскому архиепископу с почетом принять папских дипломатов. Поэтому архиепископ Александр пригласил их посетить бо-

гослужение в Софийском соборе. Поссевино отказался присутствовать на службе, но согласился посетить храм, чтобы осмотреть его внутреннее убранство и мощи святых. В донесении генералу ордена иезуитов он писал, что сделал это для того, чтобы «впоследствии можно было разъяснить этому народу (русским. — Г. К.) обман и обратить его к священному почитанию Бога и истинных святых». Прямо у гроба епископа Никиты он начал проповедь против святости мощей и вообще против святости православных святых и русского благочестия. Не желая вступать в бесполезный спор с фанатиком и чтобы не подать народу повода к соблазну, архиепископ попросил иезуитов выйти из Софийского собора. Впоследствии один из членов делегации Джованни Паоло Кампани в своих записках о посольстве написал, что когда по просьбе Поссевино «архиепископ показал ему гробницу князя Владимира, который впервые приобщил русских к христианской вере, и некоего Никифора, известного, по их словам, чудесами, то Поссевин, насколько он мог судить (ему едва разрешили взглянуть), обнаружил не настоящие тела, а деревянные фигуры, одетые в платье и раскрашенные». Очевидно, этот пассаж был написан с целью дискредитации русских святых. Как отметила О. А. Агеева, «записки иностранцев о России показывают, что в качестве суеверий, предрассудков, варварства русской веры выступали как раз основные формы православного культа: почитание икон и святых».

А. Кампензе и А. Поссевино отмечали, что особым почитанием новгородцев пользуется архиепископ Миры Ликийской Николай Мирликийский — покровитель торговли и земледелия, защитник бедных и неимущих, один из наиболее почитаемых христианских святых, уже при жизни прославившийся чудотворениями. Несмотря на то что уже в XV веке канонизация новгородских подвижников приняла широкий размах, местные святые (Иоаким Корсунянин, Антоний Римлянин, Варлаам Хутынский) в иностранных сочинениях, как правило, не упоминаются.

В XVI веке новгородская церковь сохраняла значение крупного феодального землевладельца. Ее доходы намного превосходили доходы других епископств. Английский дипломат Д. Флетчер получил в Москве сведения о том, что новгородские владыки будто бы получают доход до 12 000

рублей ежегодно, тогда как глава московской церкви — около 3000, а другие церковные иерархи — до 2500 рублей. Он привел приблизительные цифры, но они передавали распространенный в московских верхах взгляд на исключительные богатства Новгородской епархии и свидетельствовали о том, что новгородские архиепископы занимали особое положение в общерусской иерархии.

К середине XVI века название «Ногардия» перестает быть обозначением всей территории Русского государства и относится только к Новгородской республике. В европейской картографии появляется конкретное изображение и обозначение города Новгорода. Так, например, в «Космографии» Себастьяна Мюнстера (1544) Великий Новгород изображен на двух берегах Волхова. В XVI веке развитие картографии России было связано с именами иностранцев, посещавших Россию. Материалы их отчетов о путешествиях попадали в руки картографов, которые перерабатывали и дополняли их. Новгород и Новгородская земля были нанесены более чем на 15 европейских карт Московии, Скандинавии, Европы и мира под названиями Неогард, Новгород Великий, Новогардия, Новгородское княжество.

В XVI веке в иностранных сочинениях появляются первые упоминания о географической широте, на которой был расположен Новгород. Географическая широта во многом определяла климатические особенности региона, от чего, в свою очередь, зависела хозяйственная деятельность населения. М. Меховский пишет о том, что «высота полюса в Новгороде шестьдесят градусов и летом, около времени летнего солнцестояния, после захода солнца и вплоть до восхода бывает так светло, что мастера — портные, сапожники и прочие ремесленники имеют возможность шить и работать».

Иовий сообщает о том, что «в Новгороде арктический полюс возвышается над горизонтом почти на 64° ». По наблюдениям А. Дженкинсона, широта Новгорода Великого составляла $58^{\circ} 26'$. В 1636 году географическую широту Новгорода уточнил А. Олеарий, который был первым иностранцем, определившим ее на месте. По его измерениям она составляла $58^{\circ} 23'$.

Не привыкшие к суровым зимам европейцы отмечали контраст летней и зимней температуры. Так, например,

Д. Флетчер писал о том, что «различные времена года здесь все меняют, и нельзя не удивляться, смотря на Россию зимой и летом». Он же отмечал, что «от Вологды... и далее на юг к границе Крыма... почва весьма плодородная и страна приятная: в ней много пастбищ, хлебодородных полей, леса и воды в большом изобилии. То же можно сказать о пространстве между Рязанью... и Новгородом».

Таким образом, в XVI веке знакомство европейцев с Великим Новгородом углубляется: его местоположение более четко фиксируется западноевропейскими картографами, наблюдается значительное, по сравнению с предшествующим столетием, увеличение числа иностранных известий о нем, написанных очевидцами. Если в XV веке нам известен только один иностранец, приехавший в Новгород, — Жильбер Ланнуа, то применительно к XVI веку мы можем говорить уже о десятке иностранных наблюдателей, знавших о Новгороде не с чужих слов. Они оценили «достоинства этого города» и описали его как «знаменитейший и богатейший» торговый город — «рынок целой империи», который по размерам и численности населения не уступал крупнейшим городам Европы. У этого города была своя история, он процветал, «когда он был независим», «жил по своим собственным законам», «имел обширнейшие владения», и «его могущество было так велико, что он легко мог защищаться от врагов и соседних государств».

Именно в это время в Европе в обиход входит впоследствии широко известная, кочующая из сочинения в сочинение пословица «*Quis potest contra Deum et magnam Neugardiam.* — Кто может против Бога и Великого Новгорода». Впервые она была приведена в изданном в Кельне в 1518 году сочинении немецкого богослова и историка Альберта Кранца «Вандалия».

XVII век

Поныне славится торговлей и богатством...

Последнее десятилетие XVI века было для Новгорода сравнительно благополучным временем. В 1580-х годах Борис Годунов, фактически правивший государством, усердно приобщался к новгородской культуре, пытался вернуть ей поблекший за минувшие два десятилетия столичный блеск. При его содействии создавались условия для восстановления экономики и торговли, возрождения духовных ценностей. Новгородская архиепископия была преобразована в митрополию, были возвращены торговые льготы и восстановлено сословие гостей, в 1603 году возобновил свою деятельность Немецкий торговый двор.

Проезжавшие через Новгород в первые годы XVII столетия иностранные дипломаты сохранили о нем довольно благоприятное впечатление, зафиксированное в дневниках и отчетах посольств.

В августе 1602 года Новгород посетило датское посольство во главе с Акселем Гюльденсьтерне, сопровождавшее жениха Ксении Годуновой датского герцога Ханса. Послы провели в Новгороде целую неделю. За это время они осмотрели город, совершили поездку по Волхову в Юрьев монастырь. Во время поездки они охотились на уток, и принц Ханс воз-

вратился в Новгород в приподнятом настроении, а его секретарь запечатлел вполне благополучную картину новгородской жизни:

Этот город занимает большое пространство, но в нем все деревянные дома и сады, также много церквей и монастырей, он разделен на две части прекрасной и быстрой рекой Волхов. У старого города лежит большая крепость, которая внутри застроена монастырями, церквями и часовнями; на самой главной церкви стоит круглая позолоченная башня, а кругом крепости идет большая и укрепленная стена со множеством четверугольных крепких башен, которая напоминает московскую крепость (кремль). Из крепости на другую сторону ведет прочный и длинный мост, а на стороне нового города много прекрасных водяных мельниц, очень крепко построенных на реке. Этот город ничем особенно не укреплен, окружен болотистым рвом, старинным валом и раскатом, который почти упал и обвалился. Снаружи он имеет несколько миль в окружности, прекрасную и плодородную почву, ровные поля и много красивых монастырей и местечек; в двух милях с восточной стороны находится красивое озеро со свежей водой в 10 немецких миль длиною. В это озеро впадают реки, вытекающие с востока и запада от Москвы, а исток озера берет направление городом к западу, к Нарве. Благодаря этому озеру и рекам в городе превосходное рыболовство и птицеводство, прекрасные большие луга и поля, так что почти ни один русский город не имеет местоположения лучше и приятнее во всех отношениях.

Датским дипломатам была предоставлена свобода передвижения по городу, в том числе и по кремлю, где они побывали «в разное время несколько раз, ходили по крепости взад и вперед куда хотели» и даже осмотрели крепостную артиллерию — «25 больших мортир, две маленькие медные пушки... два медных фальконета и 11 прекрасных больших картоверов и полукартоверов*».

Члены ганзейского посольства 1603 года, приехавшие Москву с целью возобновления торговой деятельности ганзейских купцов в России, которая была прекращена Иваном III, отметили удобное и красивое местоположение го-

*Картовер (картаун) и полукартовер (полукартаун) — осадные пушки, стрелявшие чугунными ядрами.

рода, обилие церквей и монастырей, а также изобилие и дешевизну рыбы.

Новгород весьма старинный город и отличается красивым местоположением; через город протекает река Ловать, или Волхов, направляясь мимо царского замка, который окружен каменной кольцеобразной стеной. В этой реке ловят огромное количество рыбы, так что здесь всяких сортов рыба стоит очень дешево. От Москвы Новгород находится на расстоянии 110 миль. Правят всей областью от царского имени воевода и дьяк (то есть секретарь. — Г. К.). В Новгороде много церквей, большей частью каменных и круглой формы с куполами, крытыми жемчужным, а у церкви св. Софии даже золотом. В окрестности города расположено много мужских и женских монастырей; но они находятся в столь бедственном положении, что их обитатели ходят в лохмотьях, а местами даже прямо нищенствуют. При этом следует принять в соображение, что в 1570 году тиран Иван Васильевич, неожиданно напав со своим войском на этот город, безжалостно повелел избить и казнить несчастных жителей обоего пола. Сверх того он прибегнул еще к следующей военной хитрости: объявив, чтобы те, кто желает получить пощаду, собрались ко дворцу и на мосту через Волхов, тиран приказал, после того как люди с женами и детьми последовали его призыву, всех их безжалостно сбросить с моста и утопить, так что воды судоходной реки были запружены трупами — пример неслыханной жестокости по отношению к собственным подданным! Из-за разнообразных кровожадных проявлений его тиранства вся область подверглась опустошению и обеднению, так что и по сей день еще не восстановила своего прежнего могущества.

Смутное время и шведская оккупация изменили облик города. Безотрадную картину состояния Новгорода дали голландские дипломаты, наблюдавшие ужасающие картины бедствий новгородцев весной 1616 года.

8 марта... послы прибыли в Новгород. Мы были очень рады тому, что вновь оказались среди людей, с которыми мы могли беседовать, ибо в пути ни в деревнях, ни в усадьбах не было видно людей. Везде мы видели сожженные дома и убитых или умерших от холода и голода людей. Во многих местах на пути от Глебова до Новгорода мы видели трупы, обглоданные до костей дикими медведями и волками, одни наполовину, другие совершенно разорванные...

Во время нашего пребывания в Новгороде мы ежедневно выходили из кремля в город и были свидетелями большой нужды и бедствий, царящих там. Повсюду на улицах мы видели бедных людей, умиравших от голода и холода, о которых русские заботились не больше, чем о собаках. По утрам их без всяких церемоний свозили на санях в специальное помещение, где застывшие трупы громоздили друг на друга, как бочки. Один или два раза в неделю трупы вывозили за город и зарывали в больших и глубоких ямах. В две самые большие ямы в эту зиму набросали больше 18 000 человек, которые были жертвами ужасного холода, голода и других бедствий... Бедняги, которые еще живы, бродят по улицам до тех пор, пока их держат ноги, и мы видели мужа, жену и их ребенка, которые поддерживали друг друга под руки. На всех почти не было одежды, и они выглядели как почерневшие от голода и холода кости. Они стонали так жалобно, что только те, у кого сердца из камня, могли отказать им в милостыни. Упав на землю от слабости, они ползают, пока могут, между домами в грязи, до тех пор, пока не лягут совсем, чтобы умереть в нужде без помощи и утешения.

17 марта мы оставили город Новгород, по справедливости называемый Великим. Город сей ныне находится в сильном упадке, ибо более половины домов и других строений сгорело и число жителей весьма уменьшилось в сравнении с прежним; многие из них разбежались, другие погибли от чумы, от меча и голода. Из оставшихся жителей ежедневно многие умирают с голоду, угнетающего весьма сильно не только Новгород, но и все Великое Княжество Новгородское, воеводство Псковское и другие города, так что в нескольких местах русские употребляют разную нечистую пищу, даже человеческое мясо.

Кроме сего оставшиеся в Новгороде жители обременены были содержанием гарнизона; они также должны были нести все издержки, затраченные шведами во время переговоров на съезде. Издержки эти простирались на значительную сумму денег по причине дороговизны и расстояния мест одно от другого; кроме сего многие из людей, доставляющих припасы, перемерли и погибли дорогою от холода, бедности и других бедствий. Мы, едуци из Глебова, дорогою видели там и сям много человеческих трупов и павших лошадей, растерзанных зверями.

Автором этого описания был казначей и гофмейстер нидерландского посольства Антонис Хутеерис. Он был также автором двадцати выполненных с натуры рисунков, гравюры с которых были напечатаны в его путевых заметках в 1619 году. Они представляют собой главным образом виды местно-

стей и населенных пунктов, среди которых Николо-Вяжицкий монастырь, виды новгородских деревень, курная изба, гать через болото, рисунок которой является редчайшим и древнейшим изображением бревенчатых гатей, характерных для северных лесов. Рисунки Хутеериса подробны, реалистичны и достаточно точны, они позволяют расширить наши знания о русской архитектуре XV–XVI веков и представить первоначальные ныне утраченные постройки монастыря, в частности Никольский собор и одну из древнейших в России трапезных.

Смута начала XVII века вызвала пристальный интерес в Европе и породила обширную литературу о России. Ее создателями были профессиональные военные, дипломаты, священнослужители, ученые и купцы из Германии (К. Буссов, М. Шаум), Франции (Ж. Маржере, П. Делаویل), Англии (Г. Бреретон), Польши (С. Жолкевский, Н. Мархоцкий, С. Маскевич, С. Кобержицкий), Голландии (И. Масса, Э. Геркман), Швеции (П. Петрей, М. Ашаней, Ю. Видекинд). Иностранные сочинения фиксировали и описывали прежде всего ключевые события новгородской истории. В XV веке таким событием было его покорение Москвой, в XVI веке — опричный разгром. В XVII веке воображение иностранцев поразило единственный в многовековой истории Новгорода его успешный штурм, предпринятый шведскими войсками в июле 1611 года.

Его довольно подробно описал очевидец событий немец Матвей Шаум — полевой священник в войске Я. Делагарди. Он писал, что неожиданное и быстрое «новгородское взятие» может показаться «странным и невероятным» не только потому, что «Москва и Новгород были сильны перед целым светом, но и потому еще, что Его Величество, король шведский, долго был в согласии с русскими и несколько лет помогал им противу общего врага, поляков... Новгородцы почитали себя довольно сильными и умными для защищения самих себя и не помышляли, как трудно удержать старый полуразвалившийся дом».

Таким же «странным и невероятным», идущим вразрез с известной поговоркой казалось это событие другим иностранцам. П. Петрей объяснял быструю победу шведского оружия личными качествами шведского полководца: «отваж-

ной храбростью и неустрашимым сердцем». Олеарий писал о том, что «в 1611 году шведский полководец Яков де ла Гарди... доказал ему (Новгороду. — Г. К.) ничтожество его поговорки о великом могуществе». А. Мейерберг заметил, что «1611 год показал, что великие громады, один раз обрушившись, уже никогда потом не в состоянии подняться, как бы придавленные собственной тяжестью». Г. Шлейссингер сообщил о том, что «в 1611 году граф де ла Гарди счастливо Новгородом овладел, и город полных семь лет состоял под королевским шведским управлением, пока, наконец, в соответствии с заключенными трактатами господа шведы не отступились от него добровольно».

В поэтической форме взятие Новгорода шведами и сопутствующие ему обстоятельства описал Ю. Видекинд в латиноязычном стихотворении, в котором он сравнил подчинение Новгорода власти Делгарди с его покорением Иваном III.

Много веков для людей был Новгород чуду подобен.
Мощью своей даже Рим был ему равен едва ль.
Властью, богатством гремя, знаменитый строеньем обширным,
Сильный в бою, процветал в торге с Европою он.
Был для соседей грозой, и не раз вырывалось со стоном
Робкое слово у них — полный почтения вопрос:
Кто против Бога пойдет? На тебя кто, Новгород, встанет?
Может ли кто одолеть недруга так же, как ты?
Так говорили тогда, но можно ли с Богом равняться?
Разве не то же, что дым, мира богатства и мощь?
Первый тебя Базилид научил покорности москам,
Гордую власть отцов силой заставив отдать.
Сломлена доблесть была. Верховный священнослужитель,
Будто святыню блюда, вред тебе тяжкий нанес:
Московита сумел убедить, чтобы тот с казной увозимой
Всех горожан увел, верою чуждых ему.
Много терпел ты потом от трехликого Дмитрия козней,
Сам был добычей себе, мрачной Эринией был.
Верную помощь послал тогда тебе Карл, но напрасно;
Твой неустойчивый дух новое горе сулил.
Чужд благодарности, сам на друзей ты поднял оружие,
Первым напасть пожелал, пал и позорно разбит.
Тысячи тысяч бойцов на стенах стояли для боя,
Так что даже и счесть ты бы не мог горожан.
Бог же судил победить пяти тысячам шведов всего лишь:

Сам он в бою поражал неблагодарности грех.
 Если б не сжалился тут над тобой Понтиад благородный,
 Черного пепла гора след твой являла б теперь.
 Ныне ты мир получил. Почитай же царя и запомни:
 Прежнюю славу свою ты навсегда потерял.
 Вместо хвалебных стихов, что встарь о тебе говорились,
 Пусть повторят и не раз наши потомки в веках:
 «Новгород был и велик, но взят Делаярди отвагой.
 Малые силы порой большую славу дают».

Одно из наиболее интересных сочинений о Смутном времени в России — «История о Великом княжестве Московском» было написано шведским дипломатом Петром Петре-ем. В начале XVII века он несколько раз приезжал в Россию, где в общей сложности прожил около четырех лет. За это время он установил тесные контакты с представителями разных слоев русского общества и, по всей вероятности, в какой-то степени овладел русским языком. Петрей стал очевидцем и «репортером» русской Смуты, которую описал в своих сочинениях «Реляция о России начала XVII в.» (1608) и «История о Великом княжестве Московском» (1615). Написанные на основе личных наблюдений с привлечением русских и иностранных источников, они положили начало шведской «Россике», а самого Петрея в Швеции считают «первым шведским кремлелогом», успешно совмещавшим роль дипломата и историографа. Его книги стали первыми историко-политическими сочинениями о Московии на шведском языке и способствовали распространению в Швеции знаний о восточном соседе.

Важное место в его «Истории» занимает Новгород, к которому шведы традиционно проявляли особый интерес. Петрей описал его бывшее величие и современное состояние:

Великий Новгород в старину был особенным государством и всегда имел своих князей и правителей. Но теперь он данник великого князя московского, лежит в 120 милях от Москвы к северо-западу и в 78 милях от Выборга. Город укреплен валами и рвами. Крепость находится в середине города на берегу реки Волхова и с одной стороны обнесена высокими и толстыми кирпичными стенами, а с другой же идет кругом вал и ров. Это Новгородское княжество в ширину и в длину, с западной и северной стороны,

тянется к Белоозеру, Волге, Холмогорам и другим областям, на несколько сот миль, а потом к финской границе, Карелии, Ингерманландии, Водской пятине и Соловецкому монастырю. Прежде Новгород чеканил хорошую серебряную монету, пока еще не сделался данником москвитян: на одной стороне монеты изображался князь на коне, замахнувшийся саблей, с другой написано было имя правящего князя и сколько ходила монета...

Город Новгород почти с малую милю в окружности: в старину, когда у него были собственные князья и правители, пока лукавство и козни не привели его под московское иго и власть, он был так силен и многолюден, что князья его воевали со шведами, поляками, литовцами и ливонцами, и он ставил в поле несколько сот тысяч солдат. Когда же в 1477 году завоевал и смирил его Иван Васильевич Грозный*, он упал по населению и богатству.

Петрей подробно освещает действия шведских войск под командованием Якоба Делагарди в Новгородской земле, переговоры шведов с новгородскими властями о приглашении на русский престол шведского принца Карла Филиппа. Стремясь обосновать его права на московский престол, Петрей сообщил о варяжском происхождении Рюрика. Одновременно он подверг критике легенду о родстве Ивана IV с Августом через Рюрика: «Свирепый Иван Васильевич говорил, что ведет свой род от брата славного римского императора Августа, по имени Пруса, жившего в Придцене, но это отвергают все историки, и Иван ничем не мог доказать того».

До Петрея о варяжском происхождении Рюрика вслед за Герберштейном писали Гваньини, Принц и Нойгебауер. Их сообщения об этом в конечном итоге основывались на русских летописях, ничего не сообщавших об этнической принадлежности варягов. Сам Герберштейн, будучи в Москве, безуспешно пытался получить ответ на этот вопрос. В конечном итоге им была выдвинута гипотеза о том, что варяги были выходцами из граничившей с Любеком Вагрии. Петрей поначалу также безуспешно пытался «отыскать, что за народ были варяги» и нашел ответ на этот вопрос в 1613 году, когда в Выборг на переговоры с Карлом Филиппом прибыли нов-

*Ошибка, характерная для многих иностранных авторов: Петрей путает Ивана III с Иваном IV.

городские послы. По словам Петрея, они просили герцога приехать в Новгород, «поставляя на вид, что Новгородская область до покорения ее московским государем имела своих особенных великих князей, которые правили ею; между ними был один, тоже варяжского происхождения, по имени Рюрик, и новгородцы благоденствовали под его правлением».

Впервые эта мысль была высказана в Новгороде года за полтора до Выборгских переговоров. Подписав договор со шведами, новгородские власти вынуждены были взять на себя дальнейшие переговоры со шведами, в том числе и по вопросу о кандидате на престол. В декабре 1611 года они составили инструкцию посольству, направлявшемуся в Швецию. Свое обращение к шведскому кандидату они мотивировали решением ополчения от 23 июня 1610 года, а также тем, что «прежние государи наши и корень их царский от их же варяжского княжения, от Рюрика и до великого государя царя и великого князя блаженные памяти Федора Ивановича всеа Руси был». Таким образом, одним из аргументов в пользу шведского кандидата было его этническое родство с пресекшимся царским родом.

Свидетельство новгородцев об этнической принадлежности Рюрика подтолкнуло Петрея к историческим, лингвистическим и геральдическим изысканиям, в результате которых он впервые в историографии заявил о том, что «кажется ближе к правде, что варяги вышли из Швеции». В этой связи А. А. Куник заметил, что именно «шведам, воспользовавшимся намеком новгородцев, принадлежит честь заложения первых камней в здание норманизма».

В 1620 году «История...» Петрея была издана на немецком языке, благодаря чему получила европейского читателя, который мог почерпнуть из нее сведения о шведской природе варягов. Точку зрения Петрея поддержали другие шведские ученые.

Теория шведского происхождения Рюрика, подкрепленная мнением новгородцев, получила еще большую известность в Европе благодаря изданному в 1672 году на латинском языке сочинению шведского королевского историографа Юхана Видекинда «История русско-шведской войны XVII века», в котором были приведены слова архиманд-

рита Киприана, якобы сказанные им в 1613 году в Выборге герцогу Карлу Филиппу: «Из древней истории видно, что за несколько сот лет до подчинения Новгорода господству Москвы его население с радостью приняло из Швеции князя Рюрика».

Шведский исследователь А. Оберг отметил, что Петрей был первым западным автором, утверждавшим, что «варяги эпохи викингов были шведского происхождения». По мнению финляндского исследователя А. Латвакангаса, «норманистское толкование Петрея было еще довольно робким и не стало отчетливым «измом». Тем не менее российский историк В. В. Фомин назвал его родоначальником норманской теории.

Следует отметить, что в конечном итоге в своих построениях Петрей исходил из тезиса о варяжских корнях династии Рюриковичей, впервые сформулированного новгородцами в приговоре посольству архимандрита Никандра. Посольство было отправлено в Стокгольм просить Карла IX, чтобы он, «видя в Московском государстве такие беды и кровопролитие, дал из двух сынов своих королевича князя Густава Адольфа или князя Карла Филиппа, чтобы им успокоилось Русское государство». Приговор о посольстве был составлен 25 декабря 1611 года и подписан воеводой И. Н. Одоевским, митрополитом Исидором и другими новгородскими «земскими чинами» (74 подписи), которых можно считать первыми отечественными норманистами. В этой связи Г. А. Замятин заметил, что «в вопросе о происхождении первых русских князей новгородцы были, выражаясь языком XIX века, норманистами».

В пользу того, что в Новгородских землях бытовало какое-то предание о том, что варяги были выходцами из Швеции, свидетельствует также тот факт, что иконник Тихвинского монастыря Иродион Сергеев, описавший осаду монастыря шведами в 1613 году, называет шведов «зловерными и погаными варягами, иже свиянами наричуются».

В записанном в Олонецкой губернии в XIX веке предании Рюрик фигурирует как Юрик-новосел, приехавший в Ладугу «из северной стороны», а потом переселившийся в Новгород, где новгородцы залюбили его за веселый нрав и хороший разум.

Таким образом, есть все основания утверждать, что в конце 1611 года в Великом Новгороде в условиях чрезвычайной внутри- и внешнеполитической ситуации были заложены основы концепции, которая в XVIII веке получила острое политическое звучание* и положила начало ожесточенному спору, отголоски которого слышны и в наше время.

В 1614 году в Новгороде побывал шведский священник и историк Матиас Ашаней. До приезда в Новгород в своем «Описании Сигтуны» он рассказал, что, согласно старинному преданию, городские врата из Сигтуны были увезены в Москву или Новгород русскими, разрушившими город. В Смутное время Ашанею довелось побывать в России. Увидев в Новгороде врата Софийского собора, латинские надписи на которых свидетельствовали об их западноевропейском происхождении, он отождествил их с теми, о которых ранее рассказал в своем сочинении.

Когда об этих вратах стало известно Густаву II Адольфу, он приказал Якобу Делагарди доставить их в Швецию. Однако Делагарди, понимая, к каким последствиям может привести оскорбление главной святыни новгородцев, не рискнул выполнить этот приказ короля. К тому же, как следует из его письма канцлеру Акселю Оксеншерне, он не разделял уверенности короля относительно шведского происхождения бронзовых врат Софийского собора. Вот что он писал: «Относительно медных врат, которые Его Королевское Величество желает, чтобы ему прислали из Новгорода ради их достопримечательности, тем более, что Его Королевскому Величеству сообщили, что они, вероятно, некогда были взяты из Сигтуны, то я бы очень желал исполнить приказание Его Королевского Величества, но так как эти врата, о которых русские уверяют, что они как дар вывезены из Греции, служат входом в главный храм митрополита, то вызовет много шума, жалоб и беспокойства, если мы при настоящих обстоятельствах, когда идут переговоры с русскими, си-

*М. В. Ломоносов посчитал саму постановку вопроса о варяжских истоках российской государственности не только национальным оскорблением, но и политической ошибкой. В 1749 году он перевел научный спор в политическую плоскость, написав рапорт на имя императрицы, в котором обвинил Миллера в том, что он «изобразил Россию столь бедным народом, каким еще ни один самый подлый народ ни от какого писателя не представлен».

лой выломаем и увезем эти врата». Таким образом, в начале XVII века легенда о Сигтунских вратах была зафиксирована в двух источниках. Возродиться ей было суждено спустя столетие.

В 1722 году в Новгороде побывал шведский ориенталист Генрих Бреннер, который более двадцати лет прожил в России. Семь лет спустя в письме к шведскому историку Георгу Валлену он описал Сигтунские, или Сартунские, врата Софийского собора. Это описание Валлен опубликовал в своем сочинении о древней Сигтуне «*Sigtuna stans et cadens*». Позднее эта легенда была изложена в «Истории Шведского государства» известного шведского историка Улофа Далина. Перевод его сочинения на русский язык способствовал распространению легенды в России.

В 1823 году в Берлине была издана работа Фридриха Адельунга о западных наружных вратах Софийского собора, которые он назвал Корсунскими и сделал вывод об их германском происхождении. В той же работе он описал и внутренние врата Софийского собора, которые называл Сигтунскими.

В 1907 году шведский исследователь Якоб Аренберг высказал предположение, что наружные врата Софийского собора, в некоторых деталях которых он увидел скандинавские черты, могли попасть в Новгород из Магдебурга через Сигтуну, которая в XII веке имела тесные связи с Новгородом.

Летом 1911 года в Новгороде проходил XV Археологический съезд, в работе которого принимали участие известные шведские ученые: специалист по древней истории северных стран профессор Оскар Альмгрен, археолог Туре Арне и профессор Густав Хальстрем. На одном из последних заседаний к участникам съезда обратился член Русского военно-исторического общества капитан П. И. Белавенец. От имени Трофейной комиссии, занимающейся сбором вещественных памятников боевой славы России, он попросил участников съезда дать ответ, какие врата Софийского собора в Новгороде можно считать реликвией морского похода новгородцев на Сигтуну в 1187 году.

В какой-то мере на запрос Трофейной комиссии о вратах Софийского собора попытался ответить участник Археологического съезда профессор Оскар Альмгрен. Он передал в Новгородское общество любителей древности свою статью

«К легенде о Сигтунских вратах в Новгородском Софийском соборе», которая была опубликована в 1912 году. В этой статье он опроверг легенду о шведском происхождении наружных врат Новгородской Софии. По его мнению, они были вывезены в Новгород из польского города Плоцка как военная добыча. Однако в то время Альмгрену не были известны ни письмо Делагарди Оксеншерне, ни сочинение Ашанея. На них ему указали капитан П. И. Белавенец, русский священник в Стокгольме Павел Румянцев и граф К. Стенбок. После ознакомления с ними Альмгрен опубликовал в Швеции новый вариант статьи о Сигтунской легенде, в которой связал ее возникновение с пребыванием шведов в Новгороде в начале XVII века.

Таким образом, легенда о Сигтунских вратах Новгородского Софийского собора имеет чисто шведское происхождение. Русскими источниками она не подтверждается. Шведы, побывавшие в России в XVII и XVIII веках, сопоставили бытовавшее в Швеции предание с тем, что они увидели в Новгороде, и создали свою версию, прочно укоренившуюся в обыденном сознании шведов, а впоследствии и русских. Для шведов она служила доказательством того, что им в конце концов удалось отыскать одну из своих реликвий. Для русских же она подтверждала сам факт похода 1187 года на Швецию и участие в нем новгородцев. Не случайно Трофейная комиссия обратила внимание на эти врата как на памятник боевой славы русского оружия. По иронии судьбы ее обращение к XV Археологическому съезду дало импульс к развенчанию легенды, которая вполне устраивала как шведов, так и русских.

С военным присутствием шведов в Новгородских землях в 1611–1617 годах было связано появление первых планов Новгорода, которые были представлены шведским археологом Туре Арне на уже упоминавшемся XV Археологическом съезде в Новгороде. 27 июля 1911 года в зале Дворянского собрания он выступил с докладом «Новгород во времена шведского владычества по Балтийскому побережью 1611–1617 гг. по старым картам из Стокгольмского военного архива», в котором представил три старинных плана Новгорода из Королевского военного архива в Стокгольме. Фотокопии этих планов он передал в Новгородское общество любителей

древности, которое впервые издало его в 1912 году. Эти планы являются самыми древними из известных планов Новгорода и имеют большое значение для изучения топографии города.

Первый чертеж, выполненный Улофом Ханссоном Орнехувудом карандашом и акварелью с надписями на шведском языке, изображает взятие Новгорода шведами 16 июля 1611 года. Второй чертеж с надписями на французском языке представляет облегченную копию первого или его черновик. Третий план Новгорода, продемонстрированный Т. Арне на XV Археологическом съезде, носит название «Новгород с ситуацией». На нем показана реальная планировка и условно — застройка Новгорода и ближайших окрестностей приблизительно на конец 1730-х — начало 1740-х годов. Он отражает планировку Новгорода после реконструкционных работ, выполненных в 1720-х — начале 1730-х годов.

Чертеж Орнехувуда отличается высокой степенью точности, в то же время он в высшей степени избирателен и не показывает те объекты, которые не интересовали его составителя. На нем обозначены башни и укрепления самого Новгорода, сожженные окрестные монастыри, показана обобщающая планировка Новгорода в границах Окольного города с реками Гзень и Резень, ручьями Тарасовец, Федоровский, с прорисовкой детинца, Малого земляного города в шесть бастионов; объемно даны церкви и окрестные монастыри, прорисованы дороги на Москву, Копорье, Псков. В соответствии с традицией начала XVII века на едином чертеже даны последовательно первоначальный лагерь шведских войск, развертывание войск перед первой атакой, расположение шведских войск во время первой атаки с западной стороны Окольного города, размещение шведских войск перед второй атакой уже по периметру Малого земляного города.

В 1672 году гравер Д. Падт Брюгге создал парадную копию чертежа 1611 года. Она была сделана с использованием всего существовавшего тогда арсенала графического украшения — картушей с аллегорическими фигурами, геральдическими щитами и каллиграфическими надписями на латинском языке, военных атрибутов и символики, изображениями батальных сцен, витиеватого компасного картуша и разных типов гравировки. В Швеции этот план впервые был опубликован

в книге Ю. Видекинда в 1671 году. Российских исследователей с ним познакомил О. Л. Вайнштейн. В сравнении с первым планом дополнительной информации по топографии города он не несет, однако содержит важную политическую информацию.

С. В. Зверев обратил внимание на то, что картуш в правом верхнем углу плана увенчан изображениями двух пленных новгородцев и фигурным щитом с гербом, изображающим двуглавого орла, под крыльями которого помещены искаженные изображения ключей с сердцеобразными ручками. Он отметил, что этот герб, равно как и опубликованное в латиноязычном издании сочинения Видекинда стихотворение «На герб и взятие Великого Новгорода», содержит описание герба Новгорода, неизвестного отечественным исследователям российской геральдики:

Новгород, в тучных полях земли Московитской лежащий,
 В круге двухцветном герба знаки такие несет:
 Круг рассечен пополам; в середине державная птица,
 Черным окрашена вся: лапы и крылья и верх.
 В правой части щита — золотое поле под нею,
 Левая этот же знак в поле несет голубом.
 Подобно тому, как у лап драгоценным блистает
 Ключ, что апостол Петр носит, привратник небес.
 Войском вокруг оцепил тот город обширный и гордый
 Якоб и на шесть лет власти своей подчинил.

С. В. Зверев предположил, что проект этого герба был создан в преддверии выборгских переговоров в связи с ожидавшимся прибытием в Новгород шведского принца Карла Филиппа, который должен был стать основателем новой правящей династии в России. Переговоры в Выборге закончились неудачей, Карл Филипп в Новгород не приехал, и от герба остался только проект.

Следует отметить, что вопрос о датировке шведского плана до сих пор остается открытым. Т. Арне высказал предположение, что он может быть датирован 1611 годом. Позднее было высказано мнение о том, что этот план был приложен Якобом Деллагарди к отчету о взятии Новгорода.

Н. Н. Кузьмина и Л. А. Филиппова считают, что «чертеж Новгорода, который шведы использовали в плане осады го-

рода в 1611 г., является одним из самых ранних и точнейших чертежей русского города. Он выполнен опытной рукой специалиста на основе инструментально-масштабной топо съемки. Если учесть, что русские карты этого времени были рисованными и не основывались на масштабности, то остается предположить, что топосъемка Новгорода была произведена иностранным специалистом». По их мнению, таким специалистом мог быть итальянский архитектор, который в 1582 году принимал участие в переустройстве новгородских фортификаций.

Некоторые исследователи (И. Ю. Анкудинов, В. А. Петров, Л. И. Петрова) считают, что топографическая подоснова плана осады Новгорода 1611 года «могла быть снята шведскими картографами после взятия Новгорода и отображает реальную картину топографии фортификационных сооружений города в начальный период пребывания в нем шведов». Дополнительные сведения, подтверждающие правомерность такого подхода к датировке подосновы плана, сообщил в 2002 году на международной конференции «Шведская Новгородика» сотрудник Военного архива Швеции Бьерн Эверт. Он отметил, что план выполнен рукой шведского картографа Улофа Ханссона около 1635 года, и предположил, что, воссоздавая по чьему-то заказу картину военных действий при осаде Новгорода шведами, он использовал в качестве подосновы топографический план Новгорода, выполненный кем-то из его предшественников.

В пользу последней гипотезы свидетельствует письмо Деллагарди Карлу IX от 26 августа 1611 года, в котором он описывает захват Новгорода и сообщает о том, что он посылает ему рисунок с изображением штурма города.

Исследователям хорошо известен также план Новгорода, составленный в 1673 году инженер-капитаном Э. Пальмквистом — членом шведского посольства Г. Оксеншерны. Его «Заметки о России»* занимают особое место среди шведских описаний России. Знаток шведской «Россики» Кари Таркиайнен называет его «венцом» «Московитики», красивейшим дипломатическим рапортом шведского великодержавия. Пальмквист выполнял функции тайного агента и добывал

*См. Заметки о России, сделанные Эриком Пальмквистом в 1674 году. — М., Ломоносов, 2012.

интересующие его сведения «тайным обычаем посредством подкупа». Как военный разведчик он был обязан давать не вымышленные, а точные сведения.

За восемь месяцев пребывания в России Пальмквист собрал уникальную информацию о ней. После возвращения он представил шведскому правительству отчет о проделанной работе — рукопись *in folio*, содержащую 53 рисунка различного формата, 16 географических карт и планов городов, а также заметки и пояснения к ним.

Пальмквист составил подробные описания летних, зимних и водных путей от Балтийского побережья до Пскова и Новгорода с обозначением расстояний в русских верстах и шведских милях и описанием естественных преград — топей, болот, а также бродов. Его лаконичное описание Новгорода довольно точно и информативно:

Город Новгород находится в 39 милях от Нарвы, в 105 милях от Москвы, в 36 милях от Пскова. Его расположение очень выгодно для того, чтобы быть как хорошим торговым городом, так и мощной пограничной крепостью. Но теперь как власти, так и жители города мало заботятся об этом. Город расположен на большом ровном поле, которое пересекают многочисленные водные потоки, протекающие и у городских стен. По большей части они являются рукавами реки Волхов, протекающей посреди города.

От этого жители имеют большие преимущества в торговле и обеспечении продовольствием, поскольку по реке, вытекающей из озера Ильмень, окруженного плодородными землями, открывается водный путь в Ладожское озеро, а оттуда в Балтийское море к Нотебургу и Ниеншанцу. Новгород мог бы вести всю русскую торговлю лучше любого другого города, не говоря уже об изобилии съестных припасов и рыбы, особенно лещей, которыми Волхов снабжает жителей.

По этой причине раньше этот город был очень значим, о чем еще и сегодня можно судить по руинам и монастырям. Пока он имел собственных великих князей, его сила и богатство были так велики, что до сих пор у русских бытует поговорка: Кто может противиться Богу и Великому Новгороду?

Но после того, как великие князья московские подчинили себе это княжество, город от грабежей и пожаров совершенно утратил свое значение. Но он по-прежнему имеет милю в окружности. Им управляет воевода Иван Петрович Шереметев, здесь есть свой митрополит.

Город делится рекой на две части, из которых западная — кроме крепости — состоит из трех отдельных частей, каждая из которых имеет свои валы и башни. Но их содержат так плохо, что стена, которой прежде был обнесен весь город и все его части, теперь имеет большие бреши, закрытые деревянными валами и деревянными башнями, и лишь наименьшая часть укреплений состоит из каменной стены. Самое прочное укрепление в Новгороде — это крепость, которая обнесена красивой высокой и чрезвычайно толстой стеной и окружена сухим ровом. Но ее можно обстреливать из близлежащих домов и монастырей и близко приблизиться к ней, что, вероятно, может сделать хороший солдат.

Гарнизон оценивается в 3000 человек, и при прохождении шведского посольства он стоял под ружьем от крепости до резиденции посла. Кроме того там было еще 1000 конных под 14 штандартами, 200 из которых были казаками и столько же дворян.

Воевода для хвастовства велел провести послов в крепость кружным путем и велел расставить по обеим сторонам улицы 40 пушек большого калибра, около которых стояли пушкарки с горящими запальниками.

В двух верстах от Новгорода находится более 30 каменных монастырей, большая часть которых обнесена башнями и каменными стенами. В Софийском монастыре находится колокол весом 120 шиффунтов. Сам город выделяется прекрасным видом, благодаря многочисленным соборам, церквям и башням.

На плане Новгорода Пальмквист отметил, что Софийская сторона населена по преимуществу ремесленниками и простолюдинами, а Торговая сторона — знатными горожанами и купцами. Это послужило одним из главных аргументов для историка Н. А. Рожкова в обосновании им теории о том, что Волхов разделял население города на две антагонистические группы. План Новгорода, составленный Пальмквистом, озадачивает исследователей тем, что на нем обозначены внутренние стены с башнями, делящие Софийскую сторону на три части. Следует отметить, что о каких-то внутренних стенах упоминал в своем описании Новгорода побывавший здесь в 1683 году Энгельбрехт Кемпфер.

План Новгорода из «Альбома Пальмквиста» был введен в научный оборот только в середине XX века. В 1952 году его опубликовал А. Л. Монгайт, сопроводив издание плана переводом экспликаций. Позднее его воспроизвели в своих статьях В. Л. Янин и Е. А. Рыбина.

В. Л. Янин поставил вопрос о подоснове чертежа Пальмквиста на том основании, что за четыре дня пребывания в Новгороде у него не было возможности снять детальный план города. По его мнению, такой подосновой мог стать проектный чертеж 1631 года, который тайно передал в Стокгольм шведский «городовой смышленник» Юст Матсон, работавший на строительстве городских укреплений в 1632 году.

По сравнению с планом описание Новгорода, сделанное Пальмквистом, было известно исследователям в меньшей степени. Его перевод, помещенный в качестве приложения к публикации А. Л. Монгайта, отличался рядом неточностей, искажений и сокращениями. Поэтому пользоваться ими как историческим источником было затруднительно. Так, например, А. Л. Монгайт подверг сомнению достоверность плана Пальмквиста на том основании, что, как сказано в описании, он «не имел возможности свободно передвигаться в пределах города». Между тем таких слов в оригинальном тексте нет.

В XVII веке историко-географические описания Новгорода дополняются описаниями жизни и быта горожан. Наибольший интерес в этом плане представляют сочинения немецкого ученого-энциклопедиста Адама Олеария, австрийского дипломата Августина Мейерберга, а также путевые дневники голландского географа и путешественника Никлааса Витсена и шведского ученого Юхана Спарвенфельда.

В 1630–1640-х годах в Новгороде несколько раз побывал придворный советник и антикварий Шлезвиг-Голштинского герцога Фридриха III Адам Олеарий. Он исполнял обязанности секретаря в посольстве О. Бруггемана — Ф. Крузиуса, отправленном из Гольштинии к царю и персидскому шаху для выяснения возможностей торговли с Персией через территорию Московского государства. Его широко известное сочинение «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно» занимает выдающееся место среди современных ему иностранных сочинений о России. Оно отличается научным подходом, обстоятельностью, а также философским осмыслением исторического материала. Его описание Новгорода содержит не только сведения по истории города, но и детали повседневной жизни и быта новгородцев. Особенно колоритны его описания новгородских ка-

баков и неумеренного потребления новгородцами алкоголя, ставшие почти хрестоматийными:

Когда я в 1643 году в Новгороде остановился в Любекском дворе, недалеко от кабака, я видел, как подобная спившаяся и голая братия выходила из кабака: иные баз шапок, иные без сапог и чулок, иные в одних сорочках. Между прочим, вышел из кабака и мужчина, который раньше пропил кафтан и выходил в сорочке; когда ему повстречался приятель, направлявшийся в тот же кабак, он опять вернулся обратно. Через несколько часов он вышел без сорочки, с одной лишь парюю подштанников на теле. Я велел ему крикнуть: «Куда же делась его сорочка? Кто его так обобрал?», на это он, с обычным их «... твою мать», отвечал: «Это сделал кабатчик; ну, а где остались кафтан и сорочка, туда пусть идут и штаны». При этих словах он вернулся в кабак, вышел потом оттуда совершенно голый, взял горсть собачьей ромашки, росшей рядом с кабаком, и, держа ее перед срамными частями, весело и с песнями направился домой.

Можно считать, что Олеарий заложил краеугольный камень в широко распространенное в Европе представление о том, что неумеренное потребление спиртного является одним из главных элементов русской бытовой культуры. Устойчивость подобных мнений представляется довольно странной, поскольку в это время многие европейские страны переживали алкогольный бум, вызывавший негодование просвещенных современников, например Мартина Лютера, который писал, что «вся Германия зачумлена пьянством». Не менее острой была ситуация в Англии и Литве.

Следует отметить, что Олеарий зафиксировал изменения в потреблении алкоголя на Руси, связанные прежде всего с распространением кабаков и водки, которая с середины XVI века начинает серьезно теснить другие хмельные напитки. В XVII веке многие иностранцы отмечали эти особенности русской питейной традиции, которая с того времени становится одним из основных элементов их представления о «загадочной русской душе».

Довольно интересным представляется сообщение Олеария о том, что новгородский купец Петр Микляев*, «умный

*Петр Микляев, представитель фамилии крупных торговцев и предпринимателей Новгорода XVII века, активно участвовал в международной торговле.

и рассудительный человек», приехав в качестве посла в Гольштинию, хотел поручить ему своего сына для обучения немецкому и латинскому языкам. Этот факт, с одной стороны, является яркой деталью с точки зрения характеристики новгородского купечества, а с другой стороны, свидетельствует об устойчивом интересе новгородцев к западному культурному миру.

В XVII веке знание шведского языка становилось одним из условий коммерческого успеха. Русские торговые люди, торговавшие со Швецией, годами держали лавки в Стокгольме, заводили связи в шведском обществе и в какой-то степени умели говорить («толмачить») на шведском языке. Некоторые из них знали язык довольно хорошо, так что при заключении торговых сделок в Швеции не только сами могли обходиться без помощи шведских переводчиков, но и помогали в этом своим соотечественникам. Среди них было немало новгородцев. Примером активного усвоения шведского языка является русско-шведский разговорник, составленный в конце XVII века новгородскими купцами Кошкиными.

С древней историей Новгорода Олеарий был знаком по сочинениям Герберштейна, которого он считает «достоверным свидетелем». Он заимствовал у него сведения о том, что Василий III построил Нижний Новгород и населил его «тем народом, который он взял в многолюдном Великом Новгороде, потому он и получил название Нижний Новгород». Впоследствии эту версию повторили Марпергер и Брюс. Факты о событиях более близкой к нему истории он заимствовал у Гваньини, Ульфельдта, Нойгебауера. Наиболее подробно он пишет о погроме Новгорода, учиненном Иваном IV, которого он называет тираном и жестоким извергом. История возвышения Новгорода и его падения заставила Олеария вспомнить слова Сенеки: «Нет ничего столь великого, что бы не могло погибнуть».

Город Новгород — довольно велик: он имеет в окружности милью; ранее он был, однако, еще больше, как видно по старым стенам церквей и монастырей, расположенных снаружи и пришедших там и сям в разрушение. Из-за многих монастырей, церквей и куполов город извне великолепен, но дома, а равно валы и укрепления города, как и в большинстве городов всей России, сложены и выстроены из елового леса и балок. Город лежит в равной мест-

ности у богатой рыбою реки Волхова, в которой, наряду с другими рыбами, имеются и очень большие, жирные и вкусные окуни: их продают по очень дешевой цене. В этих местах имеется много добрых пашен и пастбищ для скота; здесь получается масса конопли, льну, меду и воску. Здесь же готовится прекрасная юфть, которою они много торгуют. Город лежит весьма удобно для торговли, так как через него протекает судоходная река Волхов, которая берет начало из озера Ильменя, находящегося в полумиле выше города, и впадает в Ладожское озеро, дающее в Нотебурге начало реке Неве, изливающейся в Финский залив Балтийского моря.

В прежние времена лифляндцы, литовцы, поляки, шведы, датчане, немцы и фламандцы вели оживленную торговлю с Новгородом, вследствие чего он стал весьма богат и могуществен. Город этот некогда являлся главным во всей России. Это была княжеская резиденция, а вся провинция [новгородская], имеющая большое протяжение и простирающаяся вплоть до Торжка, была особым княжеством, не подчинявшимся царю и имевшим своих князей и монету. Ввиду большого населения города, богатства и могущества его составлена гордая поговорка; говорили так: «А кто может стояти против Бога да и Велика Новагорода?»

Современный Новгород поразил Олеария обилием церквей и монастырей. Он упоминает «прекрасно построенный» Хутынский монастырь и погребенного там Варлаама Хутынского, который, «как говорят, совершил много чудес, исцеляя больных». Первым из иностранцев он рассказал историю Антония Римлянина, который был для иностранцев самым известным новгородским святым, и построенного им монастыря. Об этом он узнал из рассказов новгородцев. От них он узнал также о том, что в соборе Рождества Богородицы Антониева монастыря хранятся мощи святого и камень, на котором он, по преданию, приплыл из Рима*, но осмотреть их ему не удалось, поскольку иностранцев в собор не пускали.

По ту сторону реки, насупротив дворца, находится монастырь св. Антония. Как они говорят, сам св. Антоний большим чудом заставил построить здесь этот монастырь. Русские рассказывают,

* Камень Антония Римлянина представляет собой овальный в плане серый валун длиной 126, шириной 94 и высотой 37 сантиметров. Камень был обнаружен на берегу Волхова игуменом Вениамином и перенесен в Рождественский собор между 1547 и 1552 годом.

да и сами верят, что св. Антоний в Риме сел на жернов, поплыл на нем по Тибру в море и вокруг Испании, Франции, Дании, через Зунд, Балтийское море, Ладожское озеро и реку Волхов доплыл до Великого Новгорода, где он вместе с камнем вышел на берег. Когда он увидел тут рыбаков, только что выходявших на ловлю, он уговорился с ними за известную плату, чтобы они уступили ему то, что прежде всего выловят. Рыбаки, закинув сети, вытащили на берег большой ящик, в котором оказались церковные сосуды, книги и деньги св. Антония. Святой устроил здесь часовню, поселился в ней и, по преданию, в ней же скончался и погребен. Говорят, что можно до сего дня видеть в ней нетленное тело угодника и что с больными, приходящими сюда с молитвою, совершаются здесь большие чудеса. Чужих и иностранцев, однако, внутрь не пускают. Показывают некоторым только жернов, который прислонен к стене. Ввиду столь великого чуда и в воспоминание св. Антония, они построили здесь большой великолепный монастырь и снабдили его богатыми доходами.

Особую ценность труду Олеария придают гравюры, выполненные по сделанным им самим рисункам, представляющие портреты, бытовые сценки, виды местностей и городов, в том числе хорошо известное первое изображение Новгорода.

Вместе с Олеарием в составе посольства в качестве гофюнкера был поэт немецкого барокко Пауль Флеминг, которого, по его собственным словам, «жар любопытства влек из края в край». Он описал свое путешествие в Персию через Россию в книге стихотворений, посланий, од и сонетов, которые дополнили сочинение Олеария. Флеминг стал автором первых поэтических произведений о Новгороде.

Флеминг прибыл в Новгород с небольшой частью посольства по зимней дороге из Нарвы в начале марта 1634 года во время лунного затмения, о чем он написал в одном из своих стихотворений, и провел здесь в ожидании основной части посольства пять месяцев весны и лета. Здесь он нашел отдохновение от бурь и бедствий войны, которой была охвачена его родина. На фоне того, что он оставил на родине, жизнь в Новгороде представлялась ему спокойной и благополучной. В какой-то мере об этом свидетельствует его латиноязычное стихотворение «К гостеприимному Новгороду»:

Пусть невелик ты, но для меня ты — пристанище для великих
деяний.
Ты деревянный, но от этого не менее угоден своему Господину.
Ты приносишь мне счастье и отраду, пока я жив...
Варварский Волхов пересекает тебя изогнутым руслом.
Весной золотое сияние колыхнется над тобой.
Пусть всегда будет мне здесь весело
И пусть всегда будет здесь для меня покой и отдохновение.

Нам довольно мало известно о повседневной жизни новгородцев в XVII веке, поэтому впечатления немецкого поэта, выраженные в этом стихотворении, представляют особую ценность. Конечно, они очень лаконичны, в них очень мало конкретности, но общее настроение ему удалось передать.

По мнению М. П. Алексева, интерес к западному культурному миру в Новгороде носил более глубокий, органический характер, чем в других городах России. Поэтому Флеминг мог здесь не только встретить следы европейского влияния и свидетельства давних связей города с западным миром, но и услышать немецкую речь. Он пишет также о том, что в Новгороде в лице главного царского толмача Генриха Ниненбурга Флеминг нашел ценителя и знатока немецкой поэзии; ему он посвятил два стихотворения, в одном из которых написал: «Я встретился здесь с таким умом, который любит мое искусство».

Особый интерес представляет поэма Флеминга «В Великом Новгороде россов».

...Я вижу Волхов, покой он мне несет в своих волнах.
Я должен похвалить людей, подобных тем, что здесь живут.
О недостатке уваженья здесь речи быть не может!
Кто не похвалит человека, который принадлежит лишь самому себе?
Он может обойтись без лишнего убранства и все ж иметь
удобства.
Он рожден к тому, чтобы не сожалеть о невозможном.
Если слег отец — ему замена есть: сын хорошо воспитан.
Без наследства устроит жизнь себе по вкусу.
Деньги здесь не главное, важней — родная кровь.
Жизнь человека ценнее золота и серебра.
Найдет в лесу он место для жилья.

В стране благословенной оброка нет, и места хватит всем.
 Он срубит дом, распашет поле; сад и огород
 найдут здесь место. Если не боится стужи и жары
 и по сердцу работа, то мастер и хозяин сам себе.
 Захотел жениться — берет соседа дочь, которую он любит.
 Она красива и телом и душой. Они живут без ссор,
 и недоверие в их дом не постучится никогда.
 Хозяина совет — закон для любящей жены.
 Тем ей дороже он, чем строже и суровой он.
 Нет нужды: всем богаты конюшня,
 огород и скотный двор, плоды приносит сад,
 питье дает ручей, а дикий лес жаркое дает на стол.
 Лук и стрелы, нож и топор он сделал сам.
 Запасов хватит на день сегодняшней,
 а завтра — Бог рассудит. Не живет разбоем,
 как все соседи по Волге и по Дону у моря Черного.
 Кошелек его не туг, но и не пуст совсем.
 Он не скорбит о том, как обеспечить себя одеждой:
 овца даст шерсть, лен и конопля на поле
 дружно выросли — из них он шьет и вяжет.
 Старее без болезней. Его лекарство — долька чеснока.

...

Прекрасный соловей поет на дереве и нагоняет
 сон хозяину, уставшему за день от праведных трудов.
 Он спит так до утра, кошмар его не гложет,
 заботы далеко, что так наш сон тревожат.
 Вор не пойдет к нему — тому порукой быта простота.
 Господь да будет милостив к нему. Поздней ночью
 поклонь в церкви бьет, усердно молится, и набожность —
 его талант.

Поэма написана в жанре патриархальной идиллии со всеми присущими ей чертами и в то же время содержит детали русской действительности, свидетельствующие о наблюдательности автора. Жизнь новгородских крестьян, в которой он увидел чистоту и простоту человеческих отношений, представлялась Флемингу идиллической на фоне горестной судьбы Германии, охваченной пламенем Тридцатилетней войны, которую он описал в «Новогодней оде 1633» перед отъездом в Россию.

Он изобразил жизнь русских не только более позитивно, но и более конкретно по сравнению с теми представления-

ми, которые прежде существовали в европейской литературе. Флеминг не ищет экзотики, он описывает повседневные занятия жителей новгородской округи, их нравы, религиозность, непритязательный, граничащий с бедностью быт.

В 1661—1662 годах в России побывал дипломатический представитель австрийского императора Леопольда I Августин Мейерберг. О своем путешествии он написал два сочинения на латинском языке: служебный отчет «Донесение о посольстве в Москве» и «Путешествие в Московию», наполненное историческими и географическими сведениями, бытовыми зарисовками. Большой интерес для исследователей представляет так называемый «Альбом Мейерберга» — собрание 250 чертежей и рисунков, в том числе и те, что представляют виды различных местностей Новгородской земли: деревни Наволок, Красную, села Зайцево, Вины, Крестцы, Рахино, Яжелбицы, Иверский монастырь, переправу через реку Мошню, панораму Новгорода со стороны Ильмена.

Большое место в своем сочинении Мейерберг уделил истории России, представив ее по-своему стройную, но далекую от точности «сквозную» концепцию. Его главными источниками были сочинения Герберштейна, Гваньини, Олеария, польских хронистов Длугоша и Стрыйковского. Следует также отметить, что, прожив год в Москве и в какой-то степени владея русским языком, он старался добывать сведения о русской истории не только из устных рассказов, но и русских источников, в частности летописей.

Исторический экскурс Мейерберг начинает с легенды о призвании варягов. При этом он дает не летописный, а «русифицированный» ее вариант, в котором Рюрик выступает как представитель славянского племени, призванный новгородцами для борьбы с Киевом. Такой вариант гораздо доказательнее объяснял завоевание Киева Новгородом. М. А. Алпатов предположил, что в такой форме легенда о призвании варягов могла бытовать в московских придворных кругах, с которыми он соприкасался в течение года.

Новгород Мейерберг называет «самым древним из всех русских городов» и сообщает, что его построили переселившиеся сюда дунайские славяне в двух верстах от озера Ильмена. «Княжество Великий Новгород в старину было действи-

тельно великая волость Рюрика, потому что простиралось оно даже до Ливонии, Финляндии, Швеции и Норвегии».

Великий Новгород, главный город княжества Новгородского и резиденция митрополита, принадлежит великому князю Московскому и находится на озере Ильмень. Здесь для нашей встречи поставлено было до 500 человек стрельцов от самого берега до нашей квартиры. Вице-губернатор Никита Алексеевич Зюзин угощал нас всякими кушаньями, медом, пивом и водкой. В городе и вокруг него насчитывается до 180 мужских монастырей. Окружность его составляет одну немецкую милю. Город еще и поныне славится своей торговлей, богатством и всяким имуществом, однако не так, как в прежние времена, от которых осталась поговорка: кто против Бога и Великого Новгорода?

Следуя распространенной в некоторых европейских хрониках версии о том, что Новгород некогда принадлежал великому князю Литовскому, Мейерберг рисует довольно искаженную картину его отношений с Литвой в XIII—XV веках. Так, он пишет о том, что Витовт заставил Новгород платить дань и принять его воеводу князя Симеона Альгимунда (Ольгердовича). «Через 14 лет после того Новгород заупрямился было, но Александр (Витовт. — Г. К.) привел его в покорность, и город пришел в самое цветущее состояние под этой зависимостью. Наконец московский князь... Иван, сын Василия Темного, покорив Новгород после семи лет войны, отнял его у Казимира III, короля польского и великого князя Литовского в 1477 году, а потом, в 1493 году, принудил своего зятя, Казимирова преемника Александра, отказаться от всяких прав на этот город».

Истине здесь соответствует лишь то, что великий князь Литовский Витовт (1392—1430) вмешивался в дела Новгорода, вел с ним войны и вынашивал планы расширения Великого княжества Литовского за счет Новгородских земель. Упомянутый Мейербергом его поход на Новгород в 1428 году был самой масштабной из всех попыток Литвы подчинить себе Новгород. Потерпев поражение под Порховом, Витовт повернул назад.

Что касается Семена Лугвеня Ольгердовича, то он действительно был князем в Новгороде в 1389—1392 годах, но стал им не по воле Витовта, а был приглашен новгородцами

как искусный полководец. Вполне вероятно, что Мейерберг путает Великий Новгород с Новгородом Северским, князя которого Дмитрия Ольгердовича в 1393 году Витовт лишил удела и назначил на его место своего наместника.

Современный Новгород Мейерберг характеризует как крупный административный и церковный центр, отмечая, что он и поныне славится своей торговлей и богатством, однако не так, как в прежние времена.

К наиболее достоверным и информационно насыщенным иностранным сочинениям о России XVII века относится живая, полная непосредственных впечатлений путевой дневник голландского путешественника, географа, юриста, дипломата Николааса Витсена. Он посетил Россию в 1664—1665 годах в составе посольства Якова Бореля. В Новгороде Витсен был дважды, в общей сложности около десяти дней в конце декабря 1664 года и на обратном пути из Москвы в июне 1665 года.

Посольство подъехало к Новгороду по псковской дороге. Через Софийскую сторону голландцев не пустили, а повезли в объезд до северной оконечности Земляного города, где кортеж повернул на юг по берегу Волхова, достиг моста, по которому переправился на Торговую сторону, где на Большой Славенской улице находился Посольский двор.

К Посольскому двору голландцы шли сквозь ряды солдат и горожан («кто с пистолетом, а кто с ружьем или мушкетом»), потом мимо Посольского двора парадным маршем прошли войска, при этом, как пишет Витсен, «чтобы увеличить в наших глазах количество войска, перед нами вторично пустили только что прошедших солдат, как будто мы этого не заметили!». Обычай провозить западноевропейские миссии через города, в которых можно было увидеть много вооруженных и нарядно одетых горожан и воинов, прежде всего через Новгород и Псков, возник в последние годы правления Ивана Грозного после поражения в Ливонской войне и был призван показать, что эти города, обезлюдившие за годы войны, процветают по-прежнему. В XVII веке это нововведение превратилось в норму и окончательно формализовалось.

Условия пребывания посольства в городе были довольно жесткими. Хотя они сказали приставам, что Новгород, «как один из важнейших (городов. — Г. К.), наверное, всем снаб-

жен, великолепен и достоин, чтобы показать его иноземцу», им было разрешено ходить только по Торговой стороне в сопровождении стражников, которые ограничивали их общение с новгородцами, не подпускали их ни к реке, ни к мосту, ни к укреплениям. Тем не менее Витсену удалось осмотреть и описать его. Своим величием и размахом торговли Новгород произвел на него большое впечатление, он сравнил его с Лондоном и Амстердамом. Характерно, что в описании Витсена отсутствуют довольно распространенные в сочинениях других иностранных авторов упоминания о новгородских руинах.

Город лежит вдоль реки, по расположению несколько схож с Лондоном; мост деревянный, по величине не уступает мосту через Темзу, течение реки здесь быстрее. Город окружен деревянным валом, на нем кое-где неуклюжие башни; в них сверху и снизу есть амбразуры для мушкетов и луков, вал состоит из бревен, лежащих вдоль одно на другом; внутрь входят по лестницам и террасам; кое-где есть и каменные башни; ворот много — большинство из дерева, простого строения. У моста находятся каменные ворота в середине каменного вала; за его стенами живет воевода и находятся все приказы, но и не только они: рядом с ними там еще сотни домов. Эта каменная стена, высокая, белая, простирается вдоль реки на 8–10 минут ходьбы, это они называют замок (кремль). Над воротами большие часы. В городе виднеется много церковных глав, у одной из главных церквей пять глав, средняя — позолочена. В другой хранится большой жерновой камень, на котором нарисован св. Антоний; этот камень вместе со святым приплыл сюда из Рима.

Пригород около реки можно справедливо сравнить с Лондоном хорошими базарами, лавками, изобилием всяких товаров. Шведский и Любекский дворы находятся на одной улице, один против другого, между ними караульная будка. Как в городе, так и здесь излишек церквей. Окружность города я считаю 3 часа ходьбы. Здесь очень много рыбы.

В целом заметки Витсена о топографии города, постройках, населении носят поверхностный характер. Значительную часть его новгородских записей занимают описания церемоний и быта посольства, церковных обрядов и даже зимней рыбалки на Ильмене.

Письменные свидетельства о Новгороде, наполненные живописными деталями, дополняет сделанный им рисунок города со стороны Николо-Лятского монастыря, по которому впоследствии была сделана гравюра к французскому изданию А. Олеария 1719 года. Это самая большая из всех, созданных в XVII веке панорама Новгорода длиной около двух метров.

Первый план занимает изображение реки, растительности и людей в кафтанах и отороченных мехом шапках. Панорама города разворачивается на заднем плане. Городское пространство уплотнено как ряды декораций, одна за другой напластовываются постройки, не лишённые, однако, узнаваемых черт. В верхней части листа помещена лента с названием города и пояснением на французском языке: «Новгород — город Московии, столица одноименного княжества».

На гравюре детально показаны деревянные и каменные укрепления города, обозначены «тайничный городок» и часы на Пречистенской башне. На Торговой стороне нарисована неизвестная по другим источникам воротная каменная башня с навесным зубчатым боем. И все-таки, как отметил А. Н. Кирпичников, рисунок Витсена не путеводитель по городу, а его оригинальная художественная интерпретация, на которой можно увидеть и зашифрованные обозначения, и достоверные детали, и вполне реалистические архитектурные комплексы.

Ценность сочинения Витсена заключается в том, что оно представляет собой не историко-публицистическое произведение, предназначенное для печати и написанное уже после поездки, а путевые заметки, для печати, по всей вероятности, не предназначавшиеся и впервые опубликованные через 300 лет. Его восприятие Новгорода носит личный, а не официальный характер.

То же самое можно сказать о путевом дневнике шведского ученого-лингвиста, путешественника Юхана Габриеля Спарвенфельда. Он прибыл в Россию в 1684 году в составе шведского посольства и остался, получив королевскую стипендию, на три года для изучения русского языка. Его главным делом стал славяно-латинский словарь, включающий около 25 000 слов, над которым он работал более двадцати лет.

Посольство ехало от границы в Новгород по весенней распутице по дороге, построенной когда-то Якобом Делагарди. Не исключено, что именно эту дорогу нарисовал в 1616 году Хутеерис. Последнюю ночь перед Новгородом послы ночевали в Вяжищах, и Спарвенфельд хотел осмотреть Вяжищский Никольский монастырь. Но монахи его в монастырь не пустили, поскольку он, по их словам, не был христианином. Этот инцидент является наглядной иллюстрацией тех предрассудков, которые затрудняли общение русских и шведов. «Другие» считались не христианами, а язычниками, поскольку они не исповедовали истинную религию. В то время на Западе русских также считали неверующими и безбожниками, несмотря на то что многие современные исследования констатировали их принадлежность к христианской вере. В шведских церковных и правительственных кругах отношение к вероисповеданию русских менялось в зависимости от политической конъюнктуры, во второй половине столетия его стали называть «старой греческой религией», а русских считать христианами, хотя и второсортными.

21 марта перед членами посольства открылась панорама Новгорода, который издалека выглядел «как достаточно большой и красивый город, но по мере приближения к нему это впечатление терялось». У Антониева монастыря послов встретили собранные из окрестностей Новгорода и Пскова дворяне, которые верхом сопроводили их до городской стены, где был выстроен почетный караул. Спарвенфельд очень подробно описал его вооружение и знамена, а также ритуал встречи.

Он заметил также, что «Новгород расположен выгодно на большой равнине и окружен болотами, так что если бы он был хорошо укреплен, то его было бы невозможно завоевать. Но теперь все его стены деревянные кроме кремлевских, которые сделаны из кирпича, но не очень высоки. В окрестностях, насколько хватает глаз, можно видеть сады и монастыри».

23 марта было Вербное воскресенье, и шведы пошли посмотреть крестный ход. В этой связи Спарвенфельд рассказал о старообрядцах, которые не приняли участия в этой церемонии, поскольку они придерживаются старой веры. Он сообщил, что они «крестятся двумя пальцами, как католиче-

ские священники, и принимают облатку с крестом. Но новая реформа запретила это и предписала другой крест и крещение тремя соединенными пальцами... Кроме того, новые (никониане. — Г. К.) считают, что надо говорить “Иисус Христос, Господи наш, помилуй нас” вместо того, чтобы по-старому говорить “Иисус Христос, сыне Божий, помилуй нас”. Из-за этих трех мелочей... многие сотни были сожжены заживо». Впрочем, как пишет Спарвенфельд, деньги и связи иногда помогали избежать наказания.

В качестве примера он приводит случай с новгородским купцом Семеном Гавриловым. Его сын Иван был уличен в приверженности к расколу и под пытками назвал многих лиц, имевших отношение к распространению подметных тетрадей еретического содержания. Чтобы спасти сына от наказания, Семен Гаврилов заплатил большие деньги, после чего Иван был отдан ему на поруки.

Спарвенфельд пишет о том, что Семен Гаврилов «является в Новгороде влиятельным лицом как фактор и тайный советник царя и которого боится даже воевода, которого он может оговорить и навлечь на него немилость, если захочет». Это соответствовало действительности, Семен Гаврилов принадлежал к числу «лучших» людей — верхушке новгородского посада, — которые распоряжались в Новгороде как в своей вотчине, не особенно считаясь даже с воеводой. После подавления Новгородского восстания 1650 года и проведения посадского строения видную роль в жизни новгородского посада играло семейство Гавриловых, главенствующее положение в котором занимал гость Семен Гаврилов, часто вступавший в конфликты с городскими властями. Он был известен шведам, поскольку играл важную роль в русско-шведской торговле.

Краткие заметки Спарвенфельда о новгородских раскольниках и расправах над ними отражают реальную ситуацию, сложившуюся в Великом Новгороде. Во второй половине XVII века Новгородские земли стали одним из оплотов староверия, не случайно Новгородчину называли «первой старообрядческой митрополией». Начало 1680-х годов было ознаменовано ожесточенной борьбой центральных властей со старообрядцами. В 1683 году в Новгороде было проведено следствие, в ходе которого выявилась причастность к ста-

рообрядчеству нескольких десятков человек, в том числе из дворян и окружения митрополита Корнилия.

В своем дневнике Спарвенфельд несколько раз упоминает служившего в Новгороде переводчика Гюттнера, который бежал из Швеции в Новгород, предложил свои услуги царю и был принят на службу в Посольский приказ. Спарвенфельд относится к нему с недоверием и характеризует его как честолюбца, лгуна и изменника.

Спарвенфельд принял участие во встрече послов с новгородским воеводой князем Федором Семеновичем Урусовым, описал его резиденцию и привел перечень блюд и напитков, которыми угощали шведских гостей:

Воевода проживает в замке, окруженном каменными стенами, в простом деревянном доме. По довольно широкому крыльцу мы вошли в большую темную прихожую, через которую мы прошли, потом прошли еще две небольшие комнаты, в которых с двух сторон стояла челядь воеводы. Его комната была довольно скудно меблирована: кроме высоких скамей, драпированных красным, вокруг стола стояли деревянные стулья. В комнате было много икон в изяшных серебряных окладах, перед иконами висели лампы, которые давали слабый свет от одной небольшой свечки, установленной в чаше, заполненной воском. По другую сторону слева была стена, украшенная множеством старинных серебряных позолоченных кубков. Гостям прислуживали пять или шесть человек из простолюдинов. Воевода был одет в одежду из желтого сатина. Голова его была ничем не покрыта, кроме небольшой повязки из тонкой материи, завязанной сзади.

Угощения были таковы:

1. На стол подали свернутое вишневое пюре шириной в один локоть и толщиной в мизинец, коричневое, накрученное на палочку, вкусное, но полное песка.

2. Подали 8-угольное блюдо, похожее на сыр высотой полторы четверти, полное отвара и украшенное гербом царя с орлом с распростертыми крыльями и т. д. Оно состояло из густого яблочного пюре, слегка твердого желтого и вкусного.

3. Серебряная чаша с вишней в водке.

4. То же с вареной морошкой, которая была лучшей.

5. То же с гнилыми полусваренными сморщенными грушами.

6. То же с вареными вялыми яблоками.

В качестве напитков подавали плохое испанское вино, испорченное французское, дрянной сидр или яблочную брагу, от-

вратительное пиво, но вполне хорошую водку. Сначала пили за здоровье царя, потом короля, потом послов, маршалка и графов, так что простолоудины, бывшие в прихожей, все были пьяны. Мы несколько раз вставали, чтобы уйти, но нас вынуждали остаться.

26 марта шведские послы в карете, посланной воеводой, между двумя рядами стрельцов доехали до восточных ворот, и карета встала так, что задние колеса остались в воротах; послы пересели из нее в свои сани и таким образом покинули Новгород.

В целом в XVII веке Великий Новгород сохранял свой облик и название и продолжал удивлять иностранцев своим величием и красотой. Они писали, что этот «могущественный и большой город» (Г.-М. Айрманн) «поныне славится своей торговлей и богатством» (Мейербрег) и является «одним из самых значительных и населенных городов России» (Д. Перри). Иностранцы подчеркивали его торговое значение. Так, Я. Стрейс писал о том, что с подчинением Новгорода Москве «упала и торговля, но не заглохла, ибо в настоящее время в нем собираются купцы, преимущественно из Гамбурга, Любека, Швеции и Дании, которые прибывают по реке Нарве до самого Новгорода. Торговля идет зерном, ячменем, льняным и свекловичным семенем, мехами, коноплей, льном, в особенности юфтью, которую в изобилии изготовляют на месте из шкур. Там очень много скота, и съестные припасы продаются за бесценок, в особенности рыба: лососина или осетр, щука, чебак, карп, линь и всевозможная рыба». «Расположен город в крайне живописной местности, украшен многими садами и монастырями и, кроме прочих естественных богатств, славится чрезвычайно вкусною разного рода рыбою, плодами и медом» (Я. Рейтенфельс). Известный английский поэт и публицист Джон Мильтон, автор «Краткой истории Московии» (1682), считал, что «Новгород — самый значительный по торговле город во всем государстве и по обширности не менее Москвы», а Себастьян Главинич сравнил его с Венецией.

Во второй половине столетия некоторые европейцы уже не просто едут через Новгород, а специально приезжают сюда, чтобы увидеть его древности. Таких людей можно считать

туристами. В их числе был шведский посол граф Христиан Горн, который в 1670 году изменил маршрут посольства «для того, чтобы увидеть это значительное и знаменательное место», где он провел два дня.

В 1683 году в составе направлявшегося в Персию шведского посольства Л. Фабрициуса в Новгороде побывал немецкий географ, натуралист, путешественник Энгельбрехт Кемпфер. Он пробыл в Новгороде неделю и за это время успел осмотреть те его достопримечательности, к которым допускали иностранцев. Олеарий писал, что монахи отказывали иностранцам в посещении Антониева монастыря. Но староста Шведского торгового двора в Новгороде Филипп Финхаген помог Кемпферу получить разрешение на посещение монастыря. Как пишет Кемпфер, это обошлось ему в несколько штофов вина. В монастыре монахи рассказали ему легенду о святом Антонии, которую он не очень четко пересказал в своем дневнике. Кемпфер описал также собор Рождества Богородицы, гробницу, а также одну из главных реликвий собора — камень Антония Римлянина, который он даже зарисовал.

Во внешней стене между обеими церквями или церковными дверями был открыт еще один кабинет, где на высоте 1½ локтя от земли был помещен камень Святого Антония, похожий на мельничный жернов или каменное колесо, вмурованный на четверть или треть, так что вершина округлой стороной была обращена назад. Это был камень, с одной стороны плоский и несколько овальный, сзади же округлый и выпуклый (с заостренной вершиной). Он был кругом обложен позолоченным пестрым венком или окладом и, кроме того, украшен изображениями святого Антония и другими картинами. Перед ним стояли два высоких светильника, длина которых спереди и в плоской части равнялась 6, ширина — 5 пядей, а толщина — 2½ пяди. На светильнике, который располагался впереди, висела маленькая, наклеенная на доску, удлиненная бумажная табличка на русском языке, на которой коротко излагалась история его путешествия и жизни.

Русский город всегда поражал иностранцев обилием церквей. Судя по запискам иностранцев, именно русские храмы, их силуэты и золоченые купола, наряду с крепостными стенами и башнями определяли внешний вид города, его красо-

ту и святость. В этом плане пример Новгорода был особенно показательным.

Обращает на себя внимание тот факт, что в записках иностранцев практически не встречаются описания произведений церковного искусства, с которыми они так или иначе сталкивались в Новгороде. Очевидно, это было связано с тем, что в то время в Европе еще не были выработаны критерии оценки художественной ценности произведений древнерусской живописи, а потому их еще не воспринимали как произведения искусства. Новгородские иконы с их статическими изображениями не привлекали внимания привыкших к реалистической живописи иностранцев.

Следует также учитывать, что иностранцам, как правило, запрещалось посещать русские храмы и монастыри, поэтому они не могли подробно описать их, особенно внутреннее убранство, утварь и церковный ритуал.

Этот запрет не распространялся на членов антиохийской церковной делегации, посетившей Новгород в августе — сентябре 1655 года. Их встретили тепло и предоставили доступ во все сферы церковной жизни, которые были наглухо закрыты для иностранцев. Один из членов делегации сын антиохийского патриарха Макария Павел Алеппский в своем обширном сочинении о России и русской церкви подробно описал свое пребывание в Новгороде и его церковные древности — Софийский собор, Антониев, Юрьев, Хутынский, Сырков, Духов, Иверский монастыри, городские и монастырские церкви, а также церковное убранство и утварь, церковный ритуал:

Город Новгород, на нашем языке мадинэтэль жадидэ (новый город), как говорят, основан Иафетом, сыном Ноя; поэтому его строения очень древние. Он есть первый город в этой стране, после Киева, принявший христианскую веру через апостола Андрея, как об этом написано в их книгах. Посему жители этого города славятся перед всеми жителями страны московской своею набожностью и тем, что они издревле утвердились в вере, и они смеются над московитянами за то, что те уверовали позже них. С того времени до сих пор они не изменяли веры. Московские князья, когда еще были неверующими, постоянно ходили войной на них. По указанной причине и церковь св. Софии в этом городе точь-в-точь как настоящая и древнее, чем таковая же в Киеве...

В субботу, рано поутру, мы отправились с митрополитом поклониться церкви Святой Софии. Она точь-в-точь как церковь Святой Софии в Киеве; также имеет наверху галереи, но очень стара и обветшала от долгого времени. Она имеет огромную чудесную дверь с двумя створами, из желтой меди; на двери изображены фигуры людей, господские праздники и тому подобные тонкости искусства. Рассказывают, что правитель этого города, которому издревле дают титул князя, около 700 лет тому назад ходил постоянно войной на страну сербов и греков, а другие говорят, что то был хакан, царь татарский, осаждавший Константинополь с бесчисленным войском; он ходил в Кару, которую они называют на своем языке Карсуна, т. е. Херсон, взял и разрушил ее и вывез оттуда эту дверь и другие вещи вместе с большими древними благолепными иконами греческими, кои целы и поныне...

Во вторник, рано утром, нас посадили на судно на упомянутой реке, проехали с нами четыре версты и привезли в монастырь св. Варлаама, известный на их языке под именем Хутынский. Этот монастырь очень большой, красивый, радующий душу, высокий, в прекрасном местоположении на возвышенности, при реке, которая течет перед ним и которая шире и глубже египетского Нила. Поистине, жизнь монахов в этих монастырях весьма приятна, вследствие обилия воды и разного рода рыбы, которую ловят без труда, при помощи воротов, с обеих сторон реки, посредством особых приспособлений. Подлинно, наши сердца наслаждались в этом благодатном путешествии. Скажу еще: да увеличит Бог твое процветание, о город Новгород, до окончания веков, за избыток твоих удовольствий, твоих вод, рыбы, прекрасное местоположение, твою почву и приятность твоих монастырей, кои, поистине, не имеют себе подобных на земле!

Покидая Новгородскую землю, Павел Алеппский назвал ее «благословенным» краем, который превосходит все земли не только Московии, но и всего мира».

Аналогичное впечатление произвел Новгород на немецкого литератора, юриста и путешественника Георга Адама Шлейссингера. В своем сочинении «Полное описание России», отражавшем уровень географических представлений о России образованных слоев европейского общества, он посвятил ему специальный раздел.

Новгород — довольно большой замечательный город, благодаря множеству построенных в нем на русский манер ворот, монастырей и церквей, очень красивых по форме и крупных. Но, как

и все города Московии, он построен (кроме церквей) исключительно из дерева. Там выстроен своеобразный замок, тоже в русской манере, окруженный белой стеной, а в нем сидит воевода, то есть своего рода губернатор, который и управляет соответствующей областью...

Там замечательные плодородные земли. Есть там один из лучших сортов рыбы; на одну копейку дают рыбы в таком количестве и можно купить столько, что хватит на сытную еду, наверное, на троих. Рыбы изображены и в гербе Новгорода... Знаков всякого рода, овощей, мяса и дичи в этом городе избытие. К тому же город ведет большую торговлю медом и воском и снабжает ими всю страну, снабжает хорошо, даже отлично, в достатке создавая обилие провианта...

Шлейссингер оценил роль географической среды в истории Новгорода, отметив, что болота играли роль естественного защитного фактора. Вражеское войско могло подойти к городу только водным путем. Но на юге перед ним лежало опасное для плавания озеро Ильмень, а путь с севера преграждали волховские пороги.

Топкие непроходимые болота, многочисленные реки, глухие леса и бездорожье нередко становились непреодолимой преградой для врага. Еще Герберштейн писал о том, что от Полоцка до Новгорода они «переезжали через столько болот и рек, что имена и число их не могут привести даже местные жители». Поэтому осенние, весенние и даже летние походы в Новгородские земли были крайне затруднительны. Характерно, что одним из центральных вопросов при обсуждении в мае 1471 года плана похода московского войска на Новгород был вопрос о времени выступления. Надо было идти в поход немедленно или перенести его на зиму, «понеже летнее уже время, а земля их многи воды иматъ около себя, и езера великие, и реки, и болота многи и зело непроходимы, а прежние велиции князи и то время на них не ходили, а кто ходил, тот люди многи истерял».

Ливонский хронист Бальтазар Рюссов описывает поход шведов на Новгород в 1582 году, который окончился провалом потому, что время для него было выбрано крайне неудачно: «Когда на этот раз была потеряна надежда на Нетеборг, шведы должны были снять свой лагерь и отступить с убытком. Тогда все гофлейты в Мартинов день (11 нояб-

ря) пошли к Новгороду по дурной дороге, на которой все лужи были переполнены водой, и непогода с ливнем длилась и день и ночь, и все мосты в России плавали под водой. Когда же, по причине таких затруднений, они не могли ничего поделывать в России, то с потерей нескольких сот лошадей и почти всех обозных телег они снова возвратились на свои квартиры».

На эту особенность новгородских коммуникаций позднее обратил внимание А. И. Герцен, отметивший, что «в Новгородской губернии есть деревни, разобщенные лужами и болотами с целым шаром земным, к ним ездят только зимой. Этими болотами и этой грязью защищались новгородцы некогда от великокняжеского и великоханского ига».

Но вместе с тем особенности ландшафта Новгородской земли создавали трудности и для иностранных путешественников. Пожалуй, самой большой проблемой для них были дороги. Издревле Северо-Восточная европейская равнина, на которой выросло Русское государство, славилась как страна непроходимых лесов и больших многоводных рек. Небогатому населению было не по силам содержать эти длинные дороги в порядке. Единственным строительным материалом было дерево, реже глина, еще реже — камень. Seriously мешали прокладке дорог контрастные формы рельефа. Дороги, проложенные в лесу, имели свои неудобства. Качество грунтовых дорог зависело от состава почвы. Чрезвычайно сложно было прокладывать пути сообщения в болотистых местностях. Больше, чем люди, русскую дорогу приводили в порядок зной и мороз.

Дорога от Новгорода до Москвы, во многом определявшая имидж страны, была дика и пустынна, тогда как пространство от Новгорода до Пскова было заселено несколько гуще и имело много деревень и сел. Поэтому путешественники, ехавшие из Польши в Москву, все-таки предпочитали путь на Псков и Новгород более короткому пути через Смоленск. Путь от Новгорода до Москвы летом ямщик преодолевал за 6–7 суток.

Из Западной Европы в Москву через Новгород ехали, как правило, через Ригу (Трана, Витсен) или Нарву (Гюльденстьерне) — зимним или летними путями, или через Ниеншанц и Орешек по Неве, Ладожскому озеру и Волхову

(Олеарий), в отдельных случаях — через Выборг (Агрикола, Юстен, Спарвенфельд). Через Кенигсберг, Кокенгаузен, Нейгаузен в 1661 году проследовало посольство Мейерберга. Основными пунктами пересечения русско-шведской границы в XVII веке были Мегозиц (Меузица, совр. Миекса) в полумиле от Нейгаузена и Муравена (Муравейна) на реке Луге.

Описания сухопутных дорог отражали западноевропейские представления об «инфраструктуре» России; в них присутствовал мотив опасности для путешественников, исходящей как от людей, так и от диких зверей. Зимой и летом волчьи стаи, шайки воровских людей делали путь по русской земле трудным и опасным. Летом еще одним источником опасности были пожары. В 1650 году шведский торговый представитель Юхан де Родес сообщал королеве Кристине: «Во время дороги, вследствие большой опасности от огня, я не хотел располагаться ни в одном селении, но расставлял всегда на поле в круг военный обоз и сам помещался с деньгами посередине, а вокруг военного обоза приказывал ставить караульных».

На качество дорог в 1602 году жаловался Аксель Гюльденстьерне: «Мы почти все время ехали по одному сплошному бревенчатому мосту». По всей вероятности, именно такая бревенчатая гать представлена на рисунке Хутеериса. На нем хорошо видна общая конструкция сооружения, представляющая собой два ряда вертикально вбитых в землю свай, между которыми уложен настил из бревен. Повороты дороги обозначены вешками, указывающими направление пути в период снегопадов, распутиц и дождей. В некоторых местах Новгородской земли почти весь путь проходил по таким гатям.

Члены нидерландского посольства отметили в своем отчете: «Почти половина дороги состоит из дерев, которые кладутся по болоту». Стрейс писал о том, как они «проезжали по болотистой местности, от одной настилки из бревен до другой, наши повозки часто ломались...».

Поэтому многие иностранцы предпочитали по возможности ехать водным путем. Так, Олеарий писал, что члены посольства «оставались в Новгороде в бездействии четверо суток и в последнее число июля отправились дальше до

Бронниц водою, так как из-за болотистой, топкой местности невозможно было ехать сушею».

Очень тяжелой в 1655 году показалась дорога от Валдая до Бронниц Павлу Алеппскому: «Поистине дорога в Новгород есть дорога в самый ад: никаким языком не опишешь ее тягостей, затруднений и тесноты». Последний участок пути от Бронниц до Новгорода проходил по воде, и путешественники отдыхали на нем после трудной дороги.

Следует отметить, что оборотную сторону знаменитого русского бездорожья, затруднявшего продвижение врага, отметил наблюдательный Пальмквист:

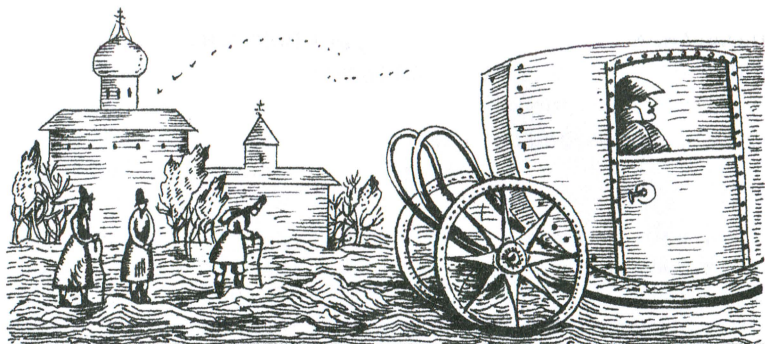
В большинстве своем дороги в России хороши и удобны, а также сухи и тверды там, где растут хвойные леса (сосновые и еловые), но неудобны для проезда там, где растут лиственные (березовые, ольховые или осиновые) леса, так как здесь они вязки и топки. При этом русские, несмотря на массу имеющегося под рукой материала для улучшения этих дорог, не исправляют и не улучшают их нарочно, особенно те дороги, что ведут от границы в глубь страны, дабы этим затруднить, если не предотвратить совсем доступ иностранцам в глубь их страны.

Можно сказать, что в XVII веке знания иностранцев о Великом Новгороде становятся более глубокими, а его образ в европейской письменности становится более конкретным. При этом конкретно-исторический пласт информации дополняется историко-философским осмыслением его истории. В XVII веке появляются первые планы и рисунки города, описания его главного символа — герба, поэтические произведения с новгородской тематикой. Историко-географические описания Новгорода дополняются описаниями «визуализирующими» — позволяющими читателю как бы увидеть своими глазами жизнь и быт горожан, события городской жизни.

По мнению иностранцев, в XVII веке Великий Новгород сохранял не только свое название, но и свое значение как одного из самых крупных и населенных городов Европы, который и «поныне славится торговлей и богатством». Но при этом на страницах их сочинений появляется тема контраста между былым величием и современным состоянием города.

На рубеже веков, в 1699 году, в Новгороде побывал англичанин Джон Перри. Отметив его обширную торговлю со шведскими владениями, он назвал его «одним из самых значительных и населенных городов России». Через несколько лет он верно уловил тенденцию превращения Новгорода в «сборное место для войск» и «складочное место» «ввиду намерения царя сделать Петербург столицей Русской империи».

XVIII век
Город древен, знаменит и велик...

В годы Северной войны Новгород стал прифронтовым городом и оперативной базой — местом сосредоточения войск, продовольствия и боеприпасов. После поражения под Нарвой стратегическое значение Новгорода возросло. Полагая, что Карл XII двинет армию на Москву, Петр I приказал приступить к срочному ремонту и строительству оборонительных сооружений в Новгороде. Пополнялся крепостной арсенал, на берегу Волхова у Владимирской башни, где еще в XVI веке находилась «зеленая мастерская», было организовано производство пороха, гранат и бомб для нужд армии. Здесь комплектовались и обучались войска.

В это время царь несколько раз приезжал в Новгород. В одной из поездок его сопровождал датский дипломат Юст Юль. Во время пребывания в России он вел дневник, в котором описал и свое пребывание в Новгороде.

Новгород состоит из множества плохо построенных и беспорядочно разбросанных деревянных домишек, подобных крестьянским домам в Норвегии. Такие дома продаются за два, за три, самое большее за четыре рубля каждый. Город полон церквей и монастырей. Лучшим украшением церквей служат их высокие купола вроде тех, что в архитектуре зовутся «des dômes»... Коло-

колни стоят в небольшом расстоянии от церквей; на самих же церквях русские никогда колоколов не вешают. Недавно в Новгороде был большой пожар, причем часть его церквей сгорела, а часть попорчена огнем. Купола выведены дранью и покрыты свинцом; иные позолочены, иные украшены изящною старинною живописью. Внутри города есть крепость вроде Ивангородской, со стенами и башнями. Кругом города также есть вал, но он разрушен, и через него почти всюду можно переехать в повозке. Улицы мощены бревнами вместо камня.

Новгород поразил датского дипломата обилием церквей и монастырей, однако его попытки осмотреть их вызвали противодействие со стороны священнослужителей. Тогда Юст Юль нанес визит митрополиту Иову и просил его, чтобы он дал ему проводника и велел показать местные церкви и «знаменитый монастырь св. Антония». Иов поручил одному из монахов показать дипломату «все, что он пожелает».

Он пожелал осмотреть главные новгородские святыни — Софийский собор и Антониев монастырь. Из достопримечательностей Софийского собора он запомнил бронзовые врата западного фасада и раки с мощами св. Никиты и св. Иоанна (Илии). Настоятель Антониева монастыря лично показал ему собор Рождества Богородицы и его главные реликвии — мощи, камень и тростник св. Антония. Он рассказал ему историю святого, подарил икону с его изображением и продал «писанное по-русски житие св. Антония, в котором собраны все распространенные у русских басни о его жизни, чудесах и чудесном путешествии из Рима в Новгород».

Рассказ о жизни этого новгородского святого из уст монаха Антониева монастыря услышал и побывавший в Новгороде в 1714 году шотландец Питер Генри Брюс, состоявший на русской военной службе.

Когда Брюс спросил монаха, «с каким кораблем прибыл этот святой на своем мельничном жернове и как он прошел через водопады в Ладожском озере, монах рассердился», назвал Брюса «нехристом» и отказался показать ему мощи святого.

О городе Брюс написал следующее:

Новгород расположен на большой живописной равнине... Окружающая местность очень плодородна, богата пшеницей, льном, пенькой, медом и воском. Русская кожа является главней-

шим товаром, так как полагают, что здесь она выделяется лучше, чем где-либо в России, а Новгород считается одним из известнейших торговых центров во всей России. Раньше этот город был одним из богатейших городов Европы... Однако после того как царь Иван Васильевич, великий московский тиран, разграбил город и обратил его большую часть города в пепел, он переселил самых выдающихся горожан в Нижний Новгород.

Большое число разрушенных стен и башен, которые сохранились до настоящего времени, служит свидетельством былого великолепия, но их теперешнее состояние не имеет ничего общего с тем, что было здесь до разорения города, ибо теперь город окружен только деревянной стеной и застроен деревянными домами.

Напротив города, на другом берегу реки находится крепость, связанная с этой стороной мостом. Она окружена большой каменной стеной и является резиденцией губернатора и архиепископа...

В этом городе 144 монастыря, а также большое число церквей и часовен. Отсюда в Петербург доставляют многие виды продовольствия и другие товары на кораблях с плоским дном, из которых многие тонут на порогах Ладожского озера, когда их бросает мощным течением на подводные скалы и разбивает об них. Чтобы преодолеть эти частые потери, царь приказал сделать прямой канал от Вологды до Невы, на строительстве которого каждое лето работает 30 000 человек и столько же солдат и крестьян.

Антоний Римлянин уже в силу своего европейского происхождения был самым известным для иностранцев новгородским святым, а Антониев монастырь прослыл «самым известным и замечательным» (Ранфт). Брауншвейгский резидент Фридрих Христиан Вебер считал его главным «брондом» города. Он писал, что «русские и теперь еще славятся этим городом (Новгородом. — Г. К.) и держат его в великом почете по причине покоящихся в нем нетленных мощей св. Антония и чудес его». В XVIII веке Антониев монастырь и гробница святого становятся главными объектами посещения проезжавшими через Новгород иностранцами.

После окончания Северной войны стратегическое значение Новгорода изменилось, он был вычеркнут из списка действующих крепостей. Постепенно исчезают многие ремесленные профессии новгородцев, приходит в упадок некогда богатый новгородский торг, древний город становится промежуточным пунктом в снабжении новой столицы продо-

вольствием и превращается в провинциальный центр Российской империи.

В иностранных сочинениях он все еще упоминается как *Великий Новгород*, но при этом уже подчеркивается, что это его «былое название» (Бюшинг, Кокс) или что его называют так, чтобы «чтобы различить его от других небольших городков сего же имени» (Белл). «В настоящее время в России очень много городов, которые гораздо больше Новгорода и значительно лучше его построены», — писал в 1737 году шотландец Джон Кук.

Тем не менее количество иностранцев, проезжавших через Новгород, не сокращается, меняется лишь их состав. Теперь через Новгород по дороге из Петербурга в Москву и из Москвы в Петербург ехали уже не купцы и дипломаты, а главным образом ученые и путешественники. В XVIII веке через Новгород проходили маршруты сибирских академических экспедиций, в составе которых были немецкие ученые-натураллисты Иоганн Георг Гмелин, Петр Симон Паллас, Иоганн Готтлиб Георги. Они интересуются не только новгородскими древностями, но и демографией, этнографией, экономикой, почвой, водоемами, флорой и фауной, полезными ископаемыми города и городской округи. В этом плане весьма характерными являются заметки немецкого естествоиспытателя и путешественника П. С. Палласа, проезжавшего через Новгород в 1768 году.

При низких берегах Волхова, посреди города текущего, из близлежащего озера Ильменя выходящего и в Ладожское озеро впадающего, находится множество водяных клопиков *Notonecta atomaria*, которые были приманкою несметным стадам рыбных зародышей и служили им пищею. Около города видны были только простые полевые травы. Однако при городских рвах росла трава Омега особливого рода *Сopium maculosum* и еще другая, российский наименования не имеющая, а по-латыни называемая *Myositis Lappula**, которых трав великое множество находится во многих местах позади Москвы на пашнях.

В Крестецком Яме мне рассказали об одном человеке, которого я мог найти в Яжелбице и который якобы открыл в тамошних краях рудные места. Прибыв в Яжелбицу, я тут же велел его по-

*Незабудка.

звать и получил от него не только образец одной из пород каменного угля, большой слой которого он, по его словам, обнаружил в окрестностях, но и найденные по соседству куски беловатой тяжелой рыхлой земли, несомненно, содержащей серебро, наподобие виденной мной породы, происходящей из Аргунских заводов, а также куски серного колчедана.

Я уверен, что господа из Академии, проезжающие ныне по этим местам, будут с лихвой вознаграждены за свои усилия полезными для всех открытиями. Окрестности Валдайского озера показали мне достойными самого пристального внимания и были слишком прекрасны, чтобы я мог их проехать, не задержавшись. Итак, я пробыл там один день и собирал гербарий на островах озера и по его берегам. В озере есть много *Soferva aegagropila** которую не наблюдали нигде, кроме как в Швеции.

Шведский ученый-натуралист и путешественник, директор ботанического сада Российской академии Иоганн Петр Фальк, следуя в академическую экспедицию через Новгород, обратил внимание на этнический состав местного населения и его занятия:

Между Санкт-Петербургом и Новым городом на Волхове городов никаких нет, а встречаются только местами небольшие и бедные деревни. Поселяне суть по большей части русские, а около Ижоры чухонцы, которые от реки Ижоры называются ижорцами и которые частью протестантского, частью же греческого вероисповедания. Все они, смотря по мере распродажи своих произведений, занимаются мало сельским хозяйством. Российские крестьяне извозничают; у ижорцев же нет для сего промысла ни хороших лошадей, ни деятельности.

Его этнографические наблюдения дополняют заметки немецкого исторического писателя и священнослужителя Михаила Ранфта. Он указал на то, что жители Новгородской провинции «в основном имеют финские корни и известны тем, что они трудолюбивее и старательнее других русских, хотя сами живут в нищете».

Новгород Великий — очень большой и хорошо укрепленный город, расположенный на плоской равнине на реке Волхов недалеко от ее истока из озера Ильмень... Он находится в 40 милях, как

*Кладофора агаропильная.

от Нарвы, так и от Санкт-Петербурга и имеет самого почитаемого во всей империи архиепископа. Замок окружен мощными стенами, оснащен артиллерией и соединен с городом мостом длиной в 400 шагов. В нем, кроме многочисленных красивых церквей, в основном деревянные дома, он окружен только деревянными укреплениями и глубоким рвом. В городе и окрестностях находятся 72 монастыря, среди которых многие отличаются прекрасной архитектурой и украшены позолоченными башнями, что сообщает и без того живописной местности особую красоту.

Ранфт также заметил, что «Новгород ведет оживленную торговлю, особенно юфтью, и поэтому пользуется популярностью у иностранных купцов». Действительно, основным занятием городского населения в первой половине XVIII века была торговля, устойчиво ориентированная на Петербург. Эту особенность новгородской торговли еще в начале столетия отметил Питер Генри Брюс:

Отсюда снабжают всевозможными съестными припасами и необходимым Петербург, перевоза их туда на плоскодонных судах, многие из которых погибли в водопадах и порогах Ладоги, наткнувшись на скрытые под водой скалы; быстрым потоком суда так бросает на скалы, что они разбиваются. Чтобы воспрепятствовать этим большим потерям, царь приказал по прямой линии прорыть канал от Волхова до реки Невы.

Торговля оставалась одним из основных занятий горожан и во второй половине XVIII столетия. «Население ведет мелочную торговлю товарами, привозимыми из Санкт-Петербурга, Москвы, и торговлю местными продуктами, занимается ремеслами и извозом», — писал в конце столетия немецкой этнограф и натуралист Иоганн Готлиб Георги. Уже в начале XIX века новгородский губернатор П. И. Сумароков с сожалением отмечал, что новгородцы не сумели использовать выгоды водного сообщения со столицей, они вели торг мелочный, лавочный и среди них не было «миллионщиков». Поэтому по величине торгового оборота в XVIII веке Новгород уступал другим провинциальным городам.

Отсутствие крупных торговых капиталов было главной причиной слабого промышленного развития Новгорода. Первая частная полотняная мануфактура появилась в Нов-

городе в 1727 году. Ее владельцем был мастер петербургской коломянковой мануфактуры Борис Шаблыкин. Мастеров и оборудование он привез с собой из Петербурга. Однако производство оказалось неприбыльным, и в середине 1740-х годов фабрика закрылась.

В 1772 году по указу Екатерины II в связи с эпидемией чумы в Новгород из Москвы был переведен Преображенский хамовный двор. Работы по строительству казенной парусной фабрики начались в 1774 году на берегу реки Гзень недалеко от Зверина монастыря. Фабрика была пущена в 1780 году и просуществовала до 1824 года. В конце XVIII века в Новгороде было 10 кирпичных, 7 кожевенных, 6 укусных, 2 воскобойных и 1 свечной завод.

Некоторые итоги социально-экономического развития Новгорода в XVIII веке подвел немецкой этнограф И. Г. Георги:

В 1790 году в (Новгороде) было 58 каменных и 4 деревянные церкви, 3 монастыря, резиденция архиепископа, 12 казенных зданий, 148 лавок и амбаров, 1500 деревянных и 40 каменных жилых домов; по ревизии 1783 года, в нем проживало 3784 человека мужского пола и 3342 женского — 7126 жителей русской нации, купцов, ремесленников и других мещан, рабочих, старьевщиков, а также извозчиков бюргерского и крестьянского сословий... В городе есть парусная фабрика, которая находится в ведомстве Адмиралтейства и производит в год около 4000 штук парусины; несколько дубилен, одна воскоплавильня, одна свечная и одна укусная фабрика.

В XVIII веке Новгород, население которого в конце столетия, по мнению голландского путешественника Йохана Меермана, составляло не более семи тысяч жителей, оказался как бы в тени двух столиц, поэтому впечатления иностранцев от него были не столь яркими, как впечатления от Москвы и Петербурга. Некоторые иностранцы ехали из Петербурга в Москву и обратно не через Новгород, а мимо него. Так, жена английского посланника леди Рондо, проезжая в 1730 году через Новгород в Москву, заметила, что он замечателен только «монастырем св. Антония, внешность которого не имеет ничего замечательного, а внутренность я не видела». Знаменитому итальянскому авантюристу Джо-

ванни Казанове его кратковременное пребывание в Новгороде запомнилось лишь тем, что здесь его кучер наказал палкой упрямую лошадь. А французский аббат Шапп д'Отерош в своих записках о путешествии по России вообще не упоминает Новгород, мимо которого он проезжал в марте 1761 года.

Свои впечатления о посещении Новгорода в XVIII веке оставили английский историк и путешественник Уильям Кокс, голландский ученый Йохан Меерман, немецкий пастор Михаил Ранфт, французский путешественник Орби де ла Мотре, немецкий ученый-энциклопедист Антон-Фридрих Бюшинг, датские дипломаты Юст Юль и Педер фон Хавен, шведский священник Свен Бэльтер. Их описания Новгорода позволяют не только приблизиться к созданию общей картины Новгорода, каким он был в глазах зарубежного читателя, но и сделать вывод о значительном интересе западноевропейских авторов XVIII века к истории и современному им состоянию Новгорода.

В 1778 году через Новгород проезжал английский историк, член Лондонского королевского общества и Датской королевской академии Уильям Кокс, сопровождавший своего воспитанника лорда Д. Г. Харриса в образовательном путешествии по Европе в 1775–1779 годах. Вернувшись в Англию, он написал известное сочинение «Путешествие в Польшу, Россию, Швецию и Данию». Оно несколько раз издавалось в Англии и, будучи переведено на пять европейских языков, приобрело широкую популярность в Европе.

Путешествуя из Москвы в Петербург, Кокс видел «несомненные знаки усиливающейся цивилизации», ощущал, что приближается «к цивилизованным частям Европы» — чем дальше от Москвы, тем выше уровень цивилизации. При этом он как бы конструирует географическое пространство России, на котором Новгород был промежуточным пунктом между варварством и цивилизацией. Новгородские деревни показались англичанам несравненно лучше тех, которые они видели по пути из Смоленска к Москве: «Избы были просторнее, лучше устроены, окна больших размеров, курных изб меньше». Новгородские крестьяне, по наблюдениям Кокса, жили безбедно и не имели недостатка в здоровой пище: «обычную их пищу составляет ржаной хлеб, — изред-

ка белый, овощи, грибы, разного рода пироги, свинина, соленая рыба, похлебка, сильно приправленная луком и чесноком».

По словам Кокса, Новгород «на расстоянии нескольких верст являл собой прекрасное зрелище и производил впечатление одного из красивейших городов Европы». Однако путешественники обманулись в своих ожиданиях, близкое знакомство с городом разочаровало их.

Торговая сторона представляет собой, за исключением губернаторского дома, скопление деревянных жилых домов и ничем бы не отличалась от обычных деревень, если бы не многочисленные кирпичные церкви и монастыри, которые стоят печальными памятниками своего бывшего величия. Я повсюду наблюдал эти остатки разрушенного величия, в то время как наполовину обработанные поля, обнесенные высокими палисадами, и большие участки земли, заросшие крапивой, показывают нынешнее запустение...

Противоположная часть, называемая стороной св. Софии, обязана своим названием находящемуся в ней собору. Она охватывает крепость, или кремль, построенный для того, чтобы держать в повиновении жителей, и для предупреждения частых попыток бунтов, которые вызываются восставшим духом подавляемой свободы... В крепости есть собор св. Софии, старое жилище архиепископа с наружной лестницей, часть нового дворца, строительство которого еще не завершено, и несколько других кирпичных зданий. Остальное же место — пустыри, заросшие сорняками и крапивой и покрытые руинами.

Внутри города взгляду англичан открылись убогие деревянные скверно построенные дома, бедные люди, пустыри, заросшие сорняками и крапивой. Особенно великолепным на фоне окружающих лачуг показалось им «каменное здание на краю города, воздвигнутое казною под канатную и парусную фабрику». Даже многочисленные церкви и монастыри они воспринимали лишь как печальные памятники прошлого величия и благосостояния древнего Новгорода. В Новгороде Кокс оставил разбитую плохими дорогами карету и в кибитке продолжил свой путь в конечный пункт цивилизованности — Петербург.

Кокс описал Новгород по формуле обманчивой роскоши и обманутых ожиданий, предварявшей легенду о «потемкинских деревнях». Созданный им образ города воспроизводит идею контраста между его былым величием и современным состоянием: «Ни один город не производил на меня такого грустного впечатления, как Новгород, — по сравнению с былым величием». В этих словах Кокс выразил искреннее, но довольно поверхностное впечатление человека, который провел в Новгороде несколько дней, если не часов.

То же самое можно сказать и о французском путешественнике Орби де ла Мотре, побывавшем в Новгороде в 1726 году. В своих записках о путешествии по Европе он писал:

Нет ничего более обманчивого, чем вид Новгорода с отдаления в 5—6 верст: его обширность, многочисленность колоколен и башен создают впечатление, что это один из красивейших городов Европы. Однако когда приблизишься на расстояние нескольких сотен шагов, он предстает таким, каков есть в действительности. Тогда видишь его деревянные стены и дома. Въехав в город, находишь, что эти дома скверно построены, а именно: сделаны из бревен, брусьев, грубо уложенных один на другой. Улицы не лучше и в большинстве своем вымощены так же, как улицы двух нижних кварталов Пскова.

В этой связи можно вспомнить слова Д. С. Лихачева: «Первое впечатление от древнего Новгорода разочаровывает: остатки его в новом Новгороде кажутся слишком скромными, незавидными, отчасти простоватыми и молчаливыми. Однако постепенно, по мере ознакомления с древним Новгородом начинаешь понимать его величие, необычайную широту и размах его планировки...»

Как и в предыдущем столетии, самое негативное впечатление на иностранных путешественников производили новгородские дороги. «По отвратительнейшей дороге, мощенной на русский манер бревнами» ехал в Новгород в 1787 году Франсиско де Миранда. «И хотя одна ее сторона была приведена в порядок для проезда императрицы, ехать по ней запрещалось». Эту запасную дорогу между Петербургом и Новгородом, предназначенную для августейших путешест-

венников, в 1839 году видел Астольф де Кюстин, вынужденный ехать по разбитой скотом общей дороге.

Довольно ярко описал свои впечатления о дороге Москва — Новгород — Петербург, которая считалась одной из лучших в России, У. Кокс:

Дорога была устлана бревнами, уложенными поперек и скрепленными по середине и по бокам длинными жердями, прибитыми деревянными гвоздями; на эти стволы набросаны ветви, и все это засыпано песком или землею. Только что исправленная дорога замечательно хороша, но когда бревна подгниют или вдавятся в землю, а песок и землю снесет дождем, то образуются многочисленные ухабы, и легче себе представить, чем описать, какие толчки получает экипаж, подпрыгивая по обнаженным бревнам. Дорога во многих местах представляет непрерывный ряд рытвин и ухабов, каких мне не приходилось видеть на самой плохой мостовой.

В XVIII веке общение европейцев с русскими людьми становится более свободным. Иностранцам уже не запрещают свободно передвигаться по городу, они получают доступ в церкви и монастыри. Поэтому актуальным для них становится вопрос о языке общения. Юст Юль пишет о том, что во время его визита к митрополиту Иову, который сам никакого языка, кроме русского, не знал, он спросил, нет ли кого-нибудь, кто бы говорил по-латыни. Тогда Иов вызвал «монаха, соборного священника, объясняющегося по-латыни весьма плохо, однако понимающего все, что ему на этом языке говорят и вдобавок знающего немного по-немецки, по-гречески и по-еврейски».

Фридрих Берхгольц, камер-юнкер жениха цесаревны Анны Петровны голштинского герцога Фридриха Вильгельма, в своем дневнике пишет о том, что, когда герцог по приглашению новгородского архиепископа Феодосия Яновского посетил Новгород, архиепископ послал к нему в Хутынский монастырь «знатное духовное лицо, хорошо говорившее по-латыни, чтоб занять его высочество; в монастыре, вероятно, не нашлось никого, кто бы знал латинский язык; да и вообще в здешних монастырях таких бывает очень мало».

На эту проблему в свое время обратил внимание Павел Алеппский. Излагая историю Антония Римлянина, он рас-

сказал о том, что, когда он приплыл в Новгород, правитель города (князь) «пришел к Антонию и заговорил с ним, но тот не мог ему отвечать по незнанию русского языка, так как язык жителей Рима франкский или греческий. Знаками он передал им свою историю. Тогда позвали святого Никиту, митрополита этого города. Он пришел, свиделся с Антонием и, не зная его языка, стал молить Бога сделать с ним подобное тому, что сделал св. Василий Великий с праведным Ефремом, и Творец даровал каждому из них знание языка».

Иностранные путешественники XVIII века писали главным образом об увиденном, то есть о современном Новгороде. Исторические экскурсии в их сочинениях довольно редки. Исключение составляет, пожалуй, лишь А. Ф. Бюшинг.

Новгород, ранее Новгород Великий, у скандинавских летописцев Хольмгард, очень древний, большой и знаменитый город по обеим сторонам реки Волхов, вытекающей из Ильмень-озера... Город этот существовал еще до прихода славян на территорию сегодняшней России. В IX веке он был резиденцией варяжского князя Рюрика, и с этого времени в городе были князья, которые, однако, зависели от русских великих князей. В 988 году в городе появился первый епископ. В XII веке Новгород завоевал республиканскую свободу и с 1137 года по своей воле избирал и свергал князей. С 1165 года во главе новгородской церкви стоит архиепископ. Около 1276 года Ганзейские города построили здесь контуру, которая весьма способствовала развитию торговли с Россией. В 1420 году город начал чеканить монеты. Во времена республиканского правления его территория была огромной и охватывала Ингерманландию, Карелию и большую часть нынешней Новгородской и Архангельской губерний. В 1578 году великий князь Иван Васильевич окончательно покорил город. Новгород часто страдал от сильных пожаров, и от его бывшего величия не осталось ничего, кроме старинных стен, собора и огромной территории, которая теперь, однако, включает в себя земельные угодья.

В XVIII столетии в иностранных сочинениях появляются описания новгородской округи, которые порой напоминают пастораль в духе П. Флеминга: «Почва здесь легкая, но весьма плодородна, и единственная необходимая ей обработка заключается во вспашке» (Кук), «окружающая местность очень плодородна и в изобилии дает пшеницу, лен, коноп-

лю, мед и воск» (Брюс) и «изобилует всем, что нужно и человеку, и зверю» (Кук); «здесь нет недостатка в необходимых продуктах питания» (Ранфт). Многие путешественники отмечали, что важную роль в обеспечении населения продуктами питания играет «превосходная рыба, которой в изобилии снабжается рынок по очень умеренной цене» (Брюс). «Берега Волхова населены многими деревнями, крестьяне тут хорошо одеты и хорошо питаются» (Кокс), а дома, в которых они живут, «гораздо просторнее и чище, нежели в других частях России» (Миранда).

Памятники европейской письменности XVIII века запечатлели некоторые курьезы, случившиеся с иностранцами в Новгороде.

Так, известный деятель французской революции Жильбер Ромм, побывавший в Новгороде вместе со своим воспитанником Павлом Строгановым летом 1781 года, оставил в своем дневнике «Путешествие из Петербурга в Москву» краткую запись о некоем сумасбродном англичанине, который в Новгороде на пари попытался пройти между языком колокола и колоколом, когда тот будет звонить:

В Новгороде помнят об одном проявлении английского сумасбродства, которое достойно войти в летописи этого нелепого народа. Один англичанин поспорил на весьма малую сумму, что три раза пройдет между языком колокола и колоколом, когда тот будет звонить. Прошел раз, прошел другой, на третий раз язык колокола раскроил ему голову о колокол. Он проиграл пари и потерял жизнь. Но этот случай, нелепый и трагический, не послужил уроком для других, столь же сумасбродных.

Примечательно, что для якобинца Ромма республиканский Новгород оказался интересен только тем, что представил ему еще одно яркое доказательство неприемлемости всего английского.

Немецкий проповедник и писатель Генрих Теодор Людвиг Шнорр, дополнивший «Похождения барона Мюнхгаузена» новыми эпизодами, один из них связал с Новгородом. Он, в частности, рассказал о том, как по пути из Петербурга в Новгород барон подвергся нападению медведя, но сумел пригвоздить его саблей за лапу к облучку саней. Так вместе

с медведем он и приехал в Новгород, жители которого почему-то праздновали день небесного покровителя Чехии св. Непомука, за которого они приняли медведя. Вырвавшись из саней, зверь устроил «такую кровавую баню, как будто был самим чертом». Поэтому барон не смог остаться в Новгороде и «сразу повернул обратно в Петербург».

В XVIII веке Новгород становится для европейцев объектом научного интереса. Во второй половине столетия в Финляндии была опубликована первая университетская диссертация по истории Новгорода «De Holmgardia». Ее авторами были преподаватели университета Або (Турку) Алгот Скарин и Юхан Бильмарк. Скарин рассматривал историю Новгорода прежде всего в связи с проблемами происхождения Древнерусского государства — Гардарики. Определяя местоположение Гардарики, он писал, что ее владения простирались от Белого моря до островов Даго и Ээель. Для объяснения названия «Гардарики» он предлагал две версии: это — государство, окруженное реками, или пролив, усеянный островами. При этом он отмечал, что смысл названия не вполне ясен, поэтому допускал другие объяснения этого названия.

Изучение истории Новгорода продолжил ученик Скарин Юхан Бильмарк. Древнейших жителей Хольмгардии он считал выходцами из Швеции. Имена конунгов Хольмгардии до Рюрика он заимствовал из древнеётской генеалогии. Историю русских князей от Рюрика до монголо-татарского нашествия Бильмарк излагал, опираясь главным образом на Герберштейна и У. Далина.

Бильмарк считал, что упоминаемый в анналах VI века Новый город (*Nove Urbe*) — это и есть расположенный в Хольмгардии Новгород. Название Новгорода, по его мнению, происходит от готского *Nu gard* (новый двор). Возвышение Новгорода он относил ко времени Рюрика и отмечал, что он долго был резиденцией князей Хольмгардии и «среди прочих городов выделялся большим количеством зданий и удобным расположением на берегах богатого рыбой озера Ильмень». Он писал также, что Новгород «так противостоял несчастьям времени и частым набегам врагов, что среди постоянных невзгод скорее увеличивал свой блеск и мощь, чем терял их».

Работы Скарин и Бильмарка представляли собой первую попытку обобщить сведения скандинавских источников

по истории Новгорода. В целом их выводы соответствовали оценке Новгорода в скандинавской письменности.

В конце 1770-х годов «отец финской истории» Хенрик Габриель Портан составил краткий курс русской истории для студентов Абовского университета. В изложении легенды о призвании варягов, следуя в общем русле норманской теории, он выступил против крайнего норманизма и подверг критике концепцию о длительной зависимости Древнерусского государства от варягов. В приложениях к комментированному изданию «Хроники епископов Турку» он опубликовал текст Ореховецкого договора между Новгородом и Швецией. Портан одним из первых обратил внимание на то, что уже на заре христианства существовали интенсивные культурные связи между финнами и новгородцами. Подтверждением этого служат списки русских слов, сильно напоминающие финские слова с соответствующим значением, которые он приводит в своих работах «История собирания финских святынь» и «О началах финских диалектов».

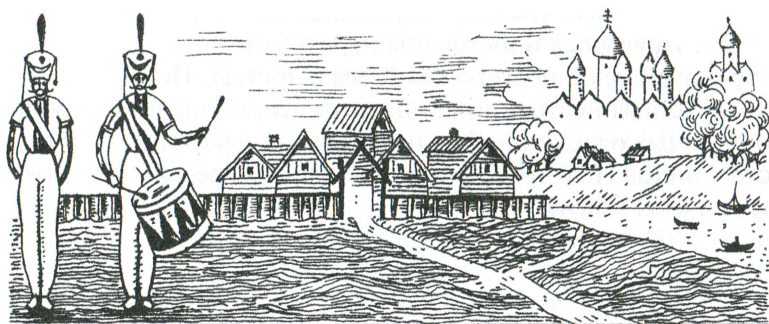
Примерно в это же время историю Новгорода затронул Вольтер. В своей «Истории Российской империи при Петре Великом» (1760) он отметил его особую роль в истории России. Новгород был для Вольтера не столько оплотом демократии, сколько крупным торговым центром. Поэтому он связывал его упадок не с событиями 1478 года, а с неудавшимися попытками Ивана IV наладить на Балтике торговлю с Западом.

К истории Новгородской республики обращался французский историк Пьер-Шарль Левек. В многотомной «Российской истории» (1782) он представил Новгород как своего рода очаг свободы в Древнерусском государстве. С явной симпатией он описал новгородскую демократию и зачатки гражданственности и с сожалением признал что «республиканские устремления» новгородцев, превращавшиеся порой в опасное безначалие, в конечном итоге должны были отойти на второй план перед необходимостью объединиться в единое государство «сильного мужа Ивана III».

Таким образом, памятники европейской письменности XVIII века зафиксировали процесс превращения Великого Новгорода в провинциальный центр Российской империи.

Многие иностранные наблюдатели подчеркивали, что Великий Новгород некогда «считался одним из наиболее могущественных в Европе» (Брюс) и был «несравненно великолепнее нынешнего» (Белл), но теперь этот «город священников» (Кук), в котором «повсюду видны признаки упадка» (Меерман), «помимо своих церквей и монастырей, не имеет большого значения» (Хавен). Наслышанные о былом великолепии Новгорода иностранцы нередко были разочарованы, столкнувшись с новгородской реальностью. Поэтому тема контраста в иностранных сочинениях соседствовала с темой обманутых ожиданий. Тем не менее для некоторых путешественников Новгород по-прежнему был «древен, знаменит и велик» (Георги).

XIX — начало XX века
Тень великого имени

В первой половине XIX века Новгород представлял собой уездный «изрядно разрушенный город» «ганзеатических воспоминаний и православного либерализма» с явными признаками упадка, во многом уступавший другим российским городам. Новгородский губернатор П. И. Сумароков считал, что у этого «печального», «томного» города все осталось в прошлом. Для многих русских путешественников он был «дряхлым разрушающимся прадедом русских городов».

Того же мнения были почти все иностранцы, побывавшие в это время в Новгороде. Так, немецкий писатель Иоганн Готфрид Зейме увидел в Новгороде только тень былого величия:

В Новгороде перед нами открываются только остатки былого великолепия. Огромных размеров замок относится, по-видимому, еще ко времени Ганзы. Издалека кажется, будто город и теперь еще имеет большое значение; внутри же все выглядит пустыми заброшенным. Правда, в церквях нет недостатка, но благоустроенных людных улиц очень мало. Кругом так много обширных пустырей, что жители, пожалуй, могли бы выращивать и хлеб и все свое продовольствие, не выходя за его ворота. Где те времена, когда Новгород заставлял трепетать царей и когда возникла поговорка: «Кто пойдет супротив Господа Бога и Великого Новгорода?»

О «печальных руинах древнего великолепия» «пустынного, унылого и молчаливого» Новгорода, стоящего «между двумя столицами как урок превратности судьбы», писал в своих путевых заметках, построенных как цикл писем к другу, французский литератор Франсуа Ансело:

Первый достойный упоминания город на пути из Петербурга в Москву — знаменитый Новгород. Когда думаешь о его былом величии, когда вспоминаешь старую русскую поговорку «Кто устоит перед богами и великим Новгородом?» — начинаешь испытывать страх, осматривая печальные руины древнего великолепия. Здесь колыбель русской монархии; на этих улицах, сегодня столь малолюдных, некогда блистал военным величием еще дикий двор. Эти разрушенные стены выдержали многочисленные осады, эти шестьдесят церквей, куда сегодня лишь изредка забредают прихожане, некогда едва вмещали толпу верующих, чье благочестие служило их благоденствию. Теперь все пустынно, уныло, и молчаливый Новгород стоит между двумя столицами как урок превратности судьбы!

Английский студент Джон Томас Джеймс, предпринявший в 1813—1814 годах учебно-ознакомительное путешествие по популярному в то время маршруту «северного тура», включавшему Германию, Швецию, Россию и Польшу, отметил в своем дневнике, что величие, политическая и экономическая мощь Новгорода в республиканский период занимают огромное место в истории Русского государства. Однако дух независимости и свободолюбия, некогда присущий жителям этого города, растворился, и современный Новгород уже «мало похож на своего великого предшественника, и ничто не напоминает нынешнему путешественнику о его былом величии».

Тем не менее европейцев влекло в Новгород. Следует также отметить, что в первой половине столетия политические симпатии демократических и либеральных кругов европейской интеллигенции в значительной мере подпитывали их интерес к республиканскому Новгороду, где «была достигнута легальная система и свобода народа», что стало одной из главных причин его могущества и процветания.

Одним из наиболее известных представителей этих кругов была французская писательница и критик Жермена де Сталь.

Она была изгнана Наполеоном из Франции за то, что противопоставляла его милитаризму и диктатуре республиканские идеалы и ценности. Путешествуя по России летом 1812 года во время французского нашествия, она побывала в Москве, Петербурге, увидела Украину и Финляндию. Новгород в этом путешествии был лишь короткой остановкой на пути из Москвы в Петербург. Но именно здесь она задумалась над тем, справедливо ли утверждение о том, что «свобода провозглашена в Европе», и пришла к неутешительному выводу о том, что Европа «принесла не свободу, а деспотизм».

Увиденный ею Новгород, который «шестьсот лет назад был республикой», явил «необыкновенно печальную картину», его жители показались ей «теньями, рыдающими над могильной плитой», под которой была похоронена его независимость. По ее мнению, символом поражения Новгорода в борьбе с самодержавной Москвой был вывоз в Москву вечового колокола, «звон которого призывал граждан на площадь, где они обсуждали свои общие дела. Лишившись свободы, Новгород стал беднеть, его торговля падала, и население уменьшалось». Однако она считала, что новгородцы «сохранили свой гордый дух республиканской независимости».

О былой новгородской вольности как альтернативе абсолютизма в 1835 году писал швед Юхан Бар в своих путевых записках, которые в известной мере восполняют образовавшийся после русско-шведской войны 1808–1809 годов почти пятидесятилетний пробел в издании заметок шведских путешественников о России. Древняя история Новгорода, с которой он познакомился еще до поездки, очень интересовала Бара, поэтому он предвкушал встречу с ней и, приближаясь к городу, досадовал «на то, что у его лошадей, несущихся во весь опор, нет крыльев».

О прошлом Новгорода Бар знал, что он «является одним из древнейших русских городов. Здесь поселились и правили призванные варяги. Его название Новгород, Новый город, происходит от того, что первое славянское поселение было в версте вверх по течению Волхова, там, где они построили большой город Славянск, следы которого остались на месте поселка Старое Городище, который позднее переместился ближе к Ильменю, туда, где он находится теперь».

Легендарный предшественник Новгорода Славенск (Словенск, Славянск) упоминается в «Сказании о Словене и Руссе», представляющем комплекс этногенетических легенд, возводящих этнонимы и топонимы к именам потомков Ноя Словена и Руса, переселившихся на север, где они построили город Великий Словенск, который то приходил в запустение, то возрождался и со временем получил название Новгород. В середине XVII века «Сказание» было признано официальной версией начальной русской истории и включено в Патриарший летописный свод.

В качестве предшественника Новгорода Славенск упоминает также Раупах: «О его происхождении в истории не сохранилось ничего, кроме нескольких древних легенд. Название, которому уже тысяча лет (Новгород или Новый город), указывает на существование более древнего города, который, вероятно, назывался Славенск и чьи руины якобы до сих пор находятся на Городище».

Об отношениях Великого Новгорода с Москвой Бар писал:

Хотя ранее Новгород был на самом деле независимым, он все не оспаривал власть великого князя. Его посланники дружелюбно принимались, налоги безоговорочно платились, в случае войны или какой-либо надобности не было отказа ни в войске, ни в продовольствии. Но, желая противостоять постоянно растущей царской власти, новгородцы сговорились со своими ближайшими соседями — Польшей и Литвой. Иван III решил, что отныне в России будет один государь, которому слепо будут повиноваться все от подножья Урала до берегов Наровы.

«Последние отголоски былой вольницы», по мнению Бара, были уничтожены Иваном Грозным, а «строительство Архангельска стало последним ударом, нанесенным его доколе процветавшей торговле».

Сегодня Новгород всего лишь «*magni nominus umbra*» (тень великого имени). Ярославов двор переделан в конюшню, в которой теперь не ржут кони, а слышно лишь мычание коров. Большой колокол больше не сзывает народ на многолюдное и шумное собрание — вече; теперь под звон церковных колоколов медлительные новгородцы торгуют капустой и морковью. В древние времена, когда они противились и царской, и ханской власти, говорили

они: «Кто против Бога и Великого Новгорода?» А ныне они не могут противостоять даже маленькому городку, лежащему на другом берегу Ильмена, — Старой Руссе, которая все больше узурпирует торговлю льном и солью и оставляет Новгороду возможность торговать лишь капустой и другими овощами...

Ныне население города составляет девять тысяч жителей. Исчезли многие монастыри, ранее лежавшие в городе, теперь сохранились лишь остатки их стен. Та же участь постигла и палаты Марфы Борецкой, где теперь живет и мирно портняжничает крещеный еврей. Единственное, что еще может привлечь взор путешника, — это Софийский собор.

Сожалая о крушении Новгородской республики, Бар восклицает: «Какой резкий контраст могла бы составить эта республика аристократической России, не исчезни она в те далекие времена!»

Причины падения Новгородской республики Бар усматривал в том, что «богатство и торговля сделали новгородцев высокомерными и тщеславными, и их город раскололся на партии». Сплотить новгородцев на борьбу с великим князем Московским, «воспрепятствовать его давлению на город и сохранить его независимость» пыталась «вдова посадника Исака Борецкого Марфа, прозванная посадницей». Бар сравнивает ее со своей соотечественницей — вдовой правителя Швеции Стена Стуре-младшего Кристиной Гюленшерной, которая в 1520 году возглавила оборону Стокгольма от датчан. Как символ республиканского Новгорода Марфа Борецкая упоминается также в путевых заметках Унгерн-Штернберга. Джон Томас Джеймс считает, что она была «последней настоящей героиней, со смертью которой Новгород навсегда лишился своей свободы». Иоганн Коль называет ее мужественной и патриотичной республиканкой, «которая для Новгорода была почти тем же, что и Брут для Рима и Костюшко для Польши».

Коль одним из первых иностранцев написал о восстании военных поселян в Новгородской губернии в 1831 году:

Утро встретило нас ярким солнечным светом в военном поселении под Новгородом. В березовых лесах щебетали скворцы и дрозды, которые здесь на севере так нежно возвещают о приходе весны. Жаворонки летали в ясном небе всюду, и солнце поднимает

лось так тепло кверху, как будто бы хотело покончить с последними остатками зимы. Разве тогда не была весна, когда здесь шесть лет назад бушевало восстание солдат? Когда возмущенные солдаты убили 75 врачей и несколько сотен офицеров, когда они забивали кнутом до смерти женщин и привязали одного из генералов к дереву и упражнялись на нем в стрельбе по мишеням?..

Теперь вулкан давно порос травой, и все счастливо скрыто. Мы видели опрятные деревни воинов-земледельцев, которые мирно пахали поля вдоль дороги и дружелюбно нас приветствовали. Но это приветствие нам отравляла мысль, что при других обстоятельствах они, возможно, стреляли бы в нас. Как часто все-таки ошибаешься в своих ожиданиях! Александр полагал создать в этих военных поселениях надежную опору своего царства, но тем самым, напротив, подложил мину в почву отечества и поджег вулкан, вспышек которого опасаются и теперь.

Следственная комиссия объявила восстание холерным бунтом: умиравшие от холеры поселяне, заподозрив начальство в отравлении нижнего класса, произвели мятеж. Однако причины восстания лежали глубже и были гораздо серьезнее и опаснее, чем найденный членами комиссии «единственный» к тому повод. Начальник поселенного корпуса генерал-лейтенант А. Х. Эйлер сказал приехавшему в Новгород императору, что холера только предлог, настоящая цель бунта — желание освободиться от военного состояния. Оценив ситуацию, Николай I сказал, что «бунт в Новгороде важнее, чем бунт в Литве, ибо последствия могут быть страшные».

Следует отметить, что институт военных поселений, которые в XIX веке считались удивительным чудом, привлекал пристальное внимание европейцев. «Быть в России и не видеть новгородских поселений, не полюбоваться этим гениальным творением великого Аракчеева — значило почти то же самое, что быть в Риме и не видеть папы. Поэтому все почетные гости — иностранные принцы и посланники считали своей обязанностью съездить на Волхов и осмотреть житье-бытье поселенных солдат».

Как отметил автор новейшего исследования по истории военных поселений в России К. М. Ячменихин, иностранные наблюдатели «хотели привлечь внимание общественности Западной Европы к этому своеобразному институту российского самодержавия, способного, по их мнению, значитель-

но увеличить военный потенциал государства. Некоторые из них в разные годы побывали в поселениях кавалерии и составили о них достаточно хвалебные отзывы».

По мнению Т. Н. Кандауровой, создание военных поселений рассматривалось европейцами в первую очередь с точки зрения роста ее военной мощи и желания укрепить свои позиции на континенте. Иностранные правительства и общественность также пытались спрогнозировать внутривнутриполитические последствия этой комплексной реформы, затронувшей многие стороны жизни российского общества.

Иностранные описания относятся преимущественно к военным поселениям юга России (Роберт Лайель, Дрезе-Брезе, де Кюстин, герцог де Мормон, А. Гакстгаузен). Наиболее подробное описание новгородских военных поселений принадлежит перу немецкого религиозного деятеля, писателя-путешественника Фридриха Иоганна Лоренца Мейера (1760—1844). Он родился в Гамбурге в семье виноторговца, в 1778—1784 годах изучал юридические науки в Геттингене, Швейцарии, Италии и Франции. По возвращении в Гамбург работал адвокатом. В 1784 году он стал каноником Гамбургского соборного капитула, а затем был избран его председателем.

Мейер занимался изучением старины и памятников искусства, был автором нескольких работ, написанных в жанре путевых заметок по Италии, Франции, Германии и России. В его заметках о путешествии в Россию специальный раздел посвящен Новгороду. Описание новгородских военных поселений занимает в этом разделе важное место. Мейер посещал их в 1828 году, когда «этот недолговечный военный государственный институт переживал время расцвета», и в 1835 году, когда поселения находились уже в состоянии упадка.

По словам Мейера, «проезжий иностранец не может составить истинное представление о сущности и духе такого важного и значительного государственного учреждения, как мощные военные поселения России». Поэтому его цель состоит в том, чтобы «взвесить все “за” и “против”, отмечая в сторону все несущественное, дополнить результаты собственных наблюдений историческим контекстом» — в общем, представить иностранному читателю основные черты

«этого редкостного, многогранного объекта и дать о нем как можно более полное представление». В целом Мейер дает довольно высокую оценку институту военных поселений:

Учрежденные императором Александром по проекту и под руководством его фаворита графа Аракчеева, эти важные и знаменитые питомники русской военной мощи были так широко распространены, что и сегодня представляется разумным осуществление этого серьезного, грандиозного, широкомасштабного и при этом модифицированного ныне правящим монархом плана.

По его мнению, смысл военных поселений состоит в том, что «государственные крестьяне и солдаты сами заботятся о своем пропитании, занимаясь полевыми работами; молодое поколение занимается военным делом, чтобы состоять в резерве военной службы и быть готовым призываться на нее; из юношей благородного сословия готовят дельных офицеров, в школах более низкого ранга повышают уровень духовной культуры других слоев населения».

Как положительный момент организации поселений Мейер выделяет организацию воспитания и обучения юношества, развитие начального образования в сочетании с профессиональным обучением.

Граф Аракчеев отдал на обучение к лучшим мастерам Санкт-Петербурга сначала солдатских детей, а те, вскоре обучившись ремеслу, стали учить других. Затем в этих отделениях появились судовые мастера для размещенной на озере Ильмень близ Новгорода флотилии. Среди них есть также каменщики, маляры, резчики по камню, механики и т. д. И как превосходно со всем справляются эти ученики, обученные искусствам и ремеслам! Как подмастерье вскоре достигает уровня мастера, так мастер достигает вершин в своей профессии. В этой связи надо сказать еще об одном удивительном явлении: как уже ранее было отмечено: едва ли найдется народ, равный русскому или его превосходящий в своей легкой и быстрой сообразительности, в послушном ожидании того, что ему определено, и в подражании данным ему образцам. Прибывает отряд рекрутов. Это высокие крестьянские парни, разбирающиеся только в земледелии и, может быть, еще в плотницком деле. Пройдемся по их рядам и скажем одному: «ты будешь портным», другому: «ты будешь музыкантом, каменщиком, столяром,

маляром» и т. д., и они — не пройдет и года — действительно станут искусными мастерами своего дела.

По мнению Т. Н. Кандауровой, «изменение культурного ландшафта, культуры хозяйствования и быта, чистота и порядок производили на иностранцев неизгладимое впечатление и не могли не остаться незамеченными».

Мейер также отмечает такой положительный момент введения поселенной системы, как изменение внешнего вида и ландшафта тех местностей, где устраивались поселения.

Усилиями поселенцев были осушены необъятные болота, и эти земли стали пригодны для земледелия, и тем самым в этих местах был улучшен холодный и влажный климат, непригодный для ведения хозяйства... Пожалуй, сегодня этот всеми покинутый человек (Аракчеев. — Г. К.) мог бы от души порадоваться, бросив взор на эту окультуренную землю, ставшую таковой исключительно при его содействии на месте тех болот и лесов; так же как ему было бы радостно видеть, что на месте еще недавно пустых, заболоченных, заросших лесом пустошей теперь тут и там уже радостно колышется хлебная нива — прекрасное свидетельство облагораживания почвы, — и веселые цветочные луга изумляют изобилием трав. Такая благоприобретенная заслуга — пусть даже временная — переживет того, кто сумел заслужить ее своим мужеством и силой.

Мейер считает, что «военные поселения представляют собой лишь малую толику реализации плана создания большого государственного института, специфичного для России», целью которого было уменьшить расходы на постоянную боеспособную армию, облегчить процесс рекрутского набора, поддержать земледелие, иметь боеспособную армию, а также «обеспечить счастливую и беззаботную старость отслуживших защитников Отечества».

Восстание новгородских военных поселян 1831 года Мейер считает прямым следствием эпидемии холеры. С одной стороны, в связи с карантином «в поселениях были введены чрезмерно строгие, можно сказать, драконовские меры, которые, ужесточив и без того строгий порядок, сложившийся с самого начала существования колоний, довели его почти до предела». А с другой стороны, после подавления беспо-

рядков в Петербурге из столицы были выдворены рабочие и поденщики.

Оставленные без средств к существованию, раздраженные и озлобленные правительственными мерами, разделяющие всеобщее мнение, что народ хотят тайно отравить, они потянулись длинной чередой через военные поселения на родину, сея тлеющие искры, из которых разгоралось бушующее пламя...

Этот бунт! Перо выпало бы из руки, которая осмелилась бы изобразить ужасные сцены насилия, следствием которого была гибель многих благородных верных воинов и их семей. Хотя зверства неистовых и ослепленных поселян не имели политической окраски и были направлены только против врачей, офицеров и должностных лиц поселений; все же кровавое восстание совершенно легко могло бы привести к опаснейшим и страшнейшим для всей России последствиям.

После подавления восстания новгородские военные поселения были расформированы, а поселенцы обращены в пахотных солдат.

Мейер оценивает военные поселения как одно из самых масштабных мероприятий внутренней политики Александра I, при этом он не считает их угрозой и вызовом Европе, нарушающим европейское равновесие. В военных поселениях России он видел поиск путей и форм решения собственных проблем.

Беспристрастный, спокойный наблюдатель этой системы не разделит бы надуманных опасений некоторых иноземных провидцев, чья пугливая фантазия с тайным страхом видит в этих военных институтах России рассадник толпы титанов, всегда готовых к штурму небес, а также, пожалуй, воображает, что этот удивительный фантом имеет тайное отношение к тому, что европейский «принцип равновесия» пошатнулся и упрямо закрывает глаза, не желая видеть в этом институте более высокую и благородную силу мудрого, волевого, но в то же время осмотрительно-го и умеренного духа государства.

Сочинение Мейера можно считать самым русофильским из европейских травелогов этого времени, а его новгородские страницы является самым подробным из немецких описаний города в XIX веке. Тон ему задает эпиграф, который он

предпосылает новгородскому разделу своего сочинения. Это цитата из «Писем» Гая Плиния Младшего: «Воздавай почет древности, воздавай его великим деяниям, воздавай даже мифам. Всегда помни, что это та земля, которая дала нам право и законы».

Мейер воспринимал Новгород прежде всего как исконно русский древний город с особой историей, как город русской гипермнезии (гордости древней славой, коллективной исторической памяти социума). Именно в Новгороде, а не в Москве он нашел настоящих русских и смог изучить особенности русского характера, который проявляется здесь «во всей своей самобытности, в первозданном виде».

*Quis contra Deum et magnam Novgorodiam?** Эти судьбоносные слова когда-то выражали дух свободы древнего Великого Новгорода. Этот город с его величественными памятниками военной славы более трех веков назад в глубоком молчании присоединился к прочим обломкам старой Ганзы, которыми полны катакомбы истории. Уже давно покинул этот город республиканский *Genius loci***, увенчанный венком свободы торговли и международных связей. Бесследно исчезла движущая сила самостоятельности, которая влияла на международные отношения, культуру, благосостояние и стимулировала развитие ремесел у других народов. Поблек героизм, с которым новгородцы в течение многих веков с открытым забралом отражали дикие набеги врага и сумели острыми мечами отразить натиск соседей и повернуть вспять их опустошающие орды. Будучи постоянно втянутыми в крупные распри с могущественными князьями и принимая их вызов, или в тяжелой борьбе с опустошительными набегами варваров, их войска с победой возвращались домой или заключали почетный мир, до тех пор, пока молния карающего меча вновь не призывала их к новой борьбе. «Умрем», — это был лозунг сильной республики, даже тогда, когда ее могущество слабело, — «Умрем за Святую Софию и за свободу! Ибо честь дороже жизни!»

Довольно часто... случались опустошительные пожары, которые однажды уничтожили большой квартал города с шестнадцатью церквями и монастырями; иноземные разбойничьи орды брали приступом, грабили, жгли церкви, убивали священников

*Кто осмелится пойти против Бога и Великого Новгорода? (*лат.*)

**Гений места — добрый гений, дух-покровитель (*лат.*).

в алтаре, благочестивых монахов живьем кидали в огонь. Но Новгород подобно Фениксу вновь и вновь возрождался из пепла.

По его мнению, главные черты русского национального характера составляют такие добродетели, как «порядочность, услужливость, спартанская выносливость и добровольный отказ от необходимейших потребностей жизни, мужество, неsgiбаемая выдержка, непоколебимая стойкость».

Еще одной добродетелью русских является веротерпимость, распространенная в широких слоях русского общества «от высокопоставленных лиц до низших слоев населения. Они проявляют ее в отношении всех инаковерующих и к тем, кто не разделяет их взгляды или следует другим обычаям».

Мейер считает, что эти наиболее характерные качества русских «превосходят приписываемые им отрицательные стороны национального характера этого народа».

Он пытается опровергнуть распространенное среди европейцев мнение о присущем русским людям раболепии.

По его словам, многие европейские путешественники принимают за раболепие, которого «мы не нашли ни здесь, ни в столице... любезную предупредительность и услужливость простого русского народа».

Что касается знаменитого русского пьянства, то он пишет, что его «личное мнение на этот предмет противоречит общепринятому, ибо мы ни в рыночной суете в Новгороде, ни в уличной толпе Санкт-Петербурга и Москвы не встречали буйных от пьянства, а встречали лишь так называемых подвыпивших, по-настоящему веселых людей».

Новгород был для Мейера также крупнейшим торговым городом, «побратимом Ганзы и других республик». И наконец, как «старый республиканец», он видел в древнем Новгороде «процветавшее более шести столетий европейское свободное государство» и сожалел об утрате его самостоятельности, которая благотворно влияла «на международные отношения, на культуру, благосостояние и стимулировала развитие ремесел». «Вместе с независимостью исчезли блеск, торговля, благосостояние древнего вольного Новгорода, сократилось его население, и он превратился в неприглядный провинциальный город», промышленность которого

представлена только казенной мануфактурой по производству парусины.

Тем не менее Новгород не утратил своих традиций. Наблюдая за новгородскими ремесленниками, работавшими «искусно, усердно и добросовестно», Мейер сумел увидеть в них творческую жилку, способность к обучению, понятливость и смекалку. По его мнению, благотворное влияние на развитие их творческих способностей оказало отсутствие цеховой организации. «Россия не знает безобразной цеховой организации ремесленников с длинным шлейфом сопровождающих ее злоупотреблений и глупостей, которые терпят другие цивилизованные государства. Чуждые этому ненавистному безобразию, этим невыносимым издевательствам, русские люди посвящают себя свободно выбранному ремеслу, в чем их поддерживают мастера, которым они подражают... Но это — не бездумный рабский инстинкт подражания, а свободный врожденный талант, их собственный, дух, составляющий не подражать мастеру, а стремиться к совершенству, чтобы сравниться с его искусством».

Мейер сравнивает творческий дух и пытливый ум русского народа с глубоким кладезем премудрости, который российский император сможет осветить «светильниками воспитания и образования», что будет способствовать духовному подъему нации и всеобщему благу.

Признаки благотворного влияния «всеобъемлющего творческого духа, царящего в России» на этот «до сей поры не пользующийся вниманием древний почтенный город» Мейер видел в улучшении благоустройства Новгорода. Его взору предстали люди, «занятые строительством и ремонтом домов», дороги и мостовые, «по которым удобно ездить и ходить, не опасаясь, как раньше, сломать себе руку или ногу», «великолепный мост», перестроенный путевой дворец, приведенный в порядок кремлевский парк, «тюрьма, организация и регламент которой считаются образцовыми и гуманными», городская гимназия.

Можно сказать, что многие немецкие путешественники, побывавшие в Новгороде в то время, возлагали определенные надежды на то, что в будущем этот «увенчанный венком свободы торговли и международных связей» город подобно фениксу вновь возродится из пепла, как это уже бывало в его

истории, и сможет развиваться как один из культурных центров империи.

В 1839 году по приглашению императора Николая I в Россию приехал французский литератор маркиз Астольф де Кюстин, отец и дед которого были казнены якобинцами. Приехав в Россию монархистом, он вернулся во Францию сторонником демократии и опубликовал там свою известную книгу «Россия в 1839 году», в которой коснулся больных тем российской действительности. В России и Европе эта книга вызвала самые полярные оценки — от восхищения до ненависти. Споры о ней не утихают и в наше время. Она до сих пор остается одной из самых читаемых книг о России, поскольку наблюдения маркиза были актуальны не только для императорской, но и для советской, и даже постсоветской России, в силу чего до недавнего времени в нашей стране она была запрещена.

Сочинение Кюстина — не пасквиль и не памфлет, а вполне характерный и в известном смысле даже объективный взгляд на Россию со стороны многих европейцев. Даже такой строгий критик Кюстина, как В. Кожин, отметил, что «кюстиновское сочинение местами неожиданно превращается в настоящий панегирик». В известной мере это относится к его новгородским страницам.

Кюстин дважды проезжал через Новгород по дороге из Петербурга в Москву и обратно — в августе и сентябре 1839 года. Проезжая через Великий Новгород в первый раз, он «крепко спал», в связи с чем потом сожалел, что не увидел «ни одной из древних построек этого города, который долго был республикой и стал колыбелью Российской империи», особенно «церкви святой Софии, с которой связана память о самых славных событиях русской истории до разграбления и окончательного порабощения Новгорода Иваном IV, предтечей всех современных тиранов».

На обратном пути в Петербург в сентябре отсутствие лошадей заставило маркиза задержаться в Новгороде, за шесть часов своей вынужденной остановки он смог осмотреть город и побывать в Софийском соборе, где, по его словам, «находятся гробницы Владимира Ярославича, умершего в 1051 году, матери его Анны, одного из константинопольских императоров, а также еще несколько любопытных захоронений».

По всей вероятности, Кюстин небрежно переписал фразу из путеводителя Ж. А. Шницлера «Россия, Польша и Финляндия» (1835) о том, что «в Софийском соборе находятся гробницы Владимира Ярославича, умершего в 1051 году, и Анны, его матери, отцом которой был константинопольский император».

Известно, что матерью новгородского князя Владимира Ярославича была дочь шведского короля Олафа Шёткунунга принцесса Ингигерд. В 1019 году она стала женой Ярослава Мудрого и приняла христианское имя Ирина. Она жила как в Новгороде, так и в Киеве, поэтому местом ее захоронения считают как киевскую, так и новгородскую Софию.

«Повесть временных лет» сообщает о ее кончине, не называя ни имени, ни места: «Преставилась княгиня, жена Ярослава». В Новгородской первой летописи и в описаниях новгородских святых XVII века есть указания на то, что она была захоронена в новгородском Софийском соборе вместе с сыном князем Владимиром. Во всех этих источниках она названа Анной. Под этим именем она вошла в пантеон русских святых, став первой русской святой скандинавского происхождения.

Пытаясь объяснить происхождение нового имени жены Ярослава Мудрого, Н. М. Карамзин предположил, что «Ярославова супруга именовалась в свете Ириною, а перед кончиною постриглась и была названа в монашестве Анною». С тех пор это объяснение утвердилось в официальной историографии и агиографии, а также популярной литературе. Писательница Лариса Васильева в книге «Жены русской короны» пишет, что, завершив «детородную функцию», Ингигерд «погружается в религию» и в 1045 году уезжает в Новгород к старшему сыну Владимиру по случаю закладки храма Святой Софии, где принимает монашеский постриг под именем Анны.

С такой версией можно было бы согласиться, если бы не саркофаг Ярослава Мудрого в киевском Софийском соборе, где до недавнего времени покоились также женские останки. Как показала экспертиза, они принадлежат женщине скандинавского типа в возрасте 45–50 лет, в то время как женщина «северного типа», захороненная с князем Владими-

ром в новгородском Софийском соборе, умерла в возрасте 30—35 лет.

В этой связи В. Л. Янин отметил, что «летописные источники раннего времени не знают жены князя Ярослава Мудрого по имени Анна... Логично предполагать, что она скончалась и похоронена отнюдь не в Новгороде, а в Киеве. Мать Владимира Анна — лицо сугубо мифическое, а приписываемые ей мощи в лучшем случае могли оказаться останками жены Владимира».

Вообще маркиз де Кюстин был «мало расположен осматривать остатки этого города, где зародилась империя славян и нашла себе могилу их свобода». При виде Волхова ему представились «ужасные сцены осады города-республики... как из заваленной мертвецами реки выступали кровавые трупы подданных царя, напоминая об ужасах гражданских войн».

После этого потрясения Новгород Великий так и не оправился; он мог бы восполнить свои потери, но не пережил упряднения демократических установлений; на городских стенах, покрашенных с тем тщанием, с каким русские всюду стремятся под покровом ложного обновления скрыть излишне правдивые следы истории, — стенах этих нет больше пятен крови; они как будто отстроены лишь вчера; но на широких прямолинейных улицах безлюдно, а три четверти старинных развалин разбросаны за пределами тесной крепостной стены и теряются среди окрестных равнин, окончательно разрушаясь вдали от нынешнего города — не более чем тени прежнего, с которым его роднит одно название. Вот и все следы знаменитой средневековой республики. Несколько полустертых воспоминаний о славе, о могуществе — призраки, навсегда ушедшие в небытие...

Ныне Новгород Великий — это более или менее знаменитая гряда камней среди бесплодной на вид равнины, на берегу унылой, узкой и беспокойной реки, похожей на канал для осушения болот. А ведь здесь жили люди, прославленные своею любовью к буйной вольнице; здесь происходили трагические сцены; блестящие судьбы прерывались внезапными катастрофами. От всего этого грохота, крови, вражды остался ныне дремотно скучный гарнизонный город, не любопытный более ни к чему на свете — ни к миру, ни к войне. В России прошлое отделено от настоящего бездною! Уже триста лет как вечевого колокол не созывает более на совет жителей некогда славнейшего и непокорнейшего русского города; по

воле царя в сердцах задушено даже сожаление, стерта даже сама память о его былой славе.

Проявление традиций былой новгородской вольности, «духа подавляемой свободы» (Кокс) Кюстин увидел в волнениях военных поселенцев, после подавления которых «все опять вошло в обычную колею — повсюду воцарились могильная тишь и покой».

С одной стороны, Кюстин противопоставил республиканский Новгород «империи фасадов», а с другой — провел резкую грань между ним и «дремотно скучным гарнизонным городом», где «нашла могилу свобода славян». Поэтому он был «рад... оставить эти места, некогда знаменитые своей разнuzданной вольностью, ныне же опустошенные так называемым порядком, который здесь равнозначен смерти».

Почти одновременно с Кюстином в Новгороде побывал полковник Фридрих Балдуин Гагерн. Он сопровождал племянника Николая I голландского принца Александра Оранского во время его поездки ко двору российского императора. Он не задумывался о республиканском прошлом Новгорода, и, может быть, поэтому город показался ему «очень новым и веселым». Он заметил «старинные зубчатые стены кремля», Софийский собор и «бронзовую дверь, украшенную барельефами и надписями на латинском и древнеславянском языках», а также то, что «церкви, по большей части, красивы и в хорошем состоянии...».

Наиболее подробные и обстоятельные описания Новгорода первой половины XIX века оставили Э. Б. С. Раупах, И. Ф. Унгерн-Штернберг, А. Хаусвольф и Ф. Мейер.

Уроженец Силезии Эрнст Бенъямин Соломон Раупах приехал в Россию в 1807 году и занял в Петербурге место воспитателя в доме директора Липецких минеральных вод Ивана Николаевича Новосильцева. В 1809 году он ездил на минеральные источники и по дороге в Липецк побывал в Новгороде. По всей вероятности, он заранее готовился к встрече с древним городом, в который «спешил войти» вместе с читателем своих путевых заметок.

Новгород обрел свое величие благодаря патриотизму своих жителей, после того как в одиннадцатом веке князь Ярослав Влади-

мирович ограничил права своих наследников настолько, что Новгород превратился в независимое государство. А это обусловило вечную борьбу между правителями и народом, из которых последний тем не менее выходил победителем. Народ по своему усмотрению выбирал и изгонял князя, если тот посягал на его права и привилегии. Все государственные дела открыто обсуждались на народном собрании, проходящем на открытой площади; каждый новгородец выдвигал свой голос, и большинство решало исход дела. На это собрание народ созывали так называемым вечевым колоколом, который висел на той же площади и звонить в который можно было только по приказу посадника.

Когда раздавался звон колокола, все устремлялись на эту площадь; здесь народ принимал законы, выносил приговоры о казни либо о помиловании, выбирал своих представителей, решал вопросы войны и мира. Я говорю народ, имея в виду тех немногих, в чьих руках здесь, как и повсюду, была сосредоточена власть. Этот колокол был силой Новгорода, и Иван Васильевич I не преминул, когда положил конец республике, забрать его и, как лучший из своих трофеев, торжественно доставить в Москву, где тот до сих пор висит на одной из башен Кремля. Связь с Ганзой и торговля со многими государствами, благодаря которой многие новгородцы становились богатыми купцами, стали первой причиной его падения. Нерешительность новгородцев и их вечные раздоры в конце концов зародили справедливые опасения у царя Ивана Васильевича I... То, чего царь не добился честным путем, он достиг, наконец, силой; он разгромил новгородское войско и подчинил его своей власти.

Так же, как и Бар, Раупах задается вопросом о том, что привело к крушению Новгородской республики, и рассматривает как внутренние, так и внешние причины этого. К внутренним причинам он относит «нерешительность новгородцев и их вечные раздоры», которые называет борьбой партий. К внешним — «торговлю со многими государствами» и «опасное соседство» с Польшей и Литвой: «Во время правления Ивана Васильевича II, прозванного тираном, Новгород попытался сбросить ярмо и отдаться в руки поляков, но это привело его к гибели».

Современный Новгород показался Раупаху достаточно привлекательным. Он не был разочарован тем, что увидел здесь, и в его описании не звучит тема контраста и обману-

тых ожиданий. По сравнению с предшественниками Раупах более подробно описал достопримечательности Новгорода:

Новгород был построен на том месте, где Волхов шириной в сотни саженой вытекает из озера Ильмень. Вряд ли можно найти более выгодное и живописное расположение. Вообразите себе картину, которая открывается идущему по мосту пешеходу: с одной стороны необъятное озеро, полное барок и всевозможных парусных судов; с другой — широкая, прекрасная река, которая течет прямо перед вами и скрывается из вида в далекой равнине. Впереди — старинная крепость с башнями, стоящая на крутом холме, позади — другая часть города, которая так же, как почти все старинные города Руси, лежит на возвышенности и называется Торговой стороной, тогда как другая сторона — Софийской. В прежние времена с этого моста сбрасывали в реку преступников. Если бы у Волхова, как у Невы, была набережная, то вид с нее был бы поистине единственным в своем роде. Возможно, что в золотые времена Новгорода на берегу реки и озера стояли роскошные дворцы, хотя бы и в славянском стиле. В сегодняшнем городе из полутора тысяч домов лишь очень немного каменных, почти все построены недавно, и из старинных сооружений едва ли найдется больше шестидесяти, из них половину составляют церкви.

Именно церкви и монастыри, по мнению Раупаха, являются главными достопримечательностями Новгорода, благодаря которым «любитель древности найдет здесь занятие на долгое время». Среди них он особо отмечает собор, «основанный сразу после принятия христианства в России в десятом веке первым епископом Иоакимом». Он пишет о богато декорированных моленных местах Софийского собора — епископском и царском — и отмечает, что их вытертый бархат «свидетельствует о набожности древних правителей». О бронзовых воротах западного фасада новгородской Софии он пишет, что они «были изготовлены в одиннадцатом веке в Константинополе, потом подарены греческим императором». В качестве достопримечательностей Софийского собора он отмечает также «мощи и саркофаги многих святых, которые играли огромную роль в греческих легендах».

Следует отметить, что в XIX веке новгородские мифы, легенды и предания, придающие описаниям Новгорода местный колорит, становятся устойчивыми характеристиками-

стереотипами города, формируют городскую мифологию и со временем занимают прочное место в образе города. Новгородские пророческие легенды-предостережения, посредством которых силы небесные охраняли город от несчастий, равно как и культ местных святых отражали одну из традиционных черт русской религиозности — потребность в небесном покровителе.

В своем сочинении Раупах касается таких сюжетов: он передает пророческую легенду-предостережение, связанную с изображением Христа в центральном куполе Софийского собора*, и кратко излагает «Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесе в Иерусалим», которую ему «рассказал один верующий человек с поучительным выражением лица». Он называет Иоанна Новгородского самым знаменитым из новгородских святых, к могиле которого совершают многочисленные паломничества.

Из современных новгородских иерархов Раупах упоминает похороненного в Софийском соборе новгородского митрополита Гавриила, который «был удален сюда на епископство императором Павлом и ушел из жизни 90-летним стариком, пресытившись и устав от жизни».

Пребывание в Новгороде не только позволило Раупаху испытать «ощущение величия», но и навеяло сентиментальные и философские мысли о смысле жизни и тщетности всего земного.

Находясь среди древних руин на арене былых свершений, испытываешь поистине всеобъемлющее чувство, ощущение величия. Когда я представляю, сколько радости и счастья, сколько горестей и огромных усилий погребено здесь, сколько мудрости и глупости покоится в этой пыли, сколько раз с тех давних пор расточительная природа возобновляла свою игру создания и разрушения,

*Согласно преданию, в центральном куполе Софийского собора на фреске XII века художник изобразил Христа Вседержителя (Пантократора) с Евангелием и благословляющей десницей. При подновлении этого изображения в XVI веке рука Христа всякий раз получалась сжатой. После третьей попытки переписать руку художники услышали глас: «Писари, о писари! Не пишите меня с благословляющей рукой, а пишите с рукой сжатою, потому что в этой руке держу я Великий Новгород, когда эта рука раскроется, тогда Новгороду будет окончание».

то думаю в этот момент — стремись к удовольствию, прежде чем оно исчезнет, и не печалься, ведь и печали пройдут; тогда я начинаю понимать счастье эпикурейских богов, наслаждающихся безмятежностью в своем вечном созерцании. Когда же я смотрю на свою нравственную природу, у меня возникает мысль о человеческом ничтожестве, которое хочет устремить ее к бесконечному падению, и тлен, на котором я стою, становится для меня источником новой жизни.

Почти одновременно с Раупахом в Новгороде побывал остзейский дворянин Иоганн Фридрих Унгерн-Штернберг. Он приехал в Новгород с чувством живого нетерпения, поскольку ему «поскорее хотелось познакомиться с одним из самых древних и наиболее известных городов России — Новгородом». Во время прогулки по городу Унгерн-Штернберг и его спутники были поражены видом обветшалых каменных зданий, пустынных площадей и поросших травой улиц с одиноко стоящими, покосившимися домами и редкими пешеходами. Полуразвалившиеся лавчонки показались им злой насмешкой над прежним торговым величием Новгорода, удар по которому нанесло строительство Петербурга, окончательно лишившее Новгород возможности развития. Осмотр достопримечательностей Новгорода занял всего час, после чего сопровождавший их в прогулке по городу служащий гостиницы «совершенно не знал, что еще показать в городе», и тогда они вернулись к своему «бородатому хозяину и заказали обед из национальных блюд, самым превосходным из которых была рыба».

Убедившись в том, что о сегодняшнем Новгороде можно рассказать совсем немного, Унгерн-Штернберг решил поведать своим читателям о «прежнем Новгороде»:

Согласно Нестору, Новгород был основан примерно в одно время с Киевом в V веке племенем славян, а в IX веке завоеван Рюриком и провозглашен столицей Руси. Два столетия спустя этот город получил от Ярослава Мудрого большие вольности, после чего городом правили только те князья, которых избирали сами новгородцы. Во время их правления город стал настоящей республикой, хотя казалось, что князь правит единолично. В это время Новгород становится важнейшим складочным местом северогерманского торгового союза ганзейских городов, а его богатство,

влияние и территория постоянно увеличиваются. Его владения простирались до границ с Лифляндией и Финляндией, включая Карелию и Ингерманландию.

В таком состоянии — при республиканской независимости и огромной территории — город просуществовал до середины XV века, когда именно эта внутренняя двойственность помогла великому князю Ивану Васильевичу Первому, пусть пока и не полностью, но поработить Новгород.

Марфа, героиня древнего Новгорода, жена посадника, желавшая сохранения новгородских вольностей, вместе со своими сыновьями стояла во главе многочисленной партии готовых действовать республиканцев. Но 30-тысячное войско под предводительством ее сына было полностью разбито русскими, и город должен был покориться великому князю. Большой, или Вечевой, колокол, который находился на рыночной площади и веками созывал народное собрание (вече), должен был быть снят и передан князю. Победитель увез этот символ новгородских вольностей в Москву, где в одной из башен Московского Кремля он как пленник умолк навсегда. Героическая Марфа и многие ее приверженцы были приговорены к пожизненному заключению, и вместе с большим числом самых богатых и влиятельных горожан она была сослана в глубь страны. Несмотря на эту катастрофу, город еще целое столетие продолжал успешно развиваться. Но мнимые и истинные противники Ивана Васильевича Второго навлекли на себя его гнев. Он занял город в 1570 году и учинил кровавую расправу, которая продолжалась 5 недель, каждый день в течение которых стоил тысячи человеческих жизней. Целые улицы города пришли в запустение — и это продолжалось до тех пор, пока в 1610 году, во время правления Лжедмитрия, шведы под предводительством графа де ла Гарди не завоевали город и окончательно разорили его.

Почти полгода прожила в Новгороде Аделаида Элеонора София Хаусвольф. Ее отец майор Ханс Густав Хаусвольф был взят в плен при сдаче Свеаборга в мае 1808 года. Он отказался перейти на русскую службу и был выслан на временное место жительства в Новгород. Аделаиде было разрешено сопровождать его.

Когда Аделаида прощалась со своей подругой Жанеттой фон Тёрне, она обещала, что специально для нее она будет вести дневник. Подруги предпочли бы переписку, но они понимали, что в условиях плена это вряд ли будет возможно. Дневник Аделаида вручила Жанетте по возвращении в Фин-

ландию. В дневнике она описала путь из Хельсинки в Санкт-Петербург, кратковременное пребывание в Петербурге, переезд из Петербурга в Новгород, а также возвращение из Новгорода в Хельсинки через Санкт-Петербург и Выборг.

Особый интерес представляют новгородские страницы дневника Аделаиды. Они позволяют судить о том, как складывались отношения иностранцев и русских на бытовом уровне в неформальной обстановке. В этом плане ее дневник можно сравнить с новгородскими письмами Юхо Кусти Паасикиви, тогда студента Хельсинкского Александровского университета, а в будущем премьер-министра и президента Финляндии.

Аделаиду и Ханса Густава поселили в доме купца Василия Юрьевича Тарасова, мать и дочь которого радушно встретили постояльцев.

Милая старушка и молодая приветливая девушка встретили нас и, проявив гостеприимство и доброжелательность, провели нас в две меблированные комнаты и кухню со многими удобствами. Я полагаю, что эта добрая старушка предоставила бы в наше распоряжение целый дом, будь это в ее власти. Спустя короткое время она принесла нам какую-то сушеную рыбу, которую я никогда прежде не ела, но которая оказалась вкусной, а также вкусный хлеб и вино.

В моей комнате стояла красивая мебель, и мне очень понравились три картины, украшавшие стену. Кровати не было, поэтому мы с горничной спали на полу. Папе достался большой зал, где за ширмой ему была устроена спальня.

Хозяйская дочь, которую Аделаида называет Благой (очевидно, Палага, Пелагея), уже на следующий день решила учить ее русскому языку. Первое русское слово, которое выучила Аделаида, было «хорошо». Таким образом, одной из сторон общения было изучение языка. Это во многом способствовало тому, что, несмотря на то что участники встречи принадлежали не только к различным культурам, но и к различным слоям общества, отношения между ними строились на открытости и взаимной симпатии. Блага показала Аделаиде свои наряды и украшения и через переводчика рассказала о своей семье.

Следует отметить, что тон в обращении с пленными задавал лично губернатор Алексей Васильевич Васильчиков. Уже на следующий день он нанес им визит, справился о том, как с ними обращались в пути, пригласил мужчин на обед и решил им пользоваться своей библиотекой.

В Новгороде Аделаида живо интересуется всем и описывает в своем дневнике то, что ее окружает: городские окрестности, церкви, монастыри, рынок, одежду, кухню, свадьбы, похороны, праздники, маскарады, церковные обряды, положение крестьян, передвижной зверинец.

Во всех городах Русского государства рынок бывает каждую неделю в определенный день. Здесь, в Новгороде, рынок по пятницам. Приходит много деревенских жителей с продуктами питания, которые можно купить за умеренную цену, но прочие цены не такие уж низкие. В глубинке люди приучены жить на небольшие деньги.

Сегодня мне довелось отправиться со старушкой на рынок, который располагается на площади. Я с удивлением увидела, как старушка взяла с собой мешок с изношенными туфлями. Она взяла еще один мешок — с железным хламом, который надо было передать одной домохозяйке, чтобы она продала это на рынке. Крестьяне и беднота покупают подобные вещи. Рынок довольно большой, он состоит из многих лавок с товарами, которые купцы, по русскому обычаю, усердно предлагают прохожим. Я не могла ни с кем поговорить и до глубины души была смущена любопытными взглядами и рассказами обо мне моей спутницы каждому из знакомых, которых она встречала. Это привело к тому, что поход на рынок занял ужасно долгое время. По моим наблюдениям, русские более любопытны, чем шведы, и если я могу судить по тому, что видела до сих пор, то это относится ко всем уездам, через которые я проехала.

Состоятельных людей здесь не видно, только мешане и крестьяне, которые продавали и покупали. Здесь самым причудливым образом смешались драгоценности и безделушки, скверно одетые и грязные простолоудинки и старики, которые круглый год сидят на голой земле; теперь они сидели в глубокой жидкой грязи, потому что площадь не вымощена. Зимой они сидят в снегу на расстеленных ковриках или шкурах, в ряд или кружком, и гомонят. Здесь сидела старуха и продавала плохого качества собольи муфты; там сидел старик с ржавыми железками, тут — баба с настоящим жемчугом; там — с золотом и серебром; рядом с ними — баба с тряп-

ем, рядом с ней — с блинами. Несколько человек продавали кислую капусту; другие сидели с невероятным количеством огурцов и лука, которые являются главным *delice** русских. Там было много возов со всевозможными съедобными товарами.

Осенью отсюда в Петербург отправляют маринованные огурцы, уложенные в бочки; полубочка продается авансом за 2½ рубля. Огурцы лежат в соленой воде, они очень вкусные, вкуснее, чем шведские огурцы в винном уксусе.

Аделаида очень общительна и охотно заводит новые знакомства, несмотря на языковой барьер, который, впрочем, она старается преодолеть и уже через три недели пытается объясняться на русском языке. Тем не менее для живого общения ее запас русских слов еще недостаточен. Об этом свидетельствует запись в дневнике от 26 сентября: «К нам пришла служанка от майорши, живущей напротив нас, и от имени госпожи пригласила меня на кофе... Я беспокоилась о том, как будет проходить беседа... Когда я пришла, хозяйка приняла меня довольно вежливо и сказала несколько слов, которые я не поняла... Я произнесла несколько слов, которые выучила, но они быстро закончились, и беседа велась при помощи движений рук и головы». В начале декабря Аделаида уже говорила с матерью губернатора по-русски. Однако свои успехи в русском языке она оценивала довольно скромно: «Я немного говорю, но не знаю ни одной буквы».

Других шведских пленников, не изучавших русский язык, языковой барьер угнетал еще больше. Поэтому они обратились к главнокомандующему русскими войсками в Финляндии генералу Буксгевдену с просьбой перевести их в Выборг, где им «не придется испытывать недостатка в знании языка», мотивируя это тем, что незнание русского языка затрудняет и делает дороже удовлетворение первейших надобностей».

Со временем круг общения Аделаиды расширяется, она знакомится с женой полицмейстера Ольгой Васильевной, которая ввела ее в известную в Новгороде дворянскую семью Семевских. 30 октября она едет с ними на свой первый в Новгороде бал-маскарад. Вот как она описывает его: «Полонезом в паре со мной губернатор открыл бал. Все были

*Деликатесом (*фр.*).

приветливы. Ко мне относились с явным уважением. Я много танцевала, и мне было очень весело».

С этого времени она часто посещает балы, где охотно знакомится с молодыми женщинами и девушками, которые оказывали ей знаки внимания, и даже составляет список наиболее приятных в общении людей. Одним из них был купец Пучков, которого она описывает как человека, у которого был особый дар веселить общество:

Он умел танцевать всевозможные отечественные и зарубежные танцы, и танцевал легко, как юный кавалер. Он элегантно одевался и распространял вокруг себя запах помады и ароматических масел. Он всегда был приятным и предупредительным. Он мог играть многие роли из лучших французских, немецких и русских пьес. Кроме того, он, по-видимому, порядочный человек и благодетель.

В конце ноября Ханса Густава и Аделаиду перевели на новую квартиру в другом конце города, поскольку с наступлением холодов прежнее жилье показалось им сырым и холодным. Прощаясь с хозяевами и соседями, она сказала, что ей грустно расставаться с ними.

На новой квартире они прожили недолго. 22 декабря им разрешили переехать в Выборг, где они пробыли до конца марта. 9 апреля Аделаида и Ханс Густав приехали в Хельсинки, где узнали, что военный трибунал в феврале 1809 года приговорил всех членов военного совета Свеаборга к смертной казни, поэтому мысль о том, чтобы вернуться в Швецию, пришлось оставить. Свои последние годы Ханс Густав Хаусвольф провел в Хельсинки, где и скончался в 1840 году. Аделаида не оставила отца, не вышла замуж и состарилась в заботах о нем. После его смерти она уехала из Хельсинки в финляндское местечко Лилла Бревик, где умерла в ноябре 1842 года.

Нам почти ничего не известно о ее жизни в Финляндии, но можем предположить, что русский плен был одной из самых ярких страниц ее биографии, несмотря на то что ей было «тягостно жить среди чужих людей без малейшего известия о родственниках и друзьях». Не случайно в конце ее дневника есть такие строки: «Так закончилось мое девятимесячное путешествие в плен, удивительное и полное приключений».

Многих иностранцев, побывавших в Новгороде в первой половине XIX века, можно считать первыми зарубежными туристами, поскольку цель их путешествия состояла в знакомстве с Россией. При этом Новгород был для них лишь промежуточным пунктом на маршруте Петербург — Москва или Москва — Петербург. Появление первых туристов осветило и первые проблемы российского туризма, связанные с внешним видом города, состоянием его благоустройства и достопримечательностей, которые могли «привлечь взор путника», гостиниц и дорог.

Достопримечательностями Новгорода — этого «кивота святыни русской» — были, прежде всего, опоясывающие его монастыри и церкви. Именно на них в первую очередь обращали свое внимание иностранцы. Они писали, что церкви в Новгороде «были в хорошем состоянии», поскольку «из всех видов построек русские больше всего заботятся о церквях». Из храмов они прежде всего отмечали Софийский собор, «великолепие которого поражает» и в котором «есть на что посмотреть».

Англичанин Д. Т. Джеймс, однако, записал в дневнике, что «в городе сохранилось несколько интересных архитектурных и живописных памятников, датируемых XI—XII вв. Они были широко известны, но после поновлений не представляют большого интереса. Все это не вдохновило нас задержаться здесь надолго».

Одной из главных достопримечательностей Новгорода по-прежнему считался Антониев монастырь. Юрьев монастырь иностранные путешественники посещали довольно редко.

Внешний вид города, его архитектуру иностранцы, как правило, оценивали довольно критически. Они видели здесь главным образом безлюдные «неказистые улочки», «убогие хижины», «заброшенные дворы», «грязные полуразвалившиеся мелкие лавчонки», «старинные развалины... теряющиеся среди окрестных равнин». Однако из этого правила были исключения. Так, например, французский математик Абель Буржуа увидел в Новгороде «много улиц, застроенных кирпичными и очень красивыми домами», приятно удивился «красоте архитектуры». Немка Амалия фон Лиман нашла, что Новгород «порядочно велик, хорошо построен, превосходно расположен».

Новгород, где всегда было много паломников и путешественников, изобиловал «трактирами, гостиницами и постоялыми дворами». Поэтому новгородские гостиницы производили довольно неплохое впечатление на иностранцев. «По дороге от Москвы к Петербургу есть две довольно сносных гостиницы; одна — в Твери, другая в Новгороде», — отметил проезжавший через Новгород в 1775 году французский дипломат де Корберон. В 1778 году У. Кокс и его спутники останавливались в Новгороде в небольшой, но хорошо обставленной гостинице «с кроватями, что составляет тут необычайную роскошь, которую с трудом можно найти даже Москве». Посетивший Новгород в 1799 году голландец Йохан Меерман отметил, что «в Новгороде есть довольно хорошая гостиница». В октябре 1808 года Марта Вильмот записала в своем дневнике: «Обедали в Новгороде в очень приятной гостинице, стены которой украшены превосходными английскими гравюрами. Ни одна гостиница в России, на мой взгляд, не может сравниться с этой в удобстве». Даже Астольф де Кюстин, которому многое в России пришлось не по душе, так писал о гостинице при почтовом дворе: «Я пишу вам из дома, который изяществом своим разительно отличается от унылых домишек в окрестных деревнях; это разом почтовая станция и трактир, и здесь почти чисто. Дом похож на жилище какого-нибудь зажиточного помещика, подобные станции, хотя и менее ухоженные, чем в Померании, построены вдоль всей дороги». Шведу Рихарду Экблуму в 1909 году лучшая новгородская гостиница пришлось не по вкусу прежде всего из-за нарушавших его спокойствие клопов, которых он «давил сотнями», однако еду и столовую он похвалил.

Большой проблемой для иностранных путешественников в XIX веке, как и в предшествующие столетия, оставались российские дороги.

Французская художница Элизабет Виже-Лебрэн, ехавшая из Петербурга в Москву в 1800 году, писала: «Проехать по сему тракту даже в сильные холода и то едва возможно, ибо настил из бревен постоянно трясется, давая то же ощущение, что волны на море. Карету мою, ехавшую на полколеса в грязи, толкало и бросало во все стороны, и я в любую минуту могла отдать Богу душу».

Тем не менее, судя по некоторым описаниям, состояние новгородских дорог в XIX веке несколько улучшилось. Так, например, Унгерн-Штернбергу дорога от Новгорода на Москву, во всяком случае до Бронниц, показалась своеобразной, но довольно удобной.

Вся дорога от Новгорода и до следующей станции Бронница — а это расстояние в 35 верст — как пол, выстлана широкими тесаными балками, плотно уложенными и закрепленными перилами по бокам. По ней, почти всегда галопом, с грохотом проносятся превосходные местные почтовые лошади.

Этот отрезок пути значительно лучше типичных московских дорог, которые большей частью выложены гладко тесанными бревнами (а не пнями, которые по рассказам Кокса, затрудняли движение) объемом не толще руки. Они так неплотно прилегают друг к другу, что постоянные щели, возникающие из-за отсутствия или поломанных и сгнивших бревен, служат причиной постоянной тряски, что, пожалуй, могло бы послужить отличным лечением для ипохондриков. Для утешения будущих путешественников скажу, что по обеим сторонам дороги лежат большие запасы таких тесаных бревен, предназначенных для ремонта дорог, из которых, однако, лишь немногие послужат своей цели, потому что гниют уже сейчас — вот как старо это благое намерение!

К счастью, дорога достаточно широка и состоит из двух рядов бревен, лежащих в длину рядом друг с другом, так что, по меньшей мере, хоть одна сторона в случае необходимости (если вторая затонет) будет пригодна для езды. Но тем хуже это для тех, кто в таком месте наткнется на вереницу русских извозчиков, состоящую из более чем сотни лошадей и повозок, которые необходимо пропустить.

Тем не менее он отметил, что «расход древесины при строительстве такого рода дорог, должно быть, чудовишно высок»: 25 000 бревен на версту. Для строительства одной станции такого пути, длиной лишь в 30 верст, необходимо 750 000 бревен, каждое из которых надо менять через 2—3 года. «Существует ли более дорогостоящий и одновременно некачественный способ строительства мостов и дорог? В какое возмущение это должно бы было привести простого немецкого лесовода!»

Даже такой критик российских порядков, как Кюстин, писал о дороге Москва — Петербург, что «стоит привезти в Пе-

тербург английскую коляску хотя бы ради удовольствия прокатиться на настоящих мягких рессорах (рессоры в русских колясках — одно название) по этой знаменитой дороге, которую русские да, я думаю, и иностранцы называют лучшим трактом в Европе. Надо признать, что он содержится в порядке, но вымощен такой твердой породой, что даже щебень образует шероховатости и расшатывает болты, так что один или два болта непременно выпадают, покуда едешь от одной почтовой станции до другой».

Довольно неплохой показалась эта дорога Паасикиви: «Дорога, проложенная из Москвы в Петербург через Новгород, это остаток прежних времен, когда еще не было железной дороги между Петербургом и Москвой и когда все пути сообщения проходили через Новгород. Дорога на протяжении мили ровна, довольно чиста осенью, даже во время слякоти, так как она тверда, как городская улица».

На дороге между Петербургом и Москвой внимание иностранных путешественников привлекал также расположенный в живописном месте среди холмов и озер Валдай, сникший славу «русской Швейцарии».

Вскоре взор путника, утомленный однообразием этих вечных лесов и бескрайних равнин, где ничто не привлекает к себе внимания, с восхищением начинает открывать плодородные поля, озера, холмы и горы. Это русская Швейцария, и в самом деле напоминающая миниатюрный слепок с богатых и живописных кантонов Гельветии. На фоне очаровательного пейзажа, на берегу озера и у подножия холма стоит городок Валдай.

Бар отметил, что «с давних пор Валдай известен также своими колокольчиками». Валдай славился также еще баранками и торгующими ими «податливыми крестьянками» (А. С. Пушкин). О «непотребных ямских девках в известном по распутству селе Валдае» упоминал в своих «Записках» Г. Р. Державин. В «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радишев писал: «Сей городок (Валдай. — Г. К.) достопамятен в рассуждении любовного расположения его жителей, а особливо женщин незамужних. Кто не бывал в Валдаях, кто не знает валдайских баранок и валдайских разруганных девок?»

О веселом нраве валдайских красавиц были наслышаны и иностранцы. Встречу с ними предвкушал пылкий испанец Франсиско Миранда, проезжавший через Валдай в 1787 году:

В одиннадцать часов вечера... приехали в город Валдай, известный красотой и свободными нравами здешних женщин. Меня хотели разместить на почтовом дворе, но дом оказался настолько неприглядным, что я отправился за две версты в городскую гостиницу, которую мне указали две девицы, торговавшие кренделями... Я улегся спать, предвкушая завтрашнюю встречу с местными красавицами.

Утром лил дождь, и ни одна из служительниц Венеры, коими столь славятся эти края, так и не появилась... Было уже девять часов, когда я покинул гостиницу и, проезжая по улицам, видел сих прелестниц, но они не показались мне обольстительными.

О назойливости валдайских торговок баранками писал француз Франсуа Ансело, проезжавший через Валдай в 1826 году:

Стоит путешественнику въехать в город, как неожиданно его опытность оказывается под угрозой. Коляску окружает несметная толпа торговок баранками, Армид в коротких юбках, чья бесстрашная навязчивость не дает чужестранцу ни минуты покоя. Если путешественник остановился здесь на ночь, посягательства возобновляются, ибо эти торговки, большей частью молоденькие и хорошенькие, занимаются не только открытым промыслом, но и тайным, менее невинным и более выгодным. Хозяйки гостиниц, их сообщницы и наперсницы, отворяют им двери, и чтобы сохранить добродетель, путешественник должен призвать на помощь всю свою осторожность.

В 1835 году примерно ту же картину на постоялом дворе Валдая наблюдал швед Юхан Бар:

Путешественнику предстоит ощутить на себе настоящую осаду со стороны прекрасного пола. Завидев повозку, приближающуюся к постоялому двору, со всех сторон туда стайками слетаются торгующие кренделями, так называемыми баранками. Обступив путника со всех сторон, сначала с шумом и смехом они предлагают свой товар, а затем настойчиво навязывают его... Не успел автор выбраться из повозки, как на каждой руке у него оказалось по

связке кренделей... Толпа женщин последовала за ним в комнату, где на столе стоял чай и где автору довелось отведать знаменитой форели. Как вкус форели, так и красота местных женщин не оправдали его ожиданий.

В отличие от него Фридрих Гагерн, проезжая через Валдай в 1839 году, не усмотрел в действиях торговки баранками угрозы своей нравственности, зато отметил красоту валдайских женщин:

Проезжающие русские любят побывать здесь в бане, куда красивейшие окрестные молодые девушки приносят им крендели и баранки. И нам при перезакладке лошадей предлагалось это печенье ласковыми, веселыми и довольно красивыми девушками.

После того как в 1851 году была построена железная дорога Петербург — Москва, иностранные путешественники предпочитали ездить из одной столицы в другую поездом, минуя Новгород. Так, в частности, мимо Новгорода проехали А. Дюма (1858—1859), Т. Готье (1858, 1861) и К. Гамсун (1899). Так, Теофиль Готье писал: «Находя приятной жизнь в Санкт-Петербурге, я, однако, изнывал от желания увидеть настоящую русскую столицу, великий город Москву. Железная дорога облегчала эту задачу». Железная дорога, соединившая Москву с Петербургом, стала основной причиной того, что во второй половине столетия количество иностранных путешественников, побывавших в Новгороде, резко сокращается и практически сходит на нет. Зато в конце XIX — начале XX века в Новгород начинают приезжать студенты и ученые из Северной Европы.

В 1891 году здесь несколько месяцев жил Юхо Паасикиви. С его именем было связано проведение Финляндией внешнеполитической линии, направленной на развитие добрососедских отношений с Советским Союзом, получившей впоследствии название «линии Паасикиви — Кекконена». Несмотря на достаточно критическое отношение к царской России и Советскому Союзу, Паасикиви через всю жизнь пронес интерес к русской культуре, который зародился у него во время обучения в Александровском университете в Хельсинки, где он изучал русский язык и литературу. Рос-

сия была для него «другим миром», духовные ценности которого он хотел понять. Местом своей стажировки он выбрал Новгород, с которого «более тысячи лет тому назад началось нынешнее Российское государство, расположенное большей своей частью на землях финских племен».

В 1891 году Паасикиви ходатайствовал перед консисторией университета о выделении ему денежных средств на поездку в Новгород. Однако его просьба не была удовлетворена. Тогда он взял в долг деньги у купца К. В. Куннаса и в конце весеннего семестра выехал в Новгород. Отсюда он отправил пять репортажей в финскую газету «Uusi Suometar», в которой они были опубликованы во второй половине 1891 года.

Новгородские репортажи Паасикиви представляют новый уровень восприятия Новгорода иностранными наблюдателями. Это было обусловлено тем, что, во-первых, он знал русский язык, а во-вторых, сравнительно долго жил в Новгороде, общался с его жителями. Не случайно один из его репортажей называется «Среди русских». Паасикиви видел Новгород не из экипажа или окна гостиницы, и его знакомство с ним не ограничивалось прогулкой по улицам. Его репортажи — это детальное изображение жизни города.

По всей вероятности, Паасикиви воспринимал Новгород прежде всего как древний центр православия и православной культуры, где «разница между православием и привычной финнам религией особенно заметна». Не случайно его первый репортаж посвящен церковной жизни Новгорода. Паасикиви не претендует на то, чтобы дать ее исчерпывающую картину, поэтому он называет его «О некоторых чертах церковной жизни».

Он отмечает, что «из всех видов построек русские больше всего заботятся о церквях. Драгоценные украшения и стоящие многие сотни тысяч позолоченные купола представляют собой образец русской щедрости в этом отношении... В первую очередь из всех церквей Новгорода заслуживает внимания Софийский собор». По его мнению, перед собором собиралось новгородское вече.

Характерно, что Паасикиви подобно Раупаху пересказывает легенду о сжатой деснице Христа Пантократора, изображенного в центральном куполе Софийского собора, и «Повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бе-

се в Иерусалим». Кроме того, он излагает местное предание о чудесном заступничестве иконы «Богоматерь Знамение» («Битва новгородцев с суздальцами») во время осады Новгорода войсками суздальского князя Андрея Боголюбского в 1170 году.

Паасикиви обращает внимание на культ новгородских святых, останки которых находятся в Софийском соборе: «С ними связано множество историй о чудесах, которые благоговейно рассказывает церковный служака и которые знает каждый верующий в Новгороде... Существует много рассказов о том, как больные исцелились от своих болезней либо проведя ночь в церкви перед святой иконой, либо другим каким-нибудь чудесным способом. На вопрос, не лучше ли молиться дома, чем протискиваться через толпу к раке с мощами, мне ответили: “Он ближе к Богу, чем мы, и Бог послушает его, когда он будет молиться за нас”».

Подобно многим протестантам и лютеранам, Паасикиви относил почитание икон и святых к числу суеверий. Поэтому он отметил, что «подобные рассказы, которые для лютеранина кажутся странными, собраны в книге, называемой “Жития святых”. Правдоподобность этих странных рассказов никто из православных, даже образованный, не ставит под сомнение. Многие молодые женщины, посещавшие восьмиклассную женскую гимназию, уверяли, что верят в них так же безоговорочно, как в Библию». Он пишет, что древнее предание рассказывает также о св. Антонии, «и никто из православных не ставит под сомнение, что упомянутый святой приплыл сюда из Рима за три дня на камне, держа морскую водоросль в руках».

Паасикиви пишет о том, что богослужения в главных городских соборах идут довольно часто — пять раз день. Одновременно службы идут во многих других городских церквях. Поэтому «неудивительно, что из всей общины на них присутствует только какая-нибудь старушка». Русские путешественники, побывавшие в Новгороде, также отмечали, что в обычные дни в часы службы новгородские храмы бывали пусты.

Паасикиви обратил внимание на то, что богослужение в новгородских соборах и церквях идет по «церковнославянским книгам, которые сами русские с трудом понимают. Конечно, в конце концов они дойдут и в самую твердую голову».

По сравнению с финнами новгородцы показались ему, во всяком случае внешне, более религиозными. Проявления их «повсеместно известного религиозного усердия» он усмотрел в том, что «при всяком удобном случае они осеняют себя крестным знамением. Когда гимназист, или чаще гимназистка, идут утром в школу, по дороге они заходят в часовню».

Одним из проявлений религиозного чувства русских людей, по наблюдениям Паасикиви, было паломничество для «творения молитвы»: «Недавно 65-летняя старая женщина совершила паломничество в Тихвинский монастырь, расположенный в 160 километрах от Новгорода. Подобные паломничества нужно, разумеется, проделывать пешком, что представляет собой нелегкую задачу в жаркое время».

В то же время он отмечает, что религиозность русских людей носит поверхностный характер. Заметно их особое пристрастие прежде всего к обрядовой стороне религии — мощам, иконам, лампадам. В этой связи Паасикиви приводит рассказ об учителе местной гимназии, который следил за тем, чтобы в его комнате перед иконами по ночам всегда горела лампада. «Однажды, когда он зажигал ее поздно вечером, лампада сломалась. Служанке пришлось в поздний час отправляться на поиски новой в лавку, которая к тому времени была уже закрыта, потому что учитель сказал ей, что он не может отойти ко сну, не выполнив свой долг христианина». Особый интерес Паасикиви привлекла такая форма русского богослужения, как крестный ход:

Такие крестные ходы проводятся в Новгороде 12 раз в год, либо в честь святых, либо для защиты города от всякого рода напасти, как пожара, голода, чумы и других. Тогда иконы Спасителя, Божьей матери и святых носят по городу, священники облачены в праздничные одежды, присутствует сам новгородский архиерей, певчие поют, и нескончаемый людской поток идет следом. Часто крестные ходы направляются в самые отдаленные места. Например, к Хутынскому монастырю, до которого добрый десяток километров... Недавно было шествие в расположенный неподалеку Антониев монастырь, в котором в этот день проводился праздник, обычно устраиваемый каждый год.

При этом Паасикиви отмечает, что в такие крестные ходы часто «русские... в основном образованные, отправляются

большим обществом, и путешествие проходит довольно приятно, но религиозная сторона остается в тени».

Паасикиви обратил внимание на то, что неизменным атрибутом религиозных праздников в Новгороде были нищие и попрошайки. Сопровождающему его новгородцу он сказал, что в Финляндии не терпят попрошайничества и организуют приюты для нищих. «У нас тоже есть приюты, но в них всех не поместить», — ответил он. На вопрос, не лучше ли было бы построить еще приютов, чем золотить церковные купола, он сухо ответил: «Для нищих делается все возможное».

Паасикиви отметил также, что церковные праздники привлекают внимание «ловких и знающих свое дело карманников... На упомянутый праздник в Антониев монастырь прибывают каждый год хорошо организованные и опытные шайки из Москвы и Петербурга».

Паасикиви пишет, что священнослужителей в России готовят «в так называемых духовных семинариях», и сообщает, что такая семинария есть и в Новгороде, в Антониевом монастыре. «В прошлом году в ней обучалось примерно 360 учащихся, и большая часть из них проживала в большом, напоминающем казарму, здании школы. Часть жила все-таки в городе. Годовая плата за обучение... составляет 60–70 рублей. В семинарию приходят из подготовительной 3–4-летней духовной школы. Курс семинарии продолжается 6 лет. В числе учебных дисциплин, помимо духовных, есть еще латынь и греческий. И, как ни странно, философия. По каким учебникам ее проходят — мне не известно. Древнееврейский язык не изучается. Успешно закончившие курс учащиеся могут поступить в духовную академию в Петербурге».

Конфессиональную тематику Паасикиви продолжает в репортаже «Посещение русского монастыря». В нем он описывает свою поездку в Юрьев монастырь. Сравнивая его с такими известными финнам монастырями, как Валаамский и Коневитский*, он пишет, что «ни своим богатством, ни сво-

*Православные монастыри, основанные русскими монахами в XII и XIV веках на островах в северной части Ладожского озера, которые в то время были ничьей землей между новгородскими и шведскими владениями. В конце XIX века они находились на территории Великого княжества Финляндского.

ей красотой они не могут сравниться с такими монастырями, как Юрьев монастырь недалеко от Новгорода».

Еще до поездки «в одном обществе, в котором было несколько молодых, образованных женщин», Паасикиви рассказали «известную в этих местах историю» о том, что графиня Анна Орлова пожертвовала «все свои богатства — свыше 2 млн. рублей — этому монастырю».

Юрьев монастырь один из самых богатых на Руси. Он находится по южную сторону озера Ильмень. Издали виднеются 9 позолоченных куполов, золочение которых обошлось более чем в 50 000 рублей. Двор хорошо ухожен, также и сами здания, из чего следует, что необходимый уход выполнен, как подобает в жилищах тех, кто, понуждаемый религиозными убеждениями, заточил себя в стены монастыря, навеки оставив мирскую жизнь.

И вот сам монастырь. Первой видна колокольня, в которой около 20—30 колоколов, в каждый из которых для мягкости звука при плавке добавлено серебро. Самый большой из них называется «неопалимая купина» и весит 4200 лиспунтов*. Следующий за ним по весу весит 2800 лиспунтов.

Зайди, к примеру, в главную церковь, оглядись вокруг и удивись! Повсюду богатства, золото и драгоценные камни. Вокруг икон ризы вылиты из чистого золота. Они к тому же увешаны драгоценными камнями. Дорогих камней в монастыре множество, но часть самых ценных унесена на хранение на вершину колокольни, так как когда-то их пытались выкрасть.

В другой церкви монастыря, где в двух мраморных могилах хранятся останки графини Анны и бывшего архимандрита Фотия, есть два столба из чистого белого мрамора. В этой церкви нам показали одно Евангелие, то есть книгу с библейскими рассказами, на обложке которого была овальная из 20—30 драгоценных камней окантовка. В монастыре находится много таких книг в позолоченных серебряных обложках. А также множество других ценных предметов, золотой посуды и т. д. Достоянна также внимания митра архимандрита, украшенная весьма крупными бриллиантами, сбоку которой написано: «Сердечный подарок Святому архимандриту Фотию от его духовной дочери Анны 12 августа 1823 г.»

Помимо недвижимости, которая в золоте, бриллиантах, мраморных столбах лежит далеко в одиночестве на берегу Ильменя, в монастыре есть и другое имущество. Благочестивая графиня Ан-

*Лиспунт (leiwiska) равен 8,5 килограмма.

на не остановилась лишь на украшении монастыря. Почему бы деньги не тратить, когда они имеются. Она положила в банк капитал, проценты с которого ежегодно поступали в Юрьев монастырь. Капитал не мог быть незначительным, так как ежегодно проценты его составляют 50 000 рублей. На эту сумму монастырь и содержится.

В целом Паасикиви оценил Юрьев монастырь больше как памятник культуры, чем как центр православия. Жизнь монахов не показалась ему аскетической. «Как видно, в этом монастыре неплохо живется, — заметил он, — у монахов Юрьева монастыря все готово к обогащению и к беззаботной жизни. Они получают зарплату... и так как они в монастыре ни за что не платят, то не удивительно, что они умирают богатыми людьми».

Школьному образованию Паасикиви посвятил очерк «Народное образование в России». Первичную информацию о системе народного образования в России он получил от учительницы народного училища, «которая несколько лет преподавала в деревенском народном училище в Новгородской губернии, а теперь преподает в маленьком городке этой же губернии».

Она рассказала ему, что учреждения начального образования бывают трех видов: «образцовые» училища, находящиеся в ведении Министерства народного просвещения, «земские», или «сельские», и «церковноприходские».

«Министерские училища» полностью финансирует государство, они размещены в больших роскошных зданиях, и учителя получают хорошую зарплату, они являются государственными чиновниками и при увольнении от должности получают пенсию. Однако таких училищ очень мало, и они расположены лишь в крупных деревнях, например, вблизи больших железнодорожных станций вдоль дороги Петербург — Москва. В деревнях намного больше земских и церковноприходских училищ. В последнее время некоторые земские училища стали закрывать, а вместо них основывают церковноприходские, в которых основное внимание уделяется религии, а все остальное, по словам учительницы, «остается в тени».

Перечисляя предметы, изучаемые в начальных школах, Паасикиви отмечает краеведческий уклон некоторых дис-

циплин: «В географии не идут обычно дальше своего уезда. По понятным причинам невозможно изучить географию своей страны так, как в Финляндии, поскольку лишь это заняло бы около двух лет. Поэтому на уроке проходят только наиболее важное о своем уезде. Учитель рассказывает о реке Волхов, ее притоках, об озере Ильмень».

Учительница также рассказала ему, что в деревнях школу посещает около седьмой части всех детей, поскольку родители неохотно отдают их учиться. Те же, кто все-таки приходит учиться, совершенно не подготовлены к школе, и их обучение приходится начинать с нуля. Одной из проблем сельских школ было детское пьянство («случается, маленький пострел приходит в школу таким пьяным, что его первым делом приходится положить спать»). Самыми лучшими учениками, по словам учительницы, в то время, когда она преподавала в «земском» училище, были чухонские дети, отличавшиеся старательностью.

В Новгороде Паасикиви жил на частной квартире вместе с гимназистами Новгородской мужской гимназии, директором которой был А. Ф. Колоколов. Сам он также бывал в гимназии, свои впечатления от которой описал в очерке «К нам едет инспектор». Он пишет, что «в гимназии царит полный порядок», однако отмечает, что он «поддерживается, как и в армии, главным образом при помощи наказаний». Без отпускных удостоверений гимназистам, «равно как и солдатам, было разрешено пребывать лишь на определенной территории».

Сравнивая финляндские гимназии с гимназией в Новгороде, он пишет, что «на уроках учеников не спрашивают всех подряд, как в Финляндии, а вызывают нескольких, максимум 4–5 человек за один урок, которые обычно, стоя у кафедры, отвечают продолжительное время. Это научило гимназистов приспосабливаться: они высчитывают, когда придет их очередь, и, таким образом, готовятся к урокам примерно раз в неделю». Он отметил также, что в Новгородской гимназии большое внимание уделяется элементарной гимнастике с элементами строевой подготовки, гимназистов обучают также ружейной стрельбе и «военным трюкам».

Визит инспектора Петербургского школьного округа Паасикиви описывает в духе «Ревизора». Директора гимназии,

как и гоголевского градоначальника, звали Антоном, о приезде инспектора он был предупрежден своим петербургским приятелем, так что визит не был неожиданным. Поскольку подобные проверки в Новгородской гимназии не проводились шесть лет и у гимназистов не было опыта участия в подобных мероприятиях, «директор счел нужным сообщить им об инспекторе, о том как он выглядит и пр. Гимназистам также было велено содержать свои квартиры в должном порядке, так как инспектор вряд ли ограничится проверкой только самой школы. Восемиклассники должны были подготовиться к сочинению на тему: “Значение самодержавия в России”».

Его превосходительство прибыл на поезде ночью. Он был энергичным человеком, а потому захотел увидеть деятельность гимназии как во время работы, так и во время отдыха. Отдохнув пару часов, он сразу же начал проверку в 2 часа ночи, отправившись в находившийся на верхнем этаже гимназии интернат, где жило 74 ученика. Там все было найдено в порядке, так как мальчики спали, как и было положено, и учитель, находившийся на дежурстве, был тоже в «надлежащем порядке».

Утром, между шестью и семью часами, директор на всякий случай отправил своего слугу объявить каждому учителю о том, что его превосходительство прибыл. По этой же причине учитель русского языка встал на полтора часа раньше, чем обычно, распорядился сразу же разбудить гимназистов, позвал их к себе и дал необходимые советы.

Вечером инспектор собирался посетить квартиры гимназистов, в первую очередь тех, которые живут у чужих людей, с тем чтобы убедиться в том, «что там нет никаких вредных для молодежи книг и что все так, как и должно быть». В последний момент заместитель директора гимназии вспомнил, что в одной из квартир кроме гимназистов живет еще какой-то финский студент, и «счел нужным сделать так, чтобы инспектор не заметил этого финна, поскольку, по всей видимости, это не было уместным с педагогической точки зрения». Поэтому по просьбе директора гимназии на этот вечер Паасикиви вынужден был удалиться с квартиры.

«Пробыв в городе неделю, в течение которой в его честь было дано пять или шесть обедов, его превосходительство уехал. В местной школьной жизни опять воцарилась при-

вычная тишина, и все пошло своим чередом» — такими словами заключил Паасикиви свой очерк о визите инспектора Петербургского школьного округа в Новгород осенью 1891 года.

Пожалуй, наибольший интерес представляет репортаж Паасикиви «Среди русских», в котором он описывает быт и нравы новгородцев, среди которых он прожил пять месяцев и для общения с которыми ему не нужен был переводчик. За это время он смог понять, что такое русское гостеприимство и чем оно отличается от финского.

Русские — бесспорно гостеприимные люди. Когда в финском доме попросишь что-либо, то, конечно, получишь, но пока медлительный финн раскачается, придется подождать. Русский же спешит исполнить просьбу, и даже когда ты пьешь, он вертится вокруг тебя, как кельнер в ресторане. И он не смущается, заводя беседу с гостем, хотя и видит, что гость — иностранец. Но вот тут-то и сюрприз! Когда платишь финскому крестьянину, он может вернуть половину, говоря, что за это не должно платить так много: «Да вы ничего и не поели». Но дай русскому хоть десять рублей за чай — он возьмет. Раскланяется и скажет: «Дай вам Бог...», — что он уж пожелает, то трудно понять. И когда ты уходишь, он провожает, сняв шапку и повторяя при расставании: «До свидания».

По мнению Паасикиви, заметный отпечаток на формирование русского национального характера наложило крепостное право, следы которого были еще зримы в повседневной жизни: «Если ты встретишься с русским мужиком на дороге и начнешь с ним говорить и если ты хоть сколько-то похож на господина, то мужик снимет шапку. Ясно видны следы того, что еще 30 лет назад крестьяне были крепостными».

Отличительной чертой русских людей было то, что они «могут забывать и печаль, и заботы мира сего». Для этого они «покупают гармонь и водку, идут по деревне, пляшут “русского” и поют». Он отмечает, что «русские поют и на трезвую голову, наверно, даже больше, чем другие. Народные песни и «нехитрые частушки» поют на несколько голосов портные за работой; господа сначала поют романсы, а порой, когда воодушевятся, поют хором «Эй, славяне, еще зазвучит наша песня свободы...». На гимназических праздниках поют гимн

«Боже, Царя храни!..». Песней заканчиваются в России все торжества».

Новгородский «бомонд», по наблюдениям Паасикиви, отличался аполитичностью. Его представители, будучи добропорядочными гражданами, не «умничали» о том, что происходит в Санкт-Петербурге, а «беседовали о засолке грибов и уходе за цыплятами с таким знанием дела, что можно было подумать, что они сами всю жизнь были поварами и выращивали кур. Рассуждения о таких полезных вещах можно, кстати, услышать каждый день. Причиной этого может быть отчасти то, что размышления о них не относятся к запретным».

Застой в общественной жизни Новгорода Паасикиви связывал с тем, что столичные газеты новгородцы почти не выписывают, а местной прессы в Новгороде нет: «По мнению русских, газета — всего лишь ненужная роскошь, которая поэтому попадала мне в руки крайне редко».

В своем очерке Паасикиви рисует яркую картину того, как новгородские обыватели проводили свой досуг:

Кроме песен, музыки и светской беседы самым важным времяпровождением остается игра в карты. «Крест», «винт», «преферанс» и другие игры русским знакомы до оскомины. Только старомодные люди, пожилые дамы и господа, играют в «дурака», известного в Финляндии под названием «парного дурака». Обычно в карты играют на деньги, и от этого удовольствия даже молодые девушки не хотят остаться в стороне.

Очень забавно видеть, как четыре-пять дам умело играют в карты. У каждой во рту папироса, при этом они делают такие глубокие затяжки, которые были бы достойны любого заядлого курильщика. Одна из дам представляет собой типичного игрока: сидит себе со спокойным видом, не волнуется, хотя только что вложила в игру 15 рублей. Другая не настолько хладнокровна: недавно, проиграв 2 рубля, чуть не заплакала. Тем усерднее она снова берется за карты. Карты дрожат в руке, глаза блестят, жаркий румянец покрывает ее лицо от подбородка до корней волос. Третья в очень хорошем расположении духа, поскольку сегодня она выиграла 60 рублей.

Полугодовое пребывание Паасикиви в Новгороде было его первой заграничной поездкой и первым близким знакомством с Россией. Его репортажи из Новгорода свидетельству-

ют о том, что он достаточно критически относился к политической системе Российской империи и жизненному укладу русской провинции.

Тем не менее его отношение к Новгороду было не столь негативным, как у Герцена, считавшего Новгород невыразимо бедным и скучным, лишенным всяких удобств «дрянным городишком», нравы которого «представляют уродливую и отвратительную пародию на петербургские».

Если финны обращали свои взгляды на Новгородские земли в поисках своей прародины, то для шведов Новгород был частью древней скандинавской державы Великой Свитьод (*Stora Svitjod*), расположенной одновременно в Европе и в Азии. Во второй половине XIX столетия норманский вопрос становится в Швеции научной проблемой. Им занимались А. Фрюксель, Г. Гейер, Ф. М. Францен, Х. Йерне, изучавшие его с позиций лингвистики и археологии. Первым ученым, исследовавшим ее с позиций топонимии, был шведский славист Рихард Экблум, искавший в новгородской топонимике следы шведского влияния. С этой целью в 1909–1911 годах он несколько раз приезжал в Новгород. Он считал, что главными доказательствами скандинавского присутствия на Руси могут быть названия с корнями *rus-* и *vareg-*, которые он искал в Новгородской земле.

По словам самого Экблума, он занимался научными изысканиями «на месте, то есть в Новгороде и его окрестностях, на юго-западе Новгородской губернии, в регионах, примыкающих к Санкт-Петербургу и Пскову, а также в библиотеках Санкт-Петербурга и Москвы, где обнаружил сотню топонимов, восходящих к этим двум корням». Чтобы получить информацию о местах, где он не смог побывать, он вел переписку с местными священниками и учителями.

Время от времени я бродил по окрестностям города и записывал местные названия. Иногда сидел у костра, слушал рассказы стариков и ел печенную в золе картошку, как в детстве. А случалось, сидел на берегу Веряжки и представлял себя участником походов, в которые викинги отправлялись тысячу лет назад.

Новгород был не особенно богат развлечениями. Я завел себе несколько добрых друзей, студентов. Мы часто катались на лодке по Волхову и время от времени достигали Ильменя. Иногда посе-

шали старые монастыри... Иногда мы с друзьями ходили на берег реки и помогали тащить баржи. Мы впрягались в канаты и тянули-тянули, в то время как бурлаки пели. По-моему, это было довольно приятно.

Результатом экспедиций Экблума в Новгородский край стало исследование «Русские и варяжские корни в топонимике Новгородской области», в котором он доказывал скандинавское происхождение многих русских географических названий этого региона. При этом местные названия от корня *рус-* он считал доказательством расселения скандинавов на этой территории.

В 1911 году в Новгороде состоялся XV Археологический съезд, в работе которого приняли участие финские и шведские археологи Ю. Айлио, К. Я. Аппельгрэн, К. Сойккелли, Т. Арне, Г. Хальстрём и О. Альмгрэн. По всей вероятности, это был первый опыт научных контактов российских и зарубежных «новгородоведов». Побывав в Новгороде, они убедились в том, что он «дает много интересного для скандинавского исследователя».

Научные контакты, прерванные революцией, репрессиями и «холодной войной», возобновились во второй половине 1950-х годов. В 1956 году в Новгороде побывал финский археолог, секретарь Общества древностей Финляндии Карл Мейнандер. Он назвал Новгород «настоящим Эльдorado для археологов» и предположил, что его будущее связано с развитием туризма. Спустя полвека британский славист Саймон Франклин отметил, что «современный Новгород стал “Меккой европейских археологов”, окном в прошлое России, которое пропускает свет в живую библиотеку потерянных некогда сокровищ».

В XIX — начале XX века Новгород становится для иностранцев лишь «тенью великого имени», «городом между двумя столицами», тем не менее он продолжает привлекать их внимание, с одной стороны, как «колыбель Российской империи» (Ансело, Кюстин), а с другой — ее как республиканский антипод (де Сталь, Бар). Не случайно в истории постреспубликанского Новгорода некоторые из них пытались отыскать «дух подавляемой свободы», увидеть «осколки вечного колокола».

Иностранцы обращают все более пристальное внимание на памятники новгородской архитектуры и живописи, начинают понимать их подлинную красоту и значение, хотя их влияние на представления европейцев о древнерусском искусстве пока еще невелико.

Шведский журналист, писатель и переводчик Вальдемар Ланглет, побывавший в Новгороде в 1898 году, писал:

Я обратил свой пристальный интерес на изучение своеобразных старинных церквей этого древнего города с богатым прошлым. В одной из этих церквей под названием Спас на Нередице, хорошо сохранились фрески, которые считаются самыми древними из произведений христианского искусства во всей Европе. Другие церкви весьма интересны как образцы различных направлений церковной архитектуры, представляющие путь развития русского церковного искусства от его возникновения. Некоторые из них представляют уникальную ценность для истории искусства, как, например, построенный греческими мастерами Софийский собор.

В XIX веке на страницах иностранных сочинений появляются не только исторические личности, но и простые новгородцы, общаясь с которыми иностранцы пытаются выяснить «некоторые интересные обстоятельства, касающиеся местной жизни».

Выявление и изучение комплекса сведений о Великом Новгороде в памятниках европейской письменности XV — начала XX века свидетельствует о наличии постоянного и живого интереса европейцев к его прошлому и настоящему. Их интересовали различные стороны жизни Новгорода. Несмотря на языковой барьер, многие из них были достаточно знающие и наблюдательны, чтобы верно отразить основные этапы и наиболее характерные черты его развития и познакомить с ними европейского читателя. Есть все основания утверждать, что до начала XVIII века европейцы знали о Великом Новгороде больше, чем о любом другом русском городе за исключением Москвы.

Новгород был известен в Европе уже в X веке, но его открытие европейцами произошло только в XV веке, когда начинается накопление сведений о России и распространение информации о ней в европейских странах. В европейской письменности этого периода Великий Новгород зафиксирован «таким, каким он был в лучшее время своей жизни».

В XVI веке знакомство европейцев с Великим Новгородом углубляется. Многие иностранные наблюдатели описывают его как «знаменитейший и богатейший» торговый город — «рынок целой империи», который по размерам и численности населения не уступал крупнейшим городам Европы.

В это время западноевропейские авторы начинают озвучивать тему противостояния Новгорода и Москвы. Восприятие Великого Новгорода (как правило, позитивное) в его противопоставлении Москве становится одним из элементов европейского культурного сознания.

В XVII веке Великий Новгород сохраняет имидж одного из самых крупных и населенных городов Европы, который и «поныне славится торговлей и богатством». В то же время представления европейцев о нем становятся более глубокими, а его образ в европейской письменности становится более зримым и конкретным. Конкретно-исторический пласт информации о нем дополняется историко-философским осмыслением его истории.

Лейтмотивом иностранных описаний Новгорода XVIII века становится обозначившаяся уже в XVII веке тема контраста былого величия и современного состояния города. В пространственно-временных конструкциях европейских наблюдателей Новгород занимает промежуточное положение между варварством и цивилизацией, конечным пунктом которого был Санкт-Петербург. В XVIII веке Санкт-Петербург, «наследовавший Новгороду как космополитический соперник Москвы» (Д. Биллингтон), становится для европейцев «русским намеком на Европу» (С. Черный). Прежде таким «намеком» был Новгород, в судьбе и облике которого угадывалось нечто общее с будущим Петербургом и который издавна был своего рода мостом между двумя мирами. Может быть, именно поэтому в сочинениях иностранцев Санкт-Петербург в отличие от Москвы никогда не противопоставляется Новгороду.

В XIX веке Новгород был для иностранцев лишь «тенью великого имени», однако он продолжал привлекать их внимание как антипод самодержавия. Для либеральной европейской интеллигенции он становится демократической легендой, культурным мифом, ключевыми символами которого были Марфа-посадница и вечевой колокол; осколки этого колокола они пытались «найти» в постреспубликанском Новгороде.

Иностранцы обращают все более пристальное внимание на памятники новгородской архитектуры и живописи. Тем не менее Европа смотрела на Россию через призму своих ценностей, критерии оценки художественной ценности произведений древнерусской живописи в Европе еще не были выработаны, поэтому их влияние на представления европейцев об искусстве древнего Новгорода пока еще было довольно ограниченным.

Проезжавший через Новгород в 1805 году немецкий поэт и эстетик Георг Райнбек сумел разглядеть перспективы его развития как одного из культурных центров страны: «Чем бы только он не мог стать, если бы на него обратили должное внимание! Он бы приобрел некое значение, наряду со все поглощающими Петербургом и Москвой, и была бы определенная польза в том, что в глубинке существует множество процветающих второстепенных и третьестепенных в смысле культуры городов».

В начале XX века Новгород становится объектом научного интереса европейских ученых. Тогда же были заложены основы международного научного сотрудничества в изучении истории и культуры Великого Новгорода, получившие развитие уже в послевоенный период.

В следующем столетии Новгород, которому вернули имя Великий, привлек внимание европейских наблюдателей в связи с выработкой основ новой региональной стратегии (новгородской модели), одной из составляющих которой являлась средневековая история Новгорода. Финский журналист Сами Хюрскюлаhti отметил, что «Новгород дает наглядное представление о путях развития России, помогает понять их», а его немецкий коллега Эрик Фоллат назвал его «городом надежды».

1923

Пер Эмиль Брусевиц — шведский экономист, член социал-демократической партии, автор нескольких книг о Советской России. В 1917—1918 годах работал в шведском консульстве в Москве и Петрограде. В 1920-х годах совершил несколько поездок по Советскому Союзу с деловыми и познавательными целями, в том числе на мотоцикле из Петрограда в Тифлис.

Ранним воскресным утром я продолжил свой путь на юг и посетил богослужение в красивой церкви в Чудове. Два длинноволосых священника, облаченных в золото и серебро, пели и освящали третье таинство русских, которое они несли в золотых чашах над головами. Около двадцати крестьянок подносили своих детей и получали от священников причастие и благословение. В нижней части церкви лежат мощи в открытой раке, по обе стороны которой горят восковые свечи. Церковь полна людей. Молодежь и старики встают на колени или падают ниц во время молитв и песнопений священников.

Жители Чудова состоятельны и вместе с тем религиозны. Церковные налоги устанавливаются и собираются местными властями, после чего население организовывает сбор средств и возмещает их. Таким образом, здешняя церковь не лишается своих богатств. В некоторых других церквях значительные ценности (10—15 пудов серебра и большие количества золота) были конфискованы «в помощь голодающим».

В Чудове деревенская дорога сворачивает в сторону от железной дороги и несколько десятков верст идет прямо на юг. Внезапно, прямо посреди крестьянских угодий, вновь начинается мощенная булыжником дорога. Вдали сверкают золотые купола Новгорода. Одиночный экипаж, более широкий по сравнению с обычными извозчиками, в котором под раскрытым зонтом от солнца сидят две женщины средних лет, одетые по моде 1917 года, является свидетельством того, что старая буржуазия в древнем городе влачит жалкое существование. В центре города — большая площадь с памятником тысячелетию. В городе можно поужинать в кооперативном ресторане под названием «Непо» (в честь новой экономической политики) по доступной цене в 60 эре. После ужина я продолжаю свой путь через двойную городскую стену, через мост, через парк с аттракционами, где в воскресный день молодежь катается на карусели и танцует. Далее прохожу одну или две версты по мощенным булыжником улицам и завершаю мой визит в Новгород.

Печатается по: Brusewitz P. E. Bakom Rysslands järnridå. På motorcykel Petrograd — Tiflis. Stockholm, 1923. S. 20—21. Перевод А. М. Галиновой.

1931

Роберт Байрон — английский писатель-путешественник, журналист. Учился в Итоне и Оксфорде. В целях расширения кругозора и продолжения образования много путешествовал по Греции, Индии, Афганистану, Тибету, Персии, России, Китаю, Египту. Результатом путешествий были книги, в том числе «Сначала Россия, потом Тибет» (1933). В ней он противопоставляет культуру Тибета, которая, по его мнению, не имела точек соприкосновения с европейской, русской культуре, которая была тесно связана с европейской. Его жизнь трагически оборвалась в 1941 году, когда корабль, на котором он плыл, был торпедирован немцами.

На фоне безумия, организованного и действующего полным ходом в большевистской России, ту гостеприимную и спокойную страну, которую описывали довоенные путешественники, теперь уже не узнать. И все же то тут, то там, в местах, избежавших промышленных и политических по-

трясений последних пятнадцати лет, сохраняется романтический дух «Святой России». Одним из таких мест, как мне показалось, является Новгород. Даже для человека, увлеченного традициями Константинополя, романтика этого города не представляется чем-то полностью архаичным, не связанным с настоящим. Ведь цивилизация России происходит из византийских традиций и с учетом условий современного мира большевизм — законное продолжение этого рода.

В семь утра, когда я остался на платформе Новгорода, глядя вслед выпускающему клубы пара поезду, который уходил на Псков, было еще темно и стоял пронизывающий до костей холод. Нам нашли сани, и мы неслись галопом по спящим улицам, подпрыгивая на ямах и ухабах, пока на фоне слабо светлеющего неба не вырисовались выстроенные в темную линию зубцы, обозначившие стену кремля. Впереди показался въезд в виде арки. Не снижая галопа, мы свернули вправо, с грохотом от конских копыт пронеслись через узкий туннель и остановились у бывшего дворца архиепископа, который теперь служил домом отдыха для ученых. Напротив дворца я узнал очертания собора Св. Софии. Внутри нас ожидала освещенная лампой комната с роскошным гарнитуром из карельской березы, выполненным в позднем имперском стиле, — на золоченых ножках, обитым шелковой парчой с узорами в виде белых цветов на малиновом фоне. Туалет оказался чистым, в нем была приготовлена горячая вода, чтобы побриться. Одна из моих коллег уже чистила зубы над раковиной. На завтрак нам подали кофе с молоком и сахаром, черный хлеб типа нашего «Ховис», свежее масло и холодный пирог с капустой. По мере того как за окнами медленно наступал рассвет, мы стали различать свинцовые купола в форме луковиц и центральный позолоченный купол-шлем Софийского собора — неподвижные и молчаливые под завесой мягко падающих снежинок. На фоне кремовых стен собора линия низкорослых лишенных листвы деревьев выступала среди девственно чистого снега с какой-то тонкой четкостью, напоминая остовы прижатых к земле папоротников. И в одиннадцатом веке они, наверное, выглядели так же, как и сейчас, в двадцатом. Мне это напомнило мазки белой краски на строгом архитектурном фоне, которые присущи иконам Новгородской школы. Когда я делил-

ся этим впечатлением с нашим гидом, вошла хозяйка с регистрационными формами. Мой паспорт? Я его оставил дома. Она сделала вид, что неприятно удивлена. Предвидя возможные споры по этому вопросу, я вручил ей мое английское водительское удостоверение и ушел на прогулку, оставив вопрос решаться самим собой, как и получилось.

Город назван Великим Новгородом, чтобы отличать его от выскочки Нижнего Новгорода. В далекие времена эту столицу одного из первых городов-государств почитали настолько, что школьников учили говорить «Господин Великий Новгород». В России осталось сравнительно мало городов, которые восходят к времени до монгольского нашествия тринадцатого века и сохраняют что-то из своего первоначального облика. Среди них главным является Новгород. По своему размеру и очарованию он напоминает такой кафедральный английский город, как Солсбери. Являясь центром большого сельскохозяйственного района, город построен вокруг кремля, а не вокруг территории главного собора. Эту передышку от нервного напряжения, которое мы испытали в Москве и Ленинграде, от этого пугающего политического путешествия, в которое отправился весь народ, и куда этот путь приведет, не может предвидеть ни один из пассажиров, воспоминания об этих двух днях, проведенных в осмотре древнейших русских церквей, воспринимаются как месячный отпуск после года, полного забот. Когда я спросил нашего извозчика, к какой молодежной организации он относится, к комсомольцам (скаутам) или пионерам, и он презрительно ответил: «Ни к какой!», я испытал чувство удовлетворения. Я встретил человека, равнодушно относящегося к своему собственному духовному возрождению, и мир снова стал казаться реальным. Официальные лица, ответственные за сохранение памятников архитектуры и искусства, были, очевидно, рады возможности показать иностранцу, какой научной заботой окружены эти памятники. Иностранцев приезжает так мало — два-три человека в год. Мне было достаточно только сказать, что я хочу увидеть, и все объекты сразу же предоставлялись моему вниманию. Это оказалось приятной переменой после бесконечных ограничений и формальностей, которые так раздражают путешественника во всех других местах.

Сначала я посетил собор Св. Софии, построенный в период между 1045 и 1052 годом в стиле, заимствованном из Константинополя. Однако этот собор больше устремлен ввысь и значительно усилен массивными пилястрами вместо тонких колонн, обычно применяемых греками. Фрески внутри храма были выполнены в следующем столетии, но затем дважды реставрировались, в 1838 и 1893 годах, поэтому от первоначальных росписей остался лишь неяркий фрагмент композиции Константина и Елены. Наиболее известным украшением церкви являются бронзовые ворота, которые предположительно датируются двенадцатым веком. Первая пара створок с узорчатой и очень хорошо отполированной поверхностью напоминает византийские ворота этого периода времени, хотя двойные кресты, поднимающиеся из цветочного базового орнамента, могут указывать на армянское влияние. На других воротах, которые, говорят, были привезены из Херсона, изображена серия рельефов, по своей иконографии и стилю выполненных в немецком духе. На этих створках имеются надписи на латыни. Мое внимание также привлекли стены алтаря, украшенные узорами из цветного камня и фаянса и расположенные в манере *opus alexandrinum**. Было обнаружено несколько встроенных в стены больших глиняных кувшинов, которые предназначались для усиления резонанса церковного пения.

По темной витой лестнице, через анфиладу из семи дверей, запор каждой из которых потребовал значительных усилий, споров и много сожженных свечей, мы проследовали в сокровищницу храма. Там моему вниманию предоставили основные объекты показа, которые специально для этого вынули из стеклянных витрин. Первым экспонатом оказалась украшенная куполом дарохранительница из позолоченного серебра, восемнадцати дюймов высотой без учета креста, который был добавлен в семнадцатом веке. Купол поддерживают шесть черных колонн. Каждая из образованных таким

*Александрийская мозаика получила широкое распространение в Византии в IX веке. В мозаике использовались крохотные геометрической формы кусочки цветного камня, которые с помощью жидкого стекла приклеивались к поверхности, образуя сложные геометрические узоры, усеянные крупными кругами из полудрагоценных камней. — *Прим. перев.*

образом арок закрывается на двустворчатые двери, на которых имеются рельефы двенадцати апостолов. Тонкая работа этих рельефных изображений указывает на прямое влияние византийских художников, так же как и шесть медальонов на куполе. Однако надписи, хотя и сделаны на греческом языке, написаны неграмотно, а филигранные панели над воротами имеют восточное происхождение, очевидно армянское или кавказское. Затем последовала пара массивных ваз из позолоченного серебра высотой примерно десять дюймов, украшенных фигурами и мавританским виноградным орнаментом на более грубом рельефе. По словам хранителя музея, эти вазы являются наиболее ранними сохранившимися образцами чисто русской работы по металлу. Они были сделаны в Новгороде в двенадцатом веке под влиянием греческого искусства. По ободку каждой из ваз идет цитата из Библии, вокруг основы сосудов — легенды, согласно которым одна из ваз принадлежала «Петрову и его жене Варваре», а другая — «Петрову и его жене Марье». Надписи сделаны на славянском языке. Был показан также изящный византийский крест высотой примерно в два дюйма. Крест облицован серебряным золочением в виде шевронного узора. Медальоны на трех перекладинах и в местах их стыков были добавлены в семнадцатом веке, вероятно, вместо прежних, сделанных из эмали. И наконец, была продемонстрирована янтарная шкатулка, выполненная в то же время, в том же стиле, с теми же фризами из розочек и панелями с танцующими купидонами, что и шкатулка из Вероли, которая хранится в музее Южного Кенсингтона. Я уже начал размышлять, не подверглись ли вышеописанные вазы такому же влиянию, когда мое внимание привлек огромный золотой замок с монограммой некоего великого герцога Голштинского. Это великий герцог получил престол благодаря императрице Елизавете, и предполагается, что он вручил ей этот замок на встрече в Финляндии, а она на обратном пути в столицу России оставила его в Новгороде. Поэтому этого экспоната не было в соборе среди других византийских сокровищ до середины восемнадцатого века.

В деревнях вокруг Новгорода разбросано несколько небольших церквей двенадцатого—четырнадцатого веков. По своему стилю и убранству эти церкви более скромны по

сравнению с современными им храмами в районах Киева и Владимира — ведь Новгород был всего лишь купеческой республикой. Однако прямоугольная суровость, преобладание высоты над всеми другими размерами, поверхности массивных стен, пронзенные минимальным количеством окон наименьшего размера, объясняют предназначение этих церквей как аванпостов культуры и цивилизации во враждебном окружении севера и придают им неповторимое очарование и значимость. Наиболее известной из них является церковь Спаса на Нередице, которая была построена в 1198 году и сохранила без реставрации фрески того же времени.

Поэтому я заявил, что обязательно должен съездить в Нередицу, которая находится в пяти верстах от Новгорода. Сани были поданы, но где находится Нередица, мой молодой извозчик не мог сообщить. Нам нашли карту, и с ее помощью мы проделали путь через город, съехали вниз по крутому берегу и оказались на льду большой реки Волхов среди колонии замерзших на отмели колесных пароходов. Холодный колючий, как сталь, воздух погнал лошадей в сильный галоп. Мы скользили по льду, как по треку в Брукленде, согнувшись под накидкой в разные стороны спиной к пурге. Навстречу нам проходили другие, более тяжелые сани, которые тащили с близлежащих деревень трапезиевидные волоки с капустой и соломой. В одном месте через реку проходила линия каменных сорокафутовых опор, вызывающих на фоне снежного ландшафта мрачные и пугающие ассоциации. Оказалось, что это новый железнодорожный мост, — хотя ни железной дороги, ни моста еще не было. На дальнем берегу, на фоне леса на горизонте вырисовывалась группа куполов монастыря, где, как мне сказал возница, когда-то была резиденция графини Орловой. Показалась и сама возвышающаяся на холме церковь, завершенная огромным луковичным куполом. Возле церкви стояла небольшая колокольня с конусообразной кровлей. Мы стремительно преодолели подъем с реки, пересекли поля и оказались в деревне с избами, увешанными рыболовными сетями и сетками для ловли раков. В деревне мы нашли церковного смотрителя, старика с седой бородой, который сообщил, что он с другими жителями Нередицы живет, как и англичане, на острове. Внутри церкви

леса вели прямо в купол. Если это и мешало получить полную картину архитектурного облика, все же посетитель при этом имел возможность, по крайней мере, осматривать с близкого расстояния этот наиболее знаменитый цикл древних русских фресок настолько полно и удобно, насколько позволял холод. Это оказалось приятной переменной по сравнению с посещением монастырей в Афоне, где я привык, задрвав голову, часами исследовать объекты показа. По своему характеру живопись напоминала росписи «популярной» школы, которая применялась в Леванте* и Южной Италии до тринадцатого столетия. Было необычно размышлять, что эти фрески и я, рассматривающий их, так сказать, через призму Леванта, находились на расстоянии всего лишь чуть больше сотни миль от Финского залива.

В тот вечер мы с моим гидом пошли на прием, где посмотрели танец крестьянской девушки со своим парнем, послушали выступление флейтиста и приняли участие в идеологической беседе, в ходе которой один профессор с забавной внешностью вызвал всеобщий смех, заявив, что наука не имеет ничего общего с политикой. На следующий день мы запланировали более длительную экскурсию. Когда наступило утро, в сани вместо прежней серой лошади была впряжена темно-коричневая кобыла. Оказалось, что это новое приобретение хозяйки, которая сильно суетилась и, причитая: «Принцесса! Принцесса!», гладила животное по носу, а также давала наставления вознице, на этот раз взрослому мужчине, чтобы он берег лошадь. Хотя действительно кобыла оправдала весь этот ажиотаж вокруг нее. По улицам она шла рысью не хуже, чем прежняя лошадь — галопом, и наши сани постоянно обгоняли другие повозки, заставляя прохожих останавливаться и обращать на нас внимание. Нашей первой остановкой был Антониев монастырь, где шла служба, которую вел очень старый священник в золоченой ризе. Горели свечи, в церкви присутствовало примерно 10 прихожан. Старый священник проковывлял за иконостас и вернулся с ключами от более старой церкви, где все еще сохранилось несколько фрагментов неинтересной живописи. Оттуда мы снова отправились в путь и неслись галопом по дороге, которую окру-

*Левант — Восточное Средиземноморье. — *Прим. перев.*

жали сугробы, нанесенные порывами полярного ветра, пока не прибыли в деревню Волотово.

Я по-прежнему стремился найти новые церковные росписи, и поэтому первым делом мы решили найти церковного зрителя. Нам сказали, что он живет в крайней избе деревни. Однако мы направились не в том направлении, и нам пришлось возвращаться назад по широкой улице между двумя рядами деревянных домов, по одну сторону каждого из которых стояла соломенная скирда для защиты от преобладающего ветра. Во всех приусадебных участках стояли высокие столбы со скворечниками наверху. В нужном нам доме были только две женщины. Хотя они и были заняты работой по дому, изумившись неожиданному появлению иностранца, женщины радушно пригласили нас зайти. Мы вошли в дом через деревянные сени и были усажены на кухне-гостиной. В одном углу комнаты у окна горела лампа, освещающая группу икон. У плиты, где одна из женщин продолжала печь пирожки с мясом, на крюках висело в ряд несколько тяжелых тулупов. Пока другая женщина искала ключи, я рассмотрел прядильный аппарат, украшенный розочками и приводимый в равномерное движение ногой. Когда все было готово, женщина села в сани, и мы отправились в церковь, узкая дорожка к которой, кладбище в окружении деревьев напомнили мне об Англии. Внутри снова оказались леса, что я воспринял с сожалением, поскольку в отличие от Нередицы здесь по-прежнему проходили службы. Воспользовавшись лесами, я испытал еще большее огорчение, потому что, находясь на самой верхотуре, внутри барабана купола, на высоте семидесяти футов от каменного пола, и дрожа от холода, я вдруг почувствовал, что вся конструкция церкви начала раскачиваться. Я начал быстро спускаться вниз, но не достиг еще и полпути вниз, как послышался вначале какой-то странный и непонятный гул. Вначале он был отдаленным, а затем постепенно начал приближаться и становиться громче, а когда я, наконец, спустился вниз, прямо над головой прогремел оглушающий рев. Я стремглав выбежал наружу и посмотрел вверх. Со свинцового неба устремились вниз четыре аэроплана, окрашенных в темно-зеленый военный цвет, с красной звездой на каждом крыле. Они пронеслись так низко, что я смог разглядеть пилотов. В один миг они уже были да-

леко, паря над плоской равниной за деревней и снова уходя в небеса. Я повернулся к этой деревенской церкви, построенной 580 лет назад, посмотрел на темные ели, раскачивающиеся на ветру, на ряды крестов, которые были достойны того, чтобы побудить какого-нибудь русского Дориана Грея написать новую элегию. Я снова проследил взглядом за вооруженной мощью Советского Союза, которая постепенно превратилась в четыре пятнышка и исчезла. Старая и новая Россия, меняющаяся и неизменная... Среди молчаливых деревьев снова начал падать снег, увеличивая сугробы среди могил.

В самом городе Новгороде есть несколько церквушек четырнадцатого века, из которых церкви Федора Стратилата и Спаса Преображения вызвали у меня особый интерес. Архитектура этих двух храмов представляет собой удивительное слияние греческих и немецких традиций. При том, что обе церкви являются квадратными в плане и имеют обращенную к востоку византийскую апсиду, их фасады имеют трехлопастное завершение, на котором держатся своды двускатной крыши, как в западных храмах. С другой стороны, от середины крыши на пересечении ее четырех коньков поднимается византийский купол. В интерьере церковью сохранены в неизменном состоянии своды и арки греческого типа.

В церковь Федора Стратилата я получил доступ без проблем и смог изучать ее фрески без каких-либо неудобств. Однако в церкви Спаса Преображения я неожиданно встретил отпор. Убедившись, что дверь не заперта, я открыл ее и уже собирался войти в неф, когда товарищ женского пола с ярко-красным беретом на голове подскочила, как тигрица из своей берлоги, и захлопнула дверь перед моим носом. Через минуту-две я сделал новую попытку. И опять ко мне бросилась эта менада. Однако на этот раз я уже стоял на пороге, и ей ничего не оставалось делать, как стоять передо мной, высыпая поток слов и брюзжа. Я же в это время рассматривал ее луковичеобразное непривлекательное лицо и думал, но не о том, что в России официально разрешен аборт, а о том, что для него может и не появиться повода. Наконец, убедившись, что я сильнее и уже постепенно протискиваюсь вовнутрь, женщина вызвала помощь, и к ней присоединился бородатый

Магог, чей дополнительный вес чуть не сломал мне бедро и вынудил меня отступить. К этому времени я уже тоже был в ярости, поскольку хотел увидеть настенную живопись этой церкви больше всех остальных. Вскочив в сани, я помчался в офис Комитета по музеям, чтобы выразить протест. С искренним сожалением там мне сообщили, что данная церковь является единственной в этом районе вне их юрисдикции. Ее реставрация ведется по прямым распоряжениям из Москвы. Поэтому они не в силах мне помочь. Несмотря на их вежливость, прошло еще некоторое время, пока у меня полностью не улеглась тошнота от соприкосновения с таким ужасным видом человеческой породы.

Позднее окольным путем я выяснил, дав обещание не открывать имя информатора, что «реставрационная» работа, которую тогда проводила менада со своим товарищем, состояла в том, чтобы сдирать золото с иконостаса или алтарной ширмы. Поэтому они и не хотели впускать иностранца. Насколько оправдано было это нежелание, выяснилось через полгода. Если планируется отреставрировать и сохранить церковь в основном из-за ее фресок, то действительно будет наиболее целесообразно разобрать ее иконостас. В том случае дело обстояло именно так, поскольку православный алтарь-ширма, будучи очень высоким, обязательно препятствует обзору многих наиболее важных композиций православной иконографии. Однако случилось так, что в порядке рассказа о моем путешествии, а не по каким-либо другим причинам я поделился впечатлениями об этом приключении и его причинах со многими соотечественниками. Поэтому представьте мое удивление, когда следующей осенью я встретил на охоте приятеля, только что вернувшегося с дипломатической службы в Каире. Он мне сказал, что последнее, что он слышал обо мне, был мой «отчет о все продолжающемся осквернении церковей в Новгородском регионе». Тогда я и понял, какие инструкции получила та менада и почему любого иностранца независимого толка, находящегося в России, рассматривают в качестве потенциального агента капиталистической пропаганды.

Счет за проживание нас двоих в Митрополичьих покоях составил за двое суток 225 рублей. Из этой суммы питание стоило 80 рублей, лошади — семьдесят и «организация об-

служивания» — двадцать пять. Мы только что отказались от уплаты последнего пункта расходов, а хозяйка в знак примирения открыла нам консервированную осетрину, когда прибежал мужчина и сообщил, что наш поезд отходит через двадцать минут, на час раньше, чем он думал. Нас ожидало двое саней. С Принцессой в упряжи мы снова понеслись галопом по темным улицам. Следом неслась серая лошадь с нашим багажом в санях, а прохожие при виде этой кавалькады бросались врассыпную, как будто наступил Апокалипсис. Когда поезд, оставляя за собой клубы дыма, отходил от станции, мне подумалось, как и думается сейчас, что из всех мест в России, которые я всегда буду хотеть увидеть еще раз, главным является Великий Новгород.

*Печатается по: Byron R. First Russia then Tibet. Edinburgh, 1933.
P. 90–100. Перевод Е. Н. Козлова.*

1950

Мэри Ноэль Келли — жена посла Великобритании в СССР в 1949–1953 годах Дэвида Виктора Келли. В 1950 году, получив разрешение Министерства иностранных дел, посетила Астрахань, Киев, Одессу, Ленинград и Новгород. Свои впечатления от поездки она описала в книге «Mirror to Russia», изданной в Лондоне в 1952 году. Новгороду в ней посвящена отдельная глава. Она интересна прежде всего тем, что является первым после почти двадцатилетнего перерыва иностранным описанием Новгорода.

Передо мной стояла очень высокая лестница, вертикально уходящая ввысь под слабо освещенный купол храма. Ее отдельные перекладки отсутствовали, но это был единственный путь наверх.

Сама церковь, как внутри, так и снаружи, вся была в лесах. Набравшись храбрости и держась обеими руками за перекладки, я начала свое восхождение, стараясь поближе подобраться к старцам кисти Феофана Грека. Репродукции этих фресок занимают видное место в каждом пособии по древнерусскому искусству. Фрески кисти Феофана Грека, насколько нам известно, достаточно редки, а его иконы можно пересчитать по пальцам одной руки.

Когда я все-таки, несмотря на головокружение, достигла верха этого ужасного деревянного монстра, готовая к встрече с фресками, меня внезапно охватило благоговение: я увидела этих грозных старцев. Ной, Мельхиседек, Макарий Египетский и Святой Акарий*, сходные по высоте и размеру. Они смотрели на меня окаменевшим взглядом со стен, оттуда, где их оставил Феофан Грек шесть веков назад. Некоторые возвышаются на своих столпах с белыми бородами, струящимися подобно рекам, — безжалостные бескомпромиссные судьи. Художник, вероятно, имел в себе нечто от святого, иначе как бы он мог выразить дух аскетизма, не прочувствовав его сам. Он нарисовал старцев энергичными размашистыми и быстрыми мазками, используя оттенки терракоты, охру и «движки» белильных мазков, выделяя морщины вокруг круглых глаз, рта и носа, акцентируя складки драпировок, бороды и волос и высветляя их. Это так называемый метод «оживок». Гений Феофана Грека состоит в смелой энергичной и одновременно легкой манере письма. Фон его фресок строг и благороден, выдержан в серебре, а также в фиолетовых и синих тонах. Одежды святых — бледно-желтых и серых тонов.

Света было мало, и я с трудом узнала Адама, Авеля, Илью, Иоанна Предтечу на барабане купола. Я затрепетала при мысли о том, что здесь творил великий мастер такой яркой индивидуальности. Он принес с собой через степи в 1370-х годах послание: «Мир ужасен». И кистью написал ту самую истину, которую фигуры так настойчиво пророчествуют со своих колонн.

На острове Торцелло, близ Венеции, есть мозаичное изображение византийской Богородицы, лик которой возвышается над складками своего темного плаща, одинокая и далекая фигура в куполе собора. Та же атмосфера отчужденности и у фресок в Новгороде, только больше дикости, свирепости и суровости во взгляде. Впечатление тем более поразительно, что я была всего в нескольких ярдах от фресок, практически у их ног. То же выражение библейского презрения — или это была все-таки жалость? — к делам нашего брэнного мира читалось и у святых церкви Спаса на Ильине улице, и в лике Богоматери в Торцелло.

*Правильно: Акакий. — *Прим. перев.*

Новгород стоил тех скучных часов, проведенных в ленинградском поезде, который полз сквозь бесконечные хвойные леса, чья глубина подчеркивалась белоснежными, будто обернутыми пергаментом стволами берез. Современный Новгород — тихий уголок. Мы остановились в новом отеле, в котором около сорока номеров, очень чистом, построенном после войны, с красивым видом на Волхов и собор. Следуя в памяти за быстрой тройкой Роберта Байрона, описанной в его книге «Сначала Россия, затем Тибет», наш первый вопрос был о том, можем ли мы посетить церковь Спаса на Нередице с фресками XII века, которую в 1931 году посетил Байрон. Он приехал туда в середине зимы, и фотография этой церкви, жемчужины под снегом в тени огромного дерева, как мне показалось, самая красивая в книге. Как хотелось туда сходить. Нам сказали, что это невозможно. Нет дороги в это время года. Вопрос о том, чтобы пройти пять миль, был оставлен сразу, и, кроме того, церковь разрушена немцами.

Днем, стоя над водами Волхова, мы смотрели на тихие поля вокруг нас и заметили вдалеке ужасный сарай, под которым скрыта церковь: бедную Нередицу медленно начинали восстанавливать. В той же стороне, окруженный стенами со всех сторон, как и кремль, возвышался Юрьев монастырь с ободранными луковицами куполов на соборе. Сохранился только их железный остов. Из золотых пластин, покрывавших купола, немцы во время войны делали портсигары.

Мы с интересом осмотрели здание, принадлежавшее графине Анне Орловой, которая владела 60 тысячами крепостных душ. Она находилась под большим влиянием своего духовного наставника — святого Фотия (его изображение мы можем видеть в новгородском музее; он изображен с большим нимбом, который он сам заказал написать в надежде быть канонизированным!). Другой танталовой пыткой была невозможность посетить Юрьев монастырь. Хотя к нему вела дорога и он был расположен всего в пяти милях от Новгорода, нельзя было посетить этот крупный архитектурный ансамбль без специального разрешения из Москвы, с тех пор как он перестал быть «под контролем» местных властей.

К счастью, Антониев монастырь, окинутый Байроном только мимолетным взглядом, был открыт для посещения.

Байрон прослушал здесь службу и объявил фрески «плохими». С тех пор как он осмотрел монастырь, в церкви XII века были прекращены богослужения и голубой иконостас частично разобран. Но на колоннах и на арке правой стороны апсиды под слоем «плохой» живописи была обнаружена более древняя и расчищена три-четыре года назад. Изображения святых XII века в блеклых тонах коричневого, зеленого и голубого цветов хорошо видны. Куратор объяснил, что эти святые с закрытыми глазами были написаны местными художниками, потому что они выполнены без подсвета белильными мазками. Наиболее интересна фигура юноши, нашедшего голову Иоанна Крестителя. Монастырь был основан Антонием, который по легенде приплыл из Рима на каменной плите. Он построил богатую церковь, к которой в XVII веке были пристроены трехкупольный собор и ризница. В башне, где монахи хранили свои сокровища и откуда они следили за порядком в своих владениях, на стене лестницы было обнаружено маленькое изображение высотой всего в фут. На нем изображен новгородский мастер Петр, который построил собор. Он сгорблен от своих трудов, но смотрит на нас живым и озорным взглядом, его волосы подстрижены в кружок. Интересен тот факт, что одет он в короткую тунику и трико, как на средневековых полотнах и на изображениях в первых печатных книгах на Западе, а не в традиционные русские рубаху и порты.

Гуляя по пустынным улицам, которые так же петляют, как и в Средневековье, и резко обрываются на окраине, трудно представить себе, что ныне сонный Новгород размером с очень небольшой английский городок — самый древний и в то же время один из важнейших торговых центров Древней Руси и к тому же — европейский город. Славянское население этого великого города на торговом пути с севера в Византию и на Черное море пригласило легендарного скандинавского Рюрика быть их князем. Варяжская династия, основателем которой и стал Рюрик, построила богатую торговую империю сначала в Новгороде, а затем и в Киеве, «Втором Константинополе». Когда же Киев был захвачен и разорен татаро-монголами в 1240 году, Новгород сохранил свое право на независимость до конца XIV века, когда был подчинен Ивану III.

Величие Новгорода закончилось век спустя. Иван Грозный, в одном из припадков острой подозрительности, разрушил 5 или 6 тысяч домов в городе, а то, что осталось, было захвачено шведами в 1611 году. Уже не было Александра Невского, который в 1240 году отбросил шведов с берегов Невы и на Чудском озере разгромил тевтонцев на льду, дважды защитив Новгород.

В дни своего расцвета Новгород был средневековой купеческой республикой, равной Любеку, Генуе или Антверпену. Это было место встречи купцов всех стран от севера до юга и от запада до востока. Рядом с церковью Святого Петра находился Немецкий двор, а у церкви Святого Олафа — Скандинавский двор. Здесь жили и арабы, и персы, об этом говорят найденные арабские и персидские монеты. Конечно же, сюда приезжали и греки. И нет ничего неправдоподобного в сцене из оперы «Садко», в которой индийский гость поет свою известную лирическую арию. Я использовала слово «республика» намеренно, так как термин «монархия» введет нас в заблуждение относительно компромисса, заключенного между князем и дружиной, с одной стороны, и купцами Новгорода — с другой. Горожане сами приглашали князя. Функции его сводились к руководству дружиной во время войн, и, если князь не был сильной личностью, все дела решало вече. Это было народное собрание, проходившее в торговом центре города на правом берегу реки в своем собственном здании и созывавшее всех звоном вечевого колокола.

Кочевые племена славян первыми заселили эти земли; род был их основной единицей. Главы родов — столько, сколько могло их собраться вместе, — сформировали вече и выбирали посадника руководить городом. Женщина-посадница Марфа Борецкая была вынуждена подчиниться Ивану III после неудачной попытки передать Новгород под покровительство польского короля Казимира IV.

Площадь вокруг Никольского собора была вечевого площадью. Во время археологических раскопок на глубине нескольких футов была обнаружена площадка, около 300 квадратных ярдов, которая была усеяна черепами животных. Сколько культурных слоев нужно было раскопать, чтобы добраться до этого странного пола!

Мы приехали в Новгород поздно вечером июньским воскресеньем и были страшно рады возможности посетить Софийский собор впервые в то время, когда город был тих и спокоен. Тонкий слой пыли скрывал левый берег реки, а на правом берегу четко выделялась прямая линия красных кремлевских стен, возвышавшихся над рекой. Наступило время этих изумительных северных белых ночей. Большая оранжевая луна освещала золотой купол собора и играла на реке зелеными искрами. Природа и архитектура удивительно гармонировали с нежным опалом неба позади собора. Этот ландшафт звал к кисти художника, но одновременно казалось почти невозможным его передать. Достаточно трудный, чтобы перенести на полотно, сумеречный свет северного неба, белые меловые линии собора, красная стена кремля с единственным золотым шлемом купола над шестью серыми. Но еще сложнее передать мягкий свет, меняющийся каждую минуту, — всю атмосферу Новгорода. Когда мы наслаждались видом, сидя на берегу реки на скамейке у отеля, нас внезапно окружила туча майских мух. В Новгороде очень мало деревьев. Как я думаю, заливные луга, так часто затопляемые водой, объясняют это явление.

Великолепное описание Софийского собора дано в книге Сирила Бунта «Русское искусство: от скифов до советского времени». Исторически и художественно она наиболее доступна. Но книга была издана в 1946 году. Автор писал, что «с тех пор как была написана эта глава, собор частично разрушен при эвакуации немецких войск. Наиболее правильным мне кажется оставить описание таким, как если бы древняя церковь выдержала испытание войной. В любом случае это очень важное связующее звено в русской истории, и собор должен быть в конце концов восстановлен и будет восстановлен таким, как был когда-то». Так и случилось, но часть объектов утеряна или украдена, другие же вновь обретенны. Интересные детали были открыты под крупной фреской императора Константина и Елены.

Церковь Пантократора в Стамбуле показалась мне скромной сестрой Софийского собора. Все византийские церкви в Стамбуле приземисты, особенно церковь Паммакаристо-са и церковь монастыря Хора. Церковь Пантократора, как и София в Новгороде, имеет более высокие стены и апси-

ды. Незабываем тот момент в Новгороде, когда мы увидели эту византийскую церковь, строгую и простую по дизайну, без пристроек, гордо возвышающуюся под защитой стен за тысячу миль от своего прототипа. Она вызвала в памяти Стамбул, где мой муж и я провели несколько счастливых месяцев, когда он был послом в Турции. Князь Владимир пригласил греческих архитекторов, которые проехали эту тысячу миль, чтобы его построить ровно тысячу лет назад, год в год. Они синтезировали русские элементы архитектуры и попытались воплотить в камне черты, свойственные деревянным постройкам. На верху золотого купола стоит крест с сидящим на нем голубем Святого Духа.

Немцы, шведы, литовцы, поляки и снова немцы — все пытались захватить Новгород — город еще не так давно горел и подвергался бомбежкам. Хотя собор и лишен двух своих престолов — царского и митрополичьего, — а также известного халдейского амвона, алтаря, иконостаса и всех икон, кажется, что существует мистическая защита Богоматери, которая «плачет, когда Новгород страдает». Все четыре колоссальные бронзовые двери вернулись на свое место. Хотя говорят, что маленькие ворота, которые закрывают придел Рождества, предположительно попали в Новгород из Сигтуны в 1188 году, когда новгородцы совершили набег на старую столицу Швеции, все же сами двери — не шведские, а сделаны византийским мастером. Большие двери Святой Софии в Стамбуле, конечно, послужили моделью более маленьким, таким, как эти. Поперечные брусья проще по рельефу, но в новгородских воротах их шесть на каждой створке, и в отличие от оригинальных верхняя часть их напоминает свод. По местной традиции считают, что ворота — не военная добыча, а подарок матери Ярослава, по происхождению шведки.

Великолепная фреска XVII века, покрывающая нишу западной стены собора, разделена на три панели. Она находится над другими воротами и больше поражает, нежели впечатляет своей живописью. Она многократно переписывалась. Яркое буйство красок на белой стене не отвлекает надолго взгляда от величайшего произведения искусства — Магдебургских, или Корсунских, врат. Удивительно, что в стране, где почти нет скульптуры, были созданы эти бронзовые изумительного мастерства резные фигуры, типичные для ве-

ликих немецких мастеров. Прекрасно сохранившиеся врата XII века сделаны из твердого дуба и покрыты бронзовыми пластинами с изображенными на них попеременно живыми мифологическими или библейскими сюжетами и поясными изображениями святых и епископов. Странно видеть рядом латинские и славянские надписи. В нижнем ряду пластин новгородский мастер Авраамий, собравший врата в Новгороде, решил изобразить себя, стройного улыбающегося чело­вечка, обутого и держащего в руках инструменты.

Собор сейчас пуст. Восстановленные мозаики восхитительного мастерства украшают целый придел собора. Фреска Елены и Константина ценна исторически, но художественно невыразительна. При раскопках была раскрыта погребальная яма непосредственно под фреской с цветочным орнаментом в блеклых тонах. Орнамент датируется XII веком.

Выставка икон в Новгородском музее соперничает с экспозицией Третьяковской галереи в Москве и прекрасно подобранными экспонатами Исторического музея в Ленинграде, где выставлены изумительные новгородские иконы. Выставка, выполненная с большим вкусом и знанием, производит большое впечатление. Она находится рядом с собором в сводчатом зале Грановитой палаты XV века. Во время оккупации немцы привезли двух каменных львов и расположили их у входа в палату, которую использовали как кабаре.

Наиболее ценным сокровищем для меня явилась серия икон от Богоматери с младенцем XII века — медальон в темных тонах — и до Спаса Нерукотворного кисти Ушакова с изображением лика Христа на красном полотенце. Около 30 икон, каждая изумительно тонкого мастерства, рассказывают нам историю святых, изображенную как на очень больших, так и на маленьких досках. Некоторые из них, а именно 22 новгородские таблетки, толщиной с полдюйма, расписаны с двух сторон. Каждая из них сама по себе — жемчужина, способная украсить любую коллекцию.

Характерная особенность новгородской школы иконописи — сочный красный цвет на тускло-золотом фоне. Красный цвет используется для драпировок одежды, которые подчеркивают ее изгибы, закругленные очертания куполов и облаков по отношению к прямым линиям домов и деревь-

ев. Это оригинальная черта живописи древнего Новгорода. Иконописцы, никогда не видевшие гор, рисуют их, опираясь на свое воображение. Изображения похожи на наброски Дали, от изгибов гор и отчетливых фигур ангелов, которые образуют фон, до самых мелких фигур. Иногда живописцы дают волю своему воображению, как, например, на иконе, где Христос ломает двери Ада, который лежит у его ног. Чтобы показать, как хорошо Ад охранялся и как трудно было разломать его врата, художник написал топор, пилу, болты, ключи и другие инструменты. Красный свет также был использован для прорисовки крыльев ангелов на иконе Благовеста, самой большой в музее (6 на 4 фута). Самая старая икона Богоматери на трехзубчатой опоре датируется 1069 годом. Сюжет легенды, связанной с ней, изображен на соседней иконе. В новгородских летописях записано, что суздальские войска князя Андрея Боголюбского осадили город. Исход битвы было трудно предугадать до того момента, когда архиепископ Иоанн вынес икону из собора и новгородцы установили ее на стене города. Но стрелы все еще продолжали лететь, и Богоматерь разгневалась. Суздальцы потерпели поражение. На другой иконе обращает на себя внимание крыша Софийской звонницы, которая имела в XII веке деревянные арочные скаты. В Пскове крыши многих церквей восьмискатные и покрыты свинцом.

Когда Роберт Байрон осматривал церковную утварь византийских, немецких и русских мастеров, она хранилась в сокровищнице Софийского собора. Теперь она выставлена вместе с иконами в Грановитой палате. Там же мы видим несколько эмалей и кубков. На одной из эмалей, которая была найдена два года назад на берегу Волхова, изображен св. Георгий. Ее размер всего два дюйма. Говорят, что лиможские мастера, изготавливавшие подобные творения, приезжали в Киев и основали там мастерскую.

Рядом с собором расположен также другой маленький музей, в котором мы видели больше икон, чем в первом. Одна из них — святые Борис и Глеб, покровители Новгорода. Они всегда изображаются вместе. Святые сидят верхом на белых лошадях; черты их лиц — явно греческие. В экспозиции есть также поясное изображение св. Николая в натуральную величину, скорее портрет, нежели икона.

Русские любят делать макеты зданий, и мы увидели точную копию церкви Спаса на Нередице до и после войны. Мало фресок удалось там спасти, церковь была разрушена до основания.

Внутри кремлевских стен мы осмотрели также крохотную церковь Андрея Стратилата — часовня, теперь закрытая, была построена за один день на фундаменте церкви Садко в 1167 году и разрушена шведами в XVII веке; часозвонню — большую каменную башню, встроенную в кремлевскую стену; и, наконец, рядом с собором, Софийскую звонницу — прообраз всех колоколен Пскова, но в два раза крупнее, ожидающую свои колокола. Каждый колокол имеет свое имя: Воскресный, Пасхальный, Вечевой и другие. Они лежат внизу на траве и так тяжелы, массивны, что я сомневаюсь, выдержат ли их балки звонницы. Отлитые, чтобы петь, они молча ожидают смерти.

*Печатается по: Kelly M. Mirror to Russia. London, 1952. P. 134–142.
Перевод Т. В. Васильевой.*

1956

Карл Мейнандер — финский ученый, археолог, профессор Хельсинкского университета, председатель Общества древности Финляндии, руководитель международной археологической комиссии.

В Новгород лучше всего ехать по воде. В этом случае, следуя из Ладоги по Волхову путем дракаров викингов и ганзейских куггов по культурному ландшафту, видишь позолоченный купол церкви Премудрости Божьей, постепенно появляющийся на горизонте. Этим путем возможно ехать. Между Новгородом и Волховом по перекрытой плотиной реке ежедневно курсирует колесный пароход. Но мы поехали поездом из Ленинграда — шесть часов утомительной поездки. Весь культурный ландшафт вдоль железной дороги разорен войной. Станции представляют собой барачные поселки, а леса низкорослые и заболоченные. Мы прибыли на место в вечерних сумерках и не смогли разглядеть город.

Тем более эффективным было утреннее пробуждение в гостинице «Ильмень». Перед нашими окнами струился Волхов, ярко-голубой в лучах утреннего солнца. На другом берегу лежал кремль, само сердце города, который на протяжении четырех веков нашего Средневековья играл такую важную роль в истории Финляндии: высокая кирпичная стена с воротами, зубцами и башнями, и в центре его ослепительно-белый Софийский собор — храм Премудрости Божьей.

Мы прожили в Новгороде месяц, с 22 июня по 22 августа, приняли участие в раскопках древнего ремесленного квартала на бывшей Великой улице, ходили по церквям и монастырям, лазали по развалинам и пытались познакомиться с городом и его жителями, насколько это возможно, не зная языка страны.

Точной даты древнейшей истории Новгорода нет. Собственные летописи города поздние, поэтому в них нельзя найти сколько-нибудь достоверных сведений об основании города и его начальной истории. Но в составленной в XII веке в Киеве так называемой Хронике Нестора содержатся некоторые заметки о Новгороде, в которых можно отыскать зерно исторической правды. Она повествует о том, что славяне в 860 году призвали править трех братьев: Рюрика, Синеуса и Трувора. Рюрик поселился в Старой Ладоге (Альдейгь-борге) и вскоре взял власть от своих братьев. В 862 году он пришел на Ильмень, где построил город, который назвал Новгородом.

В Хронике Нестора сказано, что Рюрик принадлежал к племени русов и был варягом, то есть жителем Севера. Возможно, летопись не может считаться источником первого ранга; вероятно, она передает легенду, которая пересказывалась и сохранялась при княжеском дворе в Киеве более 200 лет, и детали ее со временем исказились. Однако мы не имеем права отклонять ее как исторический источник, прежде чем мы укажем на что-либо, что противоречит ее свидетельствам.

До сих пор при археологических раскопках в Новгороде не найдено ничего, что могло бы подтвердить сведения летописи. Ни в кремле, ни на обширных раскопах в разных частях города не встретилось ничего, что могло бы свидетельствовать, что город или его укрепления существовали уже в IX ве-

ке. Этим он отличается от Старой Ладogi, о существовании которой в IX веке можно говорить уверенно и в погребениях которой найден ряд скандинавских предметов.

Окрестности Новгорода поразительно бедны предметами дохристианской эпохи. Вокруг большинства древних городов Западной Руси есть много языческих погребений, и в большинстве случаев в них находят предметы скандинавского происхождения. Вокруг Старой Ладogi, Смоленска и Киева раскопаны могильники с таким типично скандинавским содержанием, что никоим образом нельзя отрицать того, что в этих городах были значительные варяжские колонии. Так же и в окрестностях Новгорода имеется меньшее количество могильников, но все они теперь уничтожены (опустошены), и какие-либо находки из них неизвестны.

То, что вокруг Новгорода нет языческих могильников, подкрепляет результаты раскопок в городе, свидетельствующие, что местность не имела сколько-нибудь значительного населения до введения христианства в X веке.

Тем не менее вблизи Новгорода есть древние памятники, свидетельствующие о том, что в языческие времена эта территория не была совершенно незаселенной. В небольшой сосновой роще на западном берегу Волхова, как раз там, где берег начинает переходить в камышовые заросли, которые образуют северный берег Ильменя, находятся разрушенные монастырские здания. Это место называется Перынь, слово того же корня, что финское *puru* и имя славянского языческого божества. Несколько лет назад на холме раскопали остатки сооружения, которое истолковали как храм.

Немного дальше на север на другой стороне реки лежит окруженный валом холм. Он называется Рюриково Городище — это труднопроизносимое название — русское название укрепленных поселений, характерных для земледельческих районов Северной Руси на протяжении всего железного века. Раскопки 1934 года на этом месте дали керамику IX — X веков. Теперь здесь доминируют руины церкви XIV века, совершенно разрушенной во время последней войны. Характер местности позволяет предположить, что в доисторические времена здесь находилось укрепленное поселение, а его название искушает предположить, что именно здесь Рюрик построил свой город, упоминаемый в Хронике Нестора.

В нескольких километрах на юг от Новгорода, почти напротив Рюрикова Городища, находится Юрьев монастырь. Монастырь основан Ярославом Мудрым, и его главная церковь 1030 года является старейшим собором в окрестностях Новгорода. Он старше Софийского собора и служил местом погребения княжеского рода.

Имя Новгород предусматривает, что ему предшествовал старый город. В качестве такового указывали на Старую Ладугу в нижнем течении Волхова, частично на Старую Руссу, небольшой городок к югу от Ильменя, о древней истории которого известно еще меньше, чем о Новгороде. Но есть еще третья возможность: языческий храм в Перыни и Рюриково Городище существовали до Новгорода. Они расположены более выгодно, поскольку находятся ближе к Ильменю, то есть к месту пересечения Волжского и Днепровского торговых путей.

Причина того, что город перебрался на новое место, может заключаться в том, что ему нужно было большее пространство. Ни вблизи Перыни, ни вблизи Городища места для большего поселения не было. Через Новгород проходил древний путь в северо-западном — юго-восточном направлении, и возможно, что мост существовал уже в древности. Город расположен в таком месте, где ширина реки наименьшая, ее твердые берега и несколько островков делали то, что легче было построить мост, чем долго плыть по реке вокруг города с севера и с юга. Если к тому же учитывать, что город достаточно возвышается над окрестностями, то становится понятно, почему именно это место было выбрано для города. Он не вырос как естественный центр окружающей местности, а был основан с учетом топографических выгод места — скандинавское название города, Хольмгорд, не дает руководства для поиска первоначального названия города. Его имя относится к тому времени, когда Новгород уже находился на современном месте и получил свое объяснение от разветвления реки, сделавшего городскую территорию островом.

Даже если не признавать ценности древнейших частей Хроники Нестора как исторического источника и отрицать их сведения о том, что Новгород был основан в 862 году варяжским предком киевских князей, то не следует по этой причине отбрасывать легенду о Рюрике в целом. Несмотря

на легендарный характер, она носит характер родовой саги — родового предания того же типа, что многие части исландских саг. Самое знаменитое из них — предание об Инглингах, которое фрагментарно входит в сагу об Инглингах и повествует о происхождении норвежского королевского рода от окутанного легендами рода Инглингов в Упсале. Хотя предание об Инглингах содержит много легендарного, все-таки можно проверить подлинность некоторых его известий — а именно о шведских королях VI века, их погребальных обычаях и местах погребения. Это сведения именно такого рода, которые наиболее прочно сохраняются в семейной традиции, и уже потому они являются самыми достоверными в легенде о Рюрике. Мы можем считать вполне вероятным, что варяг Рюрик был праотцом рода киевских князей и что его род имел свой главный род в Новгородских землях, прежде чем оттуда переселиться в Киев.

Город имеет почти круглую форму около 3 километров в диаметре. Волхов разделяет его на две равновеликие части, Софийскую сторону на западном берегу и Торговую на восточном. Старый план Софийской стороны свидетельствует о том, что она является более старой и ее заселение шло вдоль дороги, которая впоследствии стала Великой улицей. В центре Софийской стороны находится кремль, в то время как центр Торговой стороны расположен вокруг Ярославова дворища на Славенском холме. Древняя территория кремля окружена мощным земляным валом, за пределами которого теперь имеются обширные пригородные застройки.

Из внешних оборонительных сооружений сохранился только большой земляной вал. Особенно во время последней войны во многих местах он разрушен, и благодаря этому есть возможность ближе исследовать его. Археологические раскопки в юго-восточной части кремля 1947—1948 годов имели результатом, что город в этом направлении уже в XII веке был заселен до его нынешних пределов и что простой палисад уже тогда следовал линии позднего земляного вала. Палисад был построен вдоль берега от рукава реки, который затем углублялся и расширялся и теперь выглядит как вырытый ров. Палисад, очевидно, тот самый, что упоминается в городской хронике под 1169 годом и который опоясывал весь го-

род. На западной стороне города, конечно, не нашли следов этого сооружения из столбов, но теперь там также проходит вал вдоль ныне не существующего рукава реки. Остается открытым вопрос о том, была ли это естественная линия границы, которая определила очертания городского вала, или же решающую роль в формировании валов сыграли границы компактного городского поселения. Вероятнее всего, что еще в XII и XIII веках внутри городских границ был простор для садов и даже пашен. Редкие жилые комплексы, которые и сегодня являются отличительными чертами русских городов, имеют традиции в Средневековье.

Во время вышеупомянутых раскопок поверх древнейшего культурного слоя была обнаружена массивная каменная стена. Она была построена из красноватого известняка — строительного материала, который во многих точно датированных новгородских церквях появляется не позднее XIV века. Также при ранних проломах городского вала констатировали остатки каменных конструкций, но только теперь впервые смогли установить, что речь не шла о башенном фундаменте или поддерживающих конструкциях земляного вала, а дело имело с остатками каменной стены. В 1335 году летописи впервые упоминают городскую стену из камня. Стена не имеет какой-либо единой истории, она строилась кусок за куском; отдельные части поздние и относятся к концу XV века, а на некоторых отрезках никогда не было ничего, кроме земли и деревянных укреплений. Городская стена была оборудована башнями, из которых уцелела лишь одна, прочная круглая башня в южном конце вала Софийской стороны.

После того как Новгород утратил свою независимость в 1478 году, роль руководителя строительства перешла к великому князю Московскому. Самое позднее — в начале XVI века изрядно обветшавшая стена была превращена в земляной вал, который до сих пор удивляет своими размерами. Он был увенчан бревенчатой стеной с крытыми галереями для стрельков и оборудован воротной башней из камней и бревен.

Подобно большинству других древнерусских городов Новгород имел обнесенный стеной внутренний город, кремль. Древнейшее летописное известие об укреплении цитадели относится к 1044 году, но оно является полулегендарным и не было подтверждено. Первые более конкретные сведения от-

носятся к 1331 году, когда стена ремонтировалась со стороны реки. Результаты этой работы можно идентифицировать также археологическим путем. После этого ремонт стены упоминается неоднократно до 1437 года, когда мы узнаем о том, что стена была разрушена.

Свой современный облик и свои современные башни кремль приобрел впервые в 1484–1490 годах, когда московский великий князь Иван Васильевич перестроил всю стену. При современных реставрационных работах цитадель пытаются восстановить в том виде, в каком она была в XVI веке. Эта задача трудна, поскольку почти вся верхушка стены была перестроена при Петре I. Крытые галереи тогда были перестроены в батарейные места, и в башнях были сделаны амбразуры для тяжелых орудий. От романтических башенок XVI века в оригинале осталась лишь пара фрагментов в стене XVIII века.

В XVII веке кремль был обнесен построенным в соответствии с бастионным принципом внутренним поясом из земляных укреплений, а также эспланадой, которая в конце XVIII века выровнялась в парковую зону.

Во время самостоятельности Новгорода кремль, очевидно, не играл сколько-нибудь значительной роли. Конечно, внутри его стен находились Софийский собор и резиденции воеводы и митрополита, но настоящий центр города находился на другой стороне реки на Ярославове дворе. Там жил князь, во всяком случае, со времени Ярослава (978–1054) до государственного переворота 1136 года, когда князь был детронизирован и стал чисто номинальным господином. Там собиралось народное собрание, и там была канцелярия административных органов. Вокруг Ярославова двора находились патронажные церкви купеческих гильдий с их складскими помещениями, и, кроме того, там были Готский и Любский дворы.

В 988 году великий киевский князь Владимир принял крещение, и уже в 989 году в Новгороде был поставлен первый епископ. Прямых сведений или остатков первых деревянных церквей не сохранилось. Епископская церковь Софийский собор, церковь Премудрости Божьей, была построена в 1045–1052 годах и несомненно похожа на построенный

в 1037 году Софийский собор в Киеве, основой которого является крест с высоким куполом над центром креста. Из-за пристроек и изменений церковь много утратила от своего первоначального облика, но все-таки со своим позолоченным куполом, абсидами и приделами все еще является замечательным памятником архитектуры. Тем больше бросается в глаза контраст между ее прискорбным образом лишенным драгоценного убранства интерьером и сверкающим свежепобеленным известью экстерьером. Остатки убранства собраны в небольшом музее в находящейся вблизи Грановитой палате, а из недвижимой отделки сохранились двое всемирно известных врат. Западные врата сделаны в Магдебурге в начале XII века и, вероятно, первоначально находились в Плоцке в Мазурии, а в XIV веке были привезены ганзейскими купцами в Новгород. 28 квадратных клейм иллюстрируют библейскую историю в литых фигурах, которые являются прекраснейшими из того, что дало романское церковное искусство. Другие врата стоят внутри церкви слева от иконостаса. Согласно традиции эти врата были вывезены в 1187 году из разграбленной Сигтуны. Рамы врат украшены ренессансным орнаментом, но орнамент шести их филенок выглядит как орнамент XI века. Орнамент все же византийский, а не скандинавский.

Возле Софийского собора находится колокольня, построенная в 1436 году по псковскому образцу.

В городе и его ближайших окрестностях находятся 72 церкви и десяток монастырей. Все монастыри пусты, а из церквей действующей является только построенный в 1113 году Никольский собор. Все остальные лишены своего убранства и стоят со своими белеными известкой стенами как пустая яичная скорлупа. Многие наиболее известные новгородские церкви лежат к востоку от города, и большая их часть сегодня в руинах — они разрушены немецкой артиллерией во время последней войны. Линия фронта проходила по окраинам города. Внутри города и на левом берегу Волхова церкви сохранились лучше — вероятно, русская артиллерия получила приказ пощадить церкви.

XIV век был временем подлинного расцвета Новгорода, в это время были построены его прекраснейшие церкви. Их тип абсолютно тождественный. В их основе лежит квад-

рат с одной или тремя полукруглыми абсидами на восточной стороне. На остальных сторонах — порталы. Высокие подкупольные барабаны стоят на четырех мощных четырехугольных столбах, которые придают интерьеру форму креста с высокими сводами и более низким сводом между ними. В этих церквах больше всего импонирует изысканная игра линий в переплетениях круглых сводов и освещения, которое идет главным образом через окна подкупольного барабана.

Тем хуже стены, в большинстве своем покрытые шаблонной живописью декаданса церковного искусства XIX века. Только в некоторых церквах можно увидеть фрагменты — часто в труднодоступных местах — раскрытых в последнее время фресок. Самые удивительные из них находятся в церквах Федора Стратилата (1360) и Спаса на Ильине (1374) и созданы Феофаном Греком, византийским художником, который во второй половине XIV века кроме Новгорода работал в Константинополе, Москве и Нижнем Новгороде. Церковь Федора Стратилата интересна также готическими чертами, которые видны в ее архитектуре, это единственная церковь в Новгороде с заостренными дугами порталов и профилем на готический манер.

Уже в XV веке новгородская архитектура утрачивает свои самобытные черты и начинает следовать московской линии. Возможно, что среди поздних церковных строений имеются свои жемчужины, но в таком случае их трудно отыскать. Реставрационные работы начались с древнейших церквей. В работе некоторые церкви XV века, но почти все поздние находятся в плачевном состоянии. Некоторые стоят как открытые развалины, некоторые используются в мирских целях, в некоторых находятся даже трущобные поселения.

Археологические раскопки ведутся в различных частях города с 1929 года. В 1930—1940-х годах раскопки вели частично в кремле, частично на Славно и вокруг Ярославова дворца на Торговой стороне. Их цель — изучение истории церквей и укреплений, а также характера и протяженности городских поселений, их возраста и происхождения. На ход раскопок повлияла находка первой берестяной грамоты, после чего с 1951 года их проводили в таких масштабах, которые не знают аналога в Северной Европе. Берестяные гра-

моты дали надежду ввести в оборот совершенно новый тип источников, кроме того, легче убедить власти, от которых зависят ассигнования, в значимости письменных документов, чем вызвать их интерес к осколкам горшков и кускам обувных подошв. Мне кажется также, что археологические раскопки являются своего рода вспомогательными работами в плане обеспечения занятости. Новгород является городом со 100-тысячным населением, но в нем почти отсутствует промышленность, которая могла бы дать населению регулярные доходы. С 1951 года на раскопки, которыми руководит профессор А. В. Арциховский, ежегодно выделяется 2,2 млн. рублей, сумма, которая кажется огромной. Работы ведутся под руководством Академии наук в Москве и Исторического музея, десятки сотрудников которых командированы в полевые лаборатории и для руководства работами. Рабочая сила состоит из четырех десятков студентов и около 150 рабочих, большинство из которых женщины.

Ранние раскопки в разных частях города показали, что в северо-западной части города, где культурный слой наиболее глубок и где остатки домов лучше сохранились, больше всего шансов на хорошие результаты. Поэтому с 1951 года раскопки сконцентрированы на незаселенной области в этой части города. В одном раскопе там сегодня открыто 6400 квадратных метров, и около 5000 метров раскопано до стерильного глинистого дна, которое лежит на глубине 6—7,5 метра. Этот уровень не намного превышает уровень над поверхностью Волхова. Какой-либо общей статистики находок или общего обзора всей их массы дать нельзя, но как общее суждение можно сказать, что раскопки дают хорошую картину жизни города с древнейших времен в начале X века до середины XVI столетия, то есть до уровня, на котором археологический интерес увядает.

Через территорию раскопа проходит Великая улица. Она есть на картах XVII века и исчезает в связи с перепланировкой города во второй половине XVIII века. Она проходит через несколько культурных слоев и все время сохраняет свои очертания. Она построена как бревенчатый мост, состоящий из трех бревен, лежащих вдоль улицы, на которые положены бревна. Ее ремонтировали три — пять раз за столетие таким образом, что новые бревна клали поверх старых.

Так уровень улицы постепенно повышался, и в то же время вместе с ним за счет бытовых отходов и дополнительной земли поднимался уровень прилегающих земельных участков. Ремонт сразу делали на протяжении всей улицы — согласно летописным известиям, по крайней мере несколько раз все городские улицы приводили в порядок одновременно. Теперь это сослужило археологам хорошую пользу: если при раскопках следовать известному уровню улиц, то можно считать, что находится в одном временном периоде. Этот уровень улиц создает также основание для деления культурных слоев на хронологические горизонты. Пока проявляются две пересекающиеся улицы — Славная и Козмодемьянская как ближайшие к городскому центру. Они построены и ремонтировались таким же образом, как Великая улица, но немного уже ее.

Вдоль улиц лежат участки ремесленников. Они очень маленькие и редко шире 10 метров. Они отделяются друг от друга похожими на палисад заборами из круглых столбов и дают место для одного, двух или за редким исключением нескольких зданий. Поскольку от домов сохранились лишь нижние венцы, не всегда возможно решить, стояли ли дома фронтонами к улице или параллельно ей коньками. Первое положение, во всяком случае, является более общим уже для древних слоев.

Во время моего пребывания в Новгороде на одном раскопе прошли слои с 1200 года примерно до середины XI века, а на другом задержались на слоях XV и XVI веков. Со своей стороны, я мог свидетельствовать только о способах строительства этого периода. Согласно полученным мною объяснениям, а также первым опубликованным отчетам о раскопках, не было существенной разницы между постройками XIII века и более древними слоями, наибольшее отличие состояло в том, что дома были расположены более редко по мере того, как уходили от слоя XIII века.

Интереснейшими находками являются берестяные документы, маленькие кусочки бересты, на внутренней стороне которых острым шилом начерчены надписи. Буквы, разумеется, кириллические, а язык древнерусский. Древнейшие письма относятся к XI веку, самые поздние к XV веку; их общее число на 22 августа, когда я покинул Новгород, состав-

ляло 245. По содержанию они очень лапидарны и часто тривиальны, как, например, № 23 и 43*.

Эти маленькие обрывки писем, долговые расписки, квитанции и купчие чаще всего фрагментарны, иногда трудно читаемы. Отдельно взятые, они, конечно, не представляют большой ценности, но вместе дают замечательную картину жизни древнего торгового города.

Новгородские берестяные грамоты рассматриваются как доказательство широкого распространения грамотности в русских средневековых городах. Монастырей было много, и поэтому в городе не было недостатка учителей; купцы также были смыслеными и способными людьми. На раскопе на Великой улице берестяные грамоты находили главным образом вдоль улиц с отчетливой концентрацией вокруг углов улиц. Мое предположение о том, что это могло зависеть от того, что письма читались и писались профессиональными писцами, которые подобно западноевропейским имели свои рабочие места на углах улиц, и что документы выбрасывались на месте, как только их содержание доходило до получателя, было с усмешкой отклонено руководителем раскопок при том, что он, однако, не мог предложить какого-либо правдоподобного объяснения такого распространения находок.

Берестяные грамоты, конечно, лишь малая часть находок. Самой большой группой находок является керамика, находки которой так многочисленны, что их не может вместить ни один музей в мире. После регистрации и исследования специалистом по керамике они по большей части выбрасываются. Большая часть этих находок представлена обычными горшками для каши того вида, который археологи называют славянской керамикой и которые менее сведущая в археологии общественность знает по продукции русских мастеров-горшечников Карельского перешейка. Хотя их форма остается неизменной в течение столетий, в их деталях все-таки много интересного. В древнейших слоях Новгорода значительно доминируют широкодонные грубые горшки, которые, между прочим, встречаются в древнейших культурных слоях Старой Ладоги; в Новгороде они датируются X веком.

*См.: Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1952 г. М., 1954.

Кроме горшков для каши есть также лучшая и более варь-ируемая разновидность керамики: большие кирпично-красные амфоры из Киева, кувшины и чаши с глазированной поверхностью и привозные тонкостенные сосуды из Самарканда. Западноевропейской керамики я не видел, и говорят, что ее не находили.

Другая большая группа находок — это предметы из кожи. Представленная тысячами находок обувь по большей части туфлеподобна. Форма обуви время от времени менялась. Нечислимо также количество ножен для ножей, кошельков и перчаток меньше. Деревянные предметы и изделия из бересты хорошо сохранились во влажной почве, но из-за методики раскопок часто повреждаются лопатами рабочих.

Для датировки различных слоев известную роль играют слои со следами пожаров, но основой датировки все-таки являются найденные предметы. Монет совсем немного, и их отдельные экземпляры также являются очень ненадежным методом датировки. Более важную роль играет найденный в ближайшем к нижнему слою клад, включающий 871 арабскую монету, самая ранняя из которых относится к 969—970 годам. Для датировки более поздних слоев важную роль играют печати. К другим важным группам относятся гребни, ключи, стеклянные браслеты и подвески. Вышеперечисленное прежде всего допускает привязку ко временам викингов. Все эти группы предметов достаточно репрезентативны. Важным хронологическим уровнем является прекращение юго-восточного импорта после монголо-татарского нашествия 1240 года.

Среди находок в Новгороде не слишком много таких, которые указывают на варяжские или позднее ганзейские черты в городе. В древнейших слоях можно обнаружить известное сходство в деревянной резьбе, позднее, возможно, прежде всего янтарь и некоторые типы ключей указывают на связи с Западом. Какого-либо соответствия с сильными скандинавскими чертами в материальной культуре Ладоги времен викингов в Новгороде найти нельзя. Создается впечатление, что здешнее население было чисто славянским.

В 1740 году был составлен новый план перепланировки Новгорода, который начали осуществлять в 1778 году. За обра-

зец был взят Петербург, где главные улицы сходились лучами к шпилю Адмиралтейства. В Новгороде таким естественным центром западной части города был купол Софийского собора. В восточной части план предусматривал прямоугольную сеть кварталов, как в северной части Петербурга за Невой. Сегодня Новгород возрождается по плану XVIII века с той только разницей, что улицы делаются шире и обрамляются деревьями и газонами. В центре города возводятся кирпичные дома в стиле советского классицизма, но на окраинах строятся частные бревенчатые дома в русском национальном стиле.

От величия города не осталось ничего, кроме размеров. Говорят, что в нем проживает около 100 тысяч жителей, но приездим он кажется таким же дремотным, как Ловиса. Здесь всего два бара, а в гостинице всего 40 мест. В немногочисленных магазинах нет толкотни. В городе нет сколько-нибудь значительной промышленности, а деревни малонаселенные. Но для археологов Новгород — настоящее Эльдorado, и, возможно, его будущее в туризме.

Печатается по: Meinander C. F. Novgorod i dag och för tusen år sedan // Nordenskiöld-samfundets tidskrift. XVI. Helsingfors, 1956. S. 66–88. Перевод Г. М. Коваленко.

1979

Вольфанг Плат — немецкий писатель, публицист, кинодокументалист. Родился в 1923 году в Гамбурге, после окончания гимназии был призван в армию, участвовал в военных действиях на Волховском фронте. В 1942 году попал в плен, который отбывал в Новгороде. После окончания войны изучал историю и юриспруденцию. В 1979 году Плат три недели провел в Новгороде, свои впечатления от поездки он описал в книге «В гостях у новгородцев».

Покупки в русском городе

Я посетил несколько магазинов: побывал в магазине, где продают светильники, затем в магазине электротоваров. Там я сфотографировал холодильники, стиральные машины, пылесосы, электробритвы.

В магазине одежды сфотографировал пальто и джинсовые костюмы. Далее я посетил парикмахерскую, заснял мужчин и женщин с красивыми прическами. Побывал также в ателье срочной химической чистки одежды, в прачечной, в рыбном магазине, в нескольких супермаркетах, а также наблюдал воскресное столпотворение на центральном рынке. Я записал также цены некоторых товаров и услуг. Я посетил более десятка магазинов и предприятий бытового обслуживания, прошел, один без сопровождающих, все магазины, расположенные в районе гостиницы. И я думаю, что было бы не так-то просто показывать «потемкинские деревни» человеку, у которого есть свои собственные глаза. И должен сказать, что никто из моих новгородских собеседников ни разу не пытался это делать. Конечно, я уверен, что мне показывали в Новгороде хорошо оборудованное и образцово функционирующие предприятия. Но ведь и в Гамбурге официальному гостю не стали бы показывать задворки. Это же вполне понятно.

Самым интересным оказалось посещение центрального рынка. Вот где жизнь кипит! Настоящая толчея! Я бы мог здесь провести целый день со своей фотокамерой. Для западного туриста этот рынок интересен тем, что здесь можно наблюдать частную торговлю. В основном здесь предлагают продукты собственного производства местные крестьяне. Такое впечатление, что весь город собрался здесь в субботу, чтобы купить мясо, картофель, огурцы, пряности, цветы, галстуки, домашние туфли и тысячу других предметов. Мясные продукты представлены в широком ассортименте, но в основном это свинина.

Встречи

В Волхове, в непосредственной близости от городской окраины можно купаться. На широком береговом пространстве белый песок. Так как по реке проходит немало грузовых и прогулочных судов, а также рыбацких лодок, предназначенная для купания территория ограждена буйками. В будние дни здесь безлюдно, зато в выходные очень оживленно, песчаный пляж усеян людьми, «жарящимися» на солнце. Люди отдыхают. Кто-то читает или слушает музыку из транзи-

сторного приемника, кто-то ест мороженое или играет в мяч. Влюбленные пары любезничают, но стараются это делать незаметно, так как светит солнце и еще светло. Что мне бросилось в глаза? Должен сказать — небольшое. Я бы покривил душой, если бы сказал, что в этот жаркий воскресный день на волховском пляже все происходило совершенно иначе, чем у нас. Но на два момента я все же обратил внимание. Люди выглядят довольно упитанными, даже слишком. Врачи, с которыми я беседовал, были правы, сказав, что было бы полезно проводить несколько раз в месяц «дни социалистического поста». И еще мое внимание привлекло следующее: даже на маленьких детях были плавки. А на девочке лет десяти был бюстгальтер («держатель бюста»), хотя в нем даже намек не было на то, что называется бюстом. Лишь поблизости от нас топал годовалый ребенок, светловолосый мальчик, абсолютно голенький. Но отсутствие на ребенке плавков обернулось «конфузом», малыш написал папе на спину, что вызвало у лежащих неподалеку девушек бурную веселую реакцию. Это был единственный «неприличный инцидент», который я заметил на пляже. Все выглядело очень добропорядочно, и я не знаю, стоит ли по этому поводу иронизировать. Сам я не шепетильный и не раз купался на нудистских пляжах. Но если у новгородцев на этот счет свое мнение, почему бы и нет! Когда-нибудь и они поймут, что купаться без пляжного костюма приятнее и полезнее.

Новгородский парк — это парк культуры. Здесь не только гуляют, но можно поиграть в шахматы, что люди с удовольствием и делают. В одном из павильонов можно почитать газеты и журналы, но в это воскресенье желающих было немного. В павильоне сидел только один пожилой мужчина и скучал. Детям можно взять напрокат игрушечный автомобиль или покататься на каруселях. Для взрослых тоже есть карусели, места в которых всегда заполнены. Есть музыкальный павильон, какие обычно бывают на курортах. Сегодня здесь выступает духовой оркестр из маленького норвежского городка — концерт дружбы. Перед павильоном нет ни одного свободного места. Что есть еще в парке? Есть танцплощадка, огороженная забором, и, кажется, эта танцплощадка — головная боль для города. Дама, отвечающая за культуру в городе, делает озабоченное лицо. Почему? «Есть проблемы

с молодежью». Я это тоже заметил — во время танцев перед входом всегда стоит милицейская машина. Для меня загадка, как она проезжает сюда, ведь к танцплощадкам ведут только пешеходные дорожки. Меня это забавляет, но мой переводчик чувствует неловкость. Почему? Что такого страшного тут происходит? Читатель прочтет в этой книге мои беседы с педагогами. Эти беседы — единственное, что вызвало у меня явную досаду. Я — против абстрактных нравоучений, у меня вызывает аллергию этот вечно поднятый вверх указательный палец педагогов, это бесконечное напоминание о порядке, чистоте, прилежности и т. д.

Конечно, я бы не пожелал, чтобы новгородская молодежь развивалась, таким образом, как это происходит со многими нашими молодыми людьми. Но я против того, чтобы педагоги требовали от молодежи того, что, и слава Богу, ей в действительности не свойственно.

Но вернемся на танцплощадку. Когда день клонится к закату и сумерки опускаются над парком (читатель согласится, что более поэтично не скажешь), молодые люди начинают веселиться. Сначала 16–18-летние собираются группами, стоят отдельно девушки и юноши или сидят на скамейках. Курят, лузгают семечки и флиртуют. И это уже, конечно, не послушные 14-летние дети, которые строим маршируют и бодро приветствуют учителей. У этих молодых людей уверенные лица: мы хотим веселиться. И я не вижу в этом ничего плохого. Они танцуют, некоторые спокойно, некоторые с азартом, одни — отдельно друг от друга, другие — обнявшись. Вот появляется молодой человек, который для смелости принял 100 граммов водки. Затем становится очень весело, и у милиционеров появляется работа. И конечно, молодые люди начинают любезничать друг с другом, ясно, что они не будут в темноте играть в шахматы или в мельницу, как и мы, когда нам было 17 лет. «У нас много неприятностей с этой танцплощадкой» — говорит, вздыхая, дама из городского отдела культуры. Я хохочу. Читатель уже заметил, что я критически оцениваю культурную жизнь в Новгороде. Возможно, здесь проводятся прекрасные мероприятия на высоком уровне, я их не видел, мне их не показали. Я побывал в одном из домов культуры, их в Новгороде много. Все они хорошо оборудованы, и кто хочет, может здесь найти се-

бе интересное занятие. Все было очень мило, к моему визиту специально не готовились, так что, к счастью, я увидел, как здесь проходит обычная нормальная работа: здесь шла репетиция молодежного оркестра, там репетировал хор пенсионеров, здесь же несколько молодых женщин делали рисунки с гипсовых бюстов. Побывал я и в театре. Дважды посмотрел оперетты Штрауса: «Летучая мышь» и «Цыганский барон». Забавно: житель Гамбурга приезжает в Новгород и смотрит две австрийские оперетты в постановке Саратовского театра оперетты. Постановка обеих оперетт была великолепной, партии исполнялись профессиональными артистами с хорошими голосами и хорошим оркестром, состав которого (16 человек) едва смог расположиться в очень маленькой оркестровой яме.

Происходящее на сцене публика воспринимала без какой-либо иронии. В зависимости от сюжета публика вместе с героями то ликовала, то негодовала. Но вот на сцене все заканчивается хорошо, и публика счастлива.

Все это напоминало мне наивный провинциальный театр приблизительно 1880 года. Читатель поймет мое удивление, если я признаюсь, что мне в некоторой степени известны не только достижения московских театров, но я имею также определенное представление о революции в искусстве, архитектуре, театре, живописи, кино и поэзии, которая была вызвана Октябрьской революцией. Ничего подобного я не увидел здесь, и это резко контрастирует с действительно великими преобразованиями в культурной жизни. Но что я здесь заметил, так это — скука. Поэтому не удивительно, что молодежь пытается внести что-то живое и новое. Тот факт, что в повседневной культурной жизни Новгорода отразилось так мало подъема и вдохновения нового времени, заставил меня задуматься.

Люди, с которыми я разговаривал в Новгороде, относятся к народу, который потерял в войне 20 миллионов своих близких. Свыше 6 миллионов зданий было разрушено, десятки миллионов людей потеряли свои жилища. Было разрушено 65 000 километров железнодорожных путей, а также 40 000 больниц, 8400 учебных и научных учреждений, 32 000 промышленных предприятий и более 100 000 сельхозпредприя-

тий. Я просто не знаю, способны ли мои соотечественники оценить, что за ужасающее бедствие стоит за этими сухими цифрами. Сегодня кажется, что это бедствие преодолено. Но рубцы от него остались.

Но, как бы то ни было, огромная страна, Советский Союз, является нашим близким соседом, и мы должны найти способ мирного сосуществования. В это должна внести свой скромный вклад моя книга о встречах с новгородцами. Поезжайте туда, посмотрите, поговорите друг с другом, поймите... Я дважды был на новгородской земле: в 1943 году с оружием и в 1979-м — без оружия. Я знаю, о чем говорю, и знаю, какая из этих встреч — лучшая.

*Печатается по: Plat. W. Bei den Leuten von Nowgorod. Moskau, 1982.
Перевод Л. М. Николаевой.*

Источники

- Александр Д. Россия глазами иностранца. М., 2008.
- Алешин М. Новгородский поход 1569 г. Ивана Грозного в трактате Г. Рэтеля «О жизни Ивана Васильевича» 1588 г. // Новгородский архивный вестник. Вып. 11. Великий Новгород, 2013.
- Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1937.
- Ансело Ф. Шесть месяцев в России. М., 2001.
- Барбаро и Контарини о России. К истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971.
- [Барберини Р.]. Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году // Сын отечества. Часть III. № 7.
- Вебер Ф.-Х. Преображенная Россия. Новые записки о нынешнем состоянии Московии. СПб., 2011.
- Видекинд Ю. История шведско-московитской войны XVII века. М., 2000.
- Витсен. Н. Путешествие в Московию 1664–1665. СПб., 1996.
- Воспоминания г-жи Виже-Лебрен о пребывании ее в Санкт-Петербурге и Москве. 1795–1801. СПб., 2004.
- Гваньини А. Описание Московии. М., 1997.
- Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.
- Генрих Латвийский. Хроника Ливонии // Славянские хроники. СПб., 1996.
- Главинич С. О происшестввах московских // ЧОИДР. 1875.

- Горсей Д. Записки о России XVI — начало XVII в. М., 1990.
- Гундулич Ф. Путешествие из Вены в Москву в 1655 г. // Русский вестник. 1869. Т. 83. № 9.
- Гюльденстиерне А. Путешествие его княжеской светлости герцога Ганса Шлезвиг-Гольштинского в Москву 1602 // ЧОИДР. 1911. Кн. 3. (238). Отд. 2.
- Дашкова Е. Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмонт из России. М., 1987.
- Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М., 2012.
- Дневник Андерса Траны 1655–1656. Великий Новгород, 2007.
- Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца 1721–1725 // Юность державы. М., 2000.
- Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. V. Древнескандинавские источники. М., 2009.
- Дюма А. Путевые впечатления в России. Т. 1–3. М., 1993.
- Записки Айрманна о Прибалтике и Московии 1666–1670 гг. // Исторические записки. Т. 17. 1945.
- Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом. М., 1900.
- Зейме И. Г. Мое лето 1805 года // Немецкие демократы XVIII века. М., 1956.
- Известие о путешествии герцога Ганса младшего датского // ЧОИДР. 1867. Кн. 4.
- Интимный дневник шевалье де Корберона, французского дипломата при дворе Екатерины II. СПб., 1907.
- Иовий Павел Новокомский. Книга о посольстве, отправленном Василием Иоанновичем, Великим князем Московским к папе Клименту... // Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. СПб., 1836.
- Кокс У. По России и Польше в исходе XVIII века // Русская старина. 1907/11.
- Колло Франческо да. Доношение о Московии. М., 1996.
- Кюстин А. де. Россия в 1839 году. Т. 1–2. М., 1996.
- Ливонская летопись Франца Ниенштедта // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. III–IV. Рига, 1880–1883.

- Мейерберг А. Путешествие в Московию. М., 1874; Утверждение династии. М., 1997. Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины XVII века. Объяснительные примечания к рисункам. СПб., 1903.
- Мельникова Е. А. Древнескандинавские географические сочинения. М., 1986.
- Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М. — Л., 1936.
- Миранда Ф. Российский дневник. Москва — Санкт-Петербург. М., 2000.
- Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906; Смоленск, 2003.
- Отерш. Ж. Шапп д'. Путешествие в Сибирь по приказу короля в 1761 году // Каррер д'Анкокс. Императрица и аббат. М., 2005.
- Отчет о поездке ганзейского посольства из Любека в Москву и Новгород в 1603 г. // Проезжая по Московии. М., 1991.
- Паллас П. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Т. 1. СПб., 1809.
- Пальмквист Э. Заметки о России, сделанные в 1674 году. М., 2012.
- Перри Д. Состояние России при нынешнем царе. М., 1871.
- Петрей П. История о Великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями, и о московских законах, нравах, происхождении, вере и обрядах // О начале войн и смут в Московии. М., 1997.
- Портан Х. Г. Основные черты русской истории. Первый университетский курс истории России за рубежом в XVIII в. М., 1982.
- Послание Иоганна Таубе и ЭлERTA Крузе // Русский исторический журнал. 1922. № 8.
- Принц Даниил фон Бухау. Начало и возвышение Московии. М., 1877.
- Проезжая по Московии. Россия XVI и XVII вв. глазами дипломатов. М., 1991.
- Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. Вып. 4. М., 1898.
- Путешествие Гильбера де Ланноа в восточные земли Европы в 1413—1414 и 1421 г. // Киевские университетские известия. 1873. № 8. Отд. 2.

- Рейтенфельс Я. Сказания о Московии // Утверждение династии. М., 1997.
- Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003.
- Россия XVII века. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003.
- Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997.
- Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986.
- Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989.
- Россия и русский двор в 1839 г. // Русская старина. 1890. Т. 65.
- Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л., 1991.
- Сталь Ж. де. Десять лет в изгнании. М., 2003.
- Стрейс Я. Три путешествия. М., 1935.
- Ульфельдт Я. Путешествие в Россию. М., 2002.
- Франклин С. Новгород: погребенные сокровища // Чело. 2002/2.
- Хавен П. фон. Путешествие в Россию. СПб., 2007.
- Хаусвольф А. Своеручные поденные записки. 1808–1809. Вел. Новгород, 2014.
- Хесс Э. Русский дневник. СПб., 2007.
- Шаум М. История достопамятных происшествий, случившихся со Лже-Димитрием и о взятии Великого Новгорода // Иностранные сочинения и акты, относящиеся до России, собранные К. М. Оболенским. М., 1847.
- Шлейсингер Г.-А. Полное описание России // Вопросы истории. 1970. № 1.
- Шлихтинг А. Краткое сказание о характере и жестоком правлении московского тирана Васильевича // Новое известие о России времени Ивана Грозного. Л., 1935.
- Штаден Г. Записки немца-опричника. М., 2002.
- Юстен П. Посольство в Московию 1569–1572. СПб., 2000.
- Bahr J. F. Anteckningar om Ryssland under ett vistande i Petersburg och en utflygt till Moskva. Förel. delen. Stockholm, 1838.
- [Bernoulli J.] Johann Bernoulli's, der königl. Akademie der Wissenschaften zu Berlin, und anderer gelehrten Gesellschaften, Mitgliedes, Reisen durch Brandenburg, Pommern, Preußen, Curland, Rußland und Polen, in den Jahren 1777 und 1778. Fünfter Band.

- Fortsetzung des Aufenthalts zu St. Petersburg, nebst einem Anhang von Moskau. Leipzig, 1780.
- [Buesching A. F.] Anton Friedrich Bueschings neue Erdbeschreibung. Theil 2: Welcher Russland, Preussen, Polen und Hungarn mit denen dazugehoerigen und einverleibten Laendereyen enthaelt. Schaffhausen 1768.
- Brand J. A. Reyse durch die Marck Brandenburg, Preusen, Churland, Leifland, Plesscovien... Wesel, 1702.
- [Bruce P. H.]. Des Herrn Peter Heinrich Bruce, eines ehemaligen Officiers in Preußischen, Russischen und Großbritannienischen Diensten, Nachrichten von seinen Reisen in Deutschland, Rußland, die Tartarey, Turkey, Westindien u.s.f. nebst geheimen Nachrichten von Peter dem Ersten Czar von Rußland. Leipzig, 1784.
- [Cataneo J. B.] Reise durch Deutschland und Russland. Chur. 1787.
Eine unbekante Version der Beschreibung Nordrusslands durch Heinrich von Staden // Jahrbücher für Osteuropas. 8. 1960.
- Eklblom R. Rus- et vareg dans les noms de lieux de la region de Novgorod. Uppsala, 1915.
- Eklblom R. Tur och retur. Göteborg, 1996.
- Engelbrecht Kaempfer Werke. B.6. Russlandtagebuch. 1683. Muenchen, 2003.
- Eynne Schonne Hystorie van vunderlyken gescheffthen der herren tho Lyfflanth myth den russen unde tartaren // Archiv für die Geschichte Liv-, Est- und Kurlands. Bd.8. Reval, 1861. S.113–265.
- Fleming P. Deutsche Gedichte. Stuttgart, 1865.
- Fleming P. Lateinische Gedichte. Stuttgart, 1863.
- Georgi J. G. Geographisch-physikalische und naturhistorische Beschreibung des Russischen Reichs... Königsberg, 1798.
- Gmelin J. G. Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733. bis 1743. Teil 1–4. Göttingen, 1751–1752.
- Hauswolf A. Journal hållen under resor i Ryssland då jag följde min far i hans fångenskap 1808 och 1809. Uddevalla, 2007.
- Hildebrant S. En holländsk beskickninges resor i Ryssland, Finland och Sverige. 1615–1616. Stockholm, 1917.
- Jacob Ulfeldts Rejse i Rusland 1578. Viborg, 1978.
- Kohl. J. G. Reisen im Inneren von Rußland und Polen. Erster Theil. Moskau. Dresden 1841.
- Langlet V. Till häst genom Ryssland. Stockholm, 1898.

Levesque P.-Ch. Histoire de Russie. I–IV. Hambourg et Brunswick, 1800.

Meyer F. Gross Novgorod — Мейер Ф. Великий Новгород. Великий Новгород, 2013.

Marperger P. J. Moskovitischer Kauffmann. Lübeck, 1705.

[Meyer F. J. L.]. Russische Denkmäler. In den Jahren 1828 und 1835 gesammelt vom Domherrn Meyer. Zweiter Band. Moscovia. Hamburg, 1837. 390 s.

[Miller G. F.] Beschreibung einer reise von Moscau nach dem Kloster der Heligen Dreyeinigkeit... im Jahre 1778 // Neuen St. Peterburgischen Journal vom Jahre 1782. B. III

Paasikivi J. K.: 1) Kirje Novgorodista // Uusi Suometar. 26.07.1891; 2) Helsingistä — kansanopetus Venäjällä // Uusi Suometar. 16.09.1891; 3) Käynti Venäläisessä luostarissa // Uusi Suometar. 24.09.1891; 4) Venäläisten keskellä // Uusi Suometar. 14.10.1891; 5) Kun tarkastaja kävi // Uusi Suometar. 11.11.1891.

Ranft M. Vollständige Beschreibung des Russischen Reiches und aller dazu gehörigen Lande, Völker und Orte.... Leipzig 1767.

[Raupach] Reise von St. Petersburg nach dem Gesundbrunnen zu Lipezk am Don. Nebst einem Beitrage zur Charakteristik des Russen. Breslau, 1809.

[Reimers H.] Reise der Russisch-Kaiserlichen ausserordentlichen Gesandtschaft an die Othomanische Pforte im Jahr 1793. Drei Theile vertrauter Briefe eines Ehstländers an einen seiner Freunde in Reval. St. Petersburg, 1803.

Reinbeck G. Fluechtige Bemerkungen auf einer Reise von St. Petersburg über Moskwa, Grodno, Warschau, Breslau nach Deutschland im Jahre 1805. Leipzig, 1806.

Reise von Sankt Petersburg nach Moskwa im Jahr 1801 bei Gelegenheit der Krönung des Kaisers Alexander I daselbst. Meiningen, 1823.

Reisen und merkwürdige Nachrichten zweier Neufranken durch Deutschland, Russland, Polen und die... Staaten während des jetzigen wichtigen Krieges. Leipzig, 1797.

Ruotsin ja Venäjän rauhanneuvottelut 1557. Helsinki, 2007.

Scarin A., Bilmark J. De Holmgardia. I–IV. Aboae, 1750–1759.

J. G. Sparwenfeld's Diary of a Journey to Russia 1684–87. Editor Ulla Birgegård // Slavica Sueciana. Series A — Publications. Vol. 1. Stockholm, 2002.

Ungern-Sternberg J. F. Spazierfahrt nach Moskau. Leipzig, 1810.

Литература

- Аделунг Ф. Корсунские врата, находящиеся в Новгородском Софийском соборе. М., 1834.
- Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года. Ч. 1–2. М., 1864.
- Алексеев М. П. Немецкий поэт в Новгороде XVII в. // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. 1935. № 6.
- Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века). М., 1982.
- Альмгрен О. К легенде о Сигтунских вратах в Новгородском Софийском соборе // Сборник Новгородского общества любителей древности. VI. Новгород, 1912.
- Архимандрит Августин (Никитин). Новгород Великий и Скандинавия // Богословские труды. 30. М., 1990. С. 176–199.
- Архимандрит Августин (Никитин). Новгород Великий в записках итальянцев // Дипломаты-писатели; писатели-дипломаты. СПб., 2001.
- Багров Л. История картографии. М., 2004.
- Багров Л. История русской картографии. М., 2005.
- Беспятых Ю. Н. Новгород в «Россике» XVIII в. // НИС. 3 (13). Л., 1989.
- Бессуднова М. Б. Закрытие Ганзейской конторы в Великом Новгороде по донесениям ливонских послов // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Великий Новгород, 2006.
- Бессуднова М. Б. История Великого Новгорода конца XV— начала XVI века по ливонским источникам. Великий Новгород, 2008.
- Биргегорд У. Новгородские страницы дневника Ю. Г. Спарвенфельда // НИС. 6 (16). СПб., 1997.
- Васильев В. Л. Новгородская топонимика в научном наследии Рихарда Экблума (Интерпретация корней *gus-* и *vareg*) // НИС. 10 (20). СПб., 2004.
- Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.
- Годовикова Л. Н. Иностранцы писатели XVI в. о русском городе // Русский город. Вып. 8. М., 1986.

- Джаксон Т. Н. Четыре норвежских конунга на Руси: Из истории русско-норвежских политических отношений последней трети X — первой половины XI в. М., 2000.
- Джаксон Т. Н. Новгород в древнескандинавской письменности // Вестник НовГУ. Гуманитарные науки. 2006/38.
- Дьяконова Ю. Путешествие в Московию в гравюрах Николааса Витсена // Антиквариат. 2004 / 10 (21).
- Ермасов Е. В. Россия первой четверти XVIII века в сочинении Пауля Марпергера «Московский купец» // Язык. Общество. Культура-ра. Менталитет: Саратов, 2005.
- Замятин Г. А. Россия и Швеция в начале XVII века. СПб., 2008.
- Зверев С. В. Шведский герб Новгорода Великого начала XVII века // Гербовед. 2005. № 7 (85).
- Ильиченко Э. В. Великий Новгород во французской историографии XVIII века // Новгородский исторический сборник. Вып. 13 (23). Великий Новгород, 2013.
- Исаченко А. В. Если бы в конце XV в. Новгород одержал победу над Москвой // Чело. 1999. № 3.
- Казаква Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV — начало XVI в. Л., 1975.
- Кандаурова Т. Н. Институт военных поселений в оценках иностранцев: социокультурный аспект // Россия и внешний мир: диалог культур. Сб. статей. М., 1997.
- Каппелер А. Бургундский рыцарь в России (заметки об отчете Гильбера де Ланноа о поездках в Новгород и Псков в начале XV в.) // Источниковедение и краеведение в культуре России. М., 2000.
- Кирпичников А. Н. Россия XVII в. в рисунках и описаниях голландского путешественника Николааса Витсена. СПб., 1995.
- Киселева Е. В. Жермена де Сталь о России // Россия и Европа. Вып. 3. М., 2004.
- Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1991.
- Коваленко Г. М. Великий Новгород. Взгляд из Европы XV — нач. XX вв. СПб., 2010.
- Коваленко Г. М. Новгород в «Россике» XIX в. // Новгородский исторический сборник. 12 (22). М. — СПб., 2011.
- Кобзарева Е. И. Переговоры Новгорода со шведами об избрании Карла Филиппа на русский престол // НИС. Вып. 9. СПб., 2003.

- Козубский Е. Заметки некоторых иностранных писателей о России в XVII веке // ЖМНП. 1878. Май. Ч. 197.
- Кудрявцев О. Великая Русь рыцаря де Ланноа. Первое западное описание Руси // Родина. 2003/12.
- Кузьмина Н. Н., Филиппова Л. А. К вопросу о датировке основы шведского плана осады Новгорода 1611 г. // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1987. М., 1988.
- Кузьмина Н. Н., Филиппова Л. А. Крепостные сооружения Новгорода Великого. СПб., 1997.
- Курукин И., Никулина Е. Повседневная жизнь русского кабака от Ивана Грозного до Бориса Ельцина. М., 2007.
- Лимонов Ю. А. Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII вв. Л., 1978.
- Лобанов Н. А. Образ России в германском обществе XV — XVII вв. // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2001.
- Лотман Ю. М. К вопросу об источниковедческом значении высказываний иностранцев о России // Сравнительное изучение литератур. СПб., 1976.
- Малков Ю. Г. Новгородская земля в рисунках Антониса Хутеериса // Древний Новгород. М., 1983.
- Мельникова Е. А. Древняя Русь в исландских географических сочинениях // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1976.
- Мельникова Е. А. Новгород Великий в древнескандинавской письменности // Новгородский край. Л., 1984.
- Миличина В. Россия и Франция. Дипломаты, литераторы, шпионы. М., 2006.
- Мунд Ст. Описание Новгорода и Пскова в мемуарах «Voyages et Ambasadés» рыцаря де Ланноа (1413) // Древняя Русь. 2004. 3 (17).
- Мыльников А. С. Роль русско-шведско-немецких контактов к. XVII — н. XVIII вв. в становлении славянских изучений // Florilegium. К 60-летию Б. Н. Флори. М., 2000.
- Некрасов Г. А. Тысяча лет русско-шведско-финских культурных связей IX–XVIII вв. М., 1993.

- Петров Д. А. Памятники XV–XVI вв. в Николо-Вяжищском монастыре. На основании анализа старинной голландской гравюры // Архитектура и строительство России. 1991 / 11.
- Петрова Л. И., Анкудинов И. Ю., Петров В. А. О датировке подосновы плана осады Новгорода шведами в 1611 г. // НИС. 10 (20). СПб., 2005.
- Плоткин К. М. Русские и шведские источники XVII в. о путях сообщения Новгородской земли // Псков. Памяти Ю. П. Спегальского. Псков, 1999.
- Полевой Б. П. Николаас Витсен и Россия. (Из истории русско-голландских отношений XVII–XVIII веков, преимущественно при Петре Великом). // Россия — Голландия: книжные связи XV–XX вв. СПб., 2000.
- Рыбина Е. А. Иноземные дворы в Новгороде XII — XVII вв. М., 1986.
- Рыбина Е. А. Торговля средневекового Новгорода. Великий Новгород, 2001.
- Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. М., 1978.
- Савельева Е. А. Новгород и Новгородская земля в западноевропейской картографии XV–XVI вв. // География России XV–XVIII вв. (по сведениям иностранцев). Л., 1984.
- Сафонов М. М. Новгород в дневнике Жильбера Рома «Voyage de St. Pétersbourg à Moscou» (1781 г.) // Чело. 2009/1.
- Семенцов С. В. Малоизвестные планы российских городов XVI–XVIII столетий // Санкт-Петербург и Ингерманландия в архивах Швеции. Швеция в архивах Санкт-Петербурга. СПб., 2005.
- Сквайрс Е. Р., Фердинанд С. Н. Ганза и Новгород: языковые аспекты исторических контактов. М., 2002.
- Соломатина Н. Н. Новгород в рисунках и записках английского путешественника Джона Томаса Джеймса // Новгородский архивный вестник. Вып. 8. Великий Новгород, 2010.
- Тихомиров М. Н. Итальянцы в России XIV–XV столетий. / Российское государство XV–XVII веков. М., 1973.
- Трифонова А. Н., Карасева И. В. Новгород первой половины — середины XIX в. глазами очевидцев // Новгородский архивный вестник. Вып. 5. 2005.
- Фомин В. В. Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005.
- Франклин С. Новгород: погребенные сокровища // Чело. 2002/2.

- Хорошкевич А. Л. Дневник путешествия Энгельбрехта Кемпфера по России в 1683 г. // Исторический архив. 2005/5.
- Хорошкевич А. Л. Поход Ивана Грозного на Новгород в 1569 г. в изображении Пауля Одерборна // Великий Новгород и средневековая Русь. Сборник статей к 80-летию академика В. Л. Янина. М., 2009.
- Шанский Д. Н. Русский город периода феодализма (IX–XVIII вв.) во французской историографии XVIII–XIX вв. // Русский город. Вып. 7. М., 1984.
- Шильдер Н. К. Немец и француз о России 1839 г. // Русская старина. 1886. Вып. 51.
- Эренсвэрд У. В поисках шведских/русских карт и планов с 1959 года // Санкт-Петербург и Ингерманландия в архивах Швеции. Швеция в архивах Санкт-Петербурга. СПб., 2005.
- Юзефович Л. А. Путь посла. СПб., 2007.
- Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998.
- Янин В. Л. Планы Новгорода Великого XVII–XVIII веков. М., 1999.
- Ahrenberg J. Några meddelanden om «Sigtunaportarna» i Novgorod // Fornvännen. 1907.
- Almgren O. Sägner om Sigtunaporen i Novgorod // Upplands fornminnesförenings tidskrift. XXXVII. Uppsala, 1922–1923.
- Arne T. J. Det Stora Svitjod. Stockholm, 1917.
- Arne T. J. Europa upptäcker Ryssland. Stockholm, 1944.
- Attius Sohlman M. «Moscovitae fidem christianam sequuntur». Om synen på det medeltida ortodoxa Ryssland genom några samtida västeuropeiska resenärer. Umeå, 1994.
- Benninghoven F. Rußland im Spiegel der livländischen Schonen Hysthorie von 1508 // Rossica Externa. Festgabe für Paul Johansen. Marburg, 1963.
- Birgegård U. Scener från 1680-talets Ryssland // Bröd och salt. Svenska kulturkontakter med Öst. Uppsala, 1998.
- Denker R. Der finländische Bischof Paul Justen und seine Mission in Russland // Rossica Externa. Marburg, 1963.
- Graham H. Paul Justen's Mission to Muscovy // Russian History. 13. 1986. 1.
- Heinsius P. Schnitzereien am Novgorodfahrer-Gestuhl zu Stralsund als Beitrag zum Russlandbild hansischer Bürger im 14. und 15.

- Jahrhundert // *Rossica Externa*. Festgabe für Paul Johannsen. Marburg, 1963.
- Johansen P. Der Dichter Paul Fleming und der Osten // *Hamburger Mittel- und Ostdeutsche Forschungen*. B. II. Hamburg, 1960.
- Latvakangas A. Riksgrundarna. Varjagproblemet i Sverige från runiskrifter till enhetlig historisk tolkning. Turku, 1995.
- Lohmeier D. Paul Flemings poetische Bekenntnisse zu Moskau und Russland // *Russen und Russland aus deutscher Sicht*. 9. — 17. Jahrhundert. München, 1985.
- Mund S. *ORBIS RUSSIARUM: Genèse et développement de la représentation du monde «russe» en Occident à la Renaissance*. Genève, 2003.
- Polvinen T., Henkkilä H., Immonen H. J. K. Paasikivi. Valtiomiehen elämäntyö. I. 1870—1918. Helsinki, 1989.
- Rekante E. Neue Hypothesen zum Erscheinen der Bronzetür in Novgorod // *Kultur und Interkulturalität in universitärer Ausbildung und im DAF-Unterricht. Великий Новгород*, 2007.
- Sjöberg A. Pop Upir' Lichoј and the Swedish Rune-carver Ofeigr Upir // *Scando-Slavica*. 28. 1982.
- Tarkiainen K. Petrus Petreјus som skildare av Ryssland // *Lychnos*. 1973.

Содержание

Введение	5
XV век. Удивительно большой город..	10
XVI век. Рынок целой империи...	22
XVII век. Поньине славится торговлей и богатством...	52
XVIII век. Город древен, знаменит и велик.. . . .	94
XIX — начало XX века. Тень великого имени	110
Заключение.	155
Приложение. XX век	158
<i>Библиография</i>	196

- Коваленко Г.
К56 Великий Новгород в иностранных сочинениях. XV — начало XX века / Геннадий Коваленко. — М. : Ломоносовъ. — 2016. — 216 с. — (История. География. Этнография).
ISBN 978-5-91678-283-7

Расположенный на пересечении торговых путей, Великий Новгород с древности находился в поле пристального внимания европейцев. До начала XVIII века в Европе о нем знали больше, чем о любом другом русском городе, исключая разве что Москву, и эти сведения отразились в многочисленных сочинениях. Взгляд европейцев был в целом пристрастен, они подмечали прежде всего культурные отличия русских, все парадоксальное, экзотическое, что полагалось ожидать от народа, считавшегося варварским. Но для нас важно, что при этом иностранные наблюдатели обращали внимание на те явления обыденной жизни, над которыми живущий этой жизнью человек обычно не задумывается. Благодаря их свидетельствам мы можем более зримо представить будни русского человека прошлых веков, увидеть детали, плохо различимые в дымке времени. А кроме того, всегда полезно посмотреть на себя со стороны.

Геннадий Коваленко — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

УДК 908
ББК 63.3(2Н0)

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Геннадий Коваленко

Великий Новгород
в иностранных сочинениях
XV — начало XX века

Редактор А. Зедлер
Верстка А. Петровой
Корректор Н. Пушина

Подписано в печать 07.08.2015. Формат 60×90/16.
Усл. печ. л. 13,5. Тираж 1000 экз. Заказ 4161

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3
Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, 8(499)270-73-59

история/география/этнография

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- 1 Лев Минц. Котелок дядюшки Ляо
- 2 Виталий Бабенко. Земля — вид СВЕРХУ
- 3 Ольга Семенова-Тян-Шанская. Жизнь «ИВАНА»
- 4 Владислав Петров. ТРИ КАРТЫ УСАТОЙ КНЯГИНИ
- 5 Свен Хедин. В СЕРДЦЕ АЗИИ
- 6 Геннадий Коваленко. РУССКИЕ И ШВЕДЫ ОТ РЮРИКА ДО ЛЕНИНА
- 7 Лев Минц. ПРИДУМАННЫЕ ЛЮДИ С ОСТРОВА МИНДАНАО
- 8 Бенгт Янгфельдт. ОТ ВАРЯГОВ ДО НОБЕЛЯ
- 9 Олег Ивик. ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ
- 10 Анна Мурадова. КЕЛЬТЫ АНФАС И В ПРОФИЛЬ
- 11 Даниэль Клугер. ТАЙНА КАПИТАНА НЕМО
- 12 Валерий Гуляев. ДОКОЛУМБОВЫ ПЛАВАНИЯ В АМЕРИКУ
- 13 Светлана Плетнева. ПОЛОВЦЫ
- 14 Ким Малаховский. ПИРАТЫ БРИТАНСКОЙ КОРОНЫ
ФРЭНСИС ДРЕЙК И УИЛЬЯМ ДАМПИР
- 15 Алексис Трубецкой. КРЫМСКАЯ ВОЙНА
- 16 Валерий Гуляев. ЗАГАДКИ ИНДЕЙСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
- 17 Олег Ивик. ЖЕНЩИНЫ-ВОИНЫ: ОТ АМАЗОНОК ДО КУНОИТИ
- 18 Виолет Вануайек. ВЕЛИКИЕ ЗАГАДКИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА
- 19 Яков Свет. ЗА КОРМОЙ СТО ТЫСЯЧ ЛИ
- 20 Лев Минц. БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ХИМЬЯР И ПЛИССИРОВКА ЮБОК
- 21 Аксель Одельберг. НЕВЫДУМАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
СВЕНА ХЕДИНА
- 22 Гомбожаб Цыбиков. БУДДИСТ-ПАЛОМНИК У СВЯТЫНЬ ТИБЕТА
- 23 Никита Кривцов. СЕЙШЕЛЫ — ОСКОЛКИ ТРЕХ КОНТИНЕНТОВ
- 24 Олег Ивик. ИСТОРИЯ СЕКСУАЛЬНЫХ ЗАПРЕТОВ И ПРЕДПИСАНИЙ
- 25 Виктор Бердинских. РЕЧИ НЕМЫХ
- 26 Светлана Федорова. РУССКАЯ АМЕРИКА: ОТ ПЕРВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ
ДО ПРОДАЖИ АЛЯСКИ
- 27 Стаффан Скотт. ДИНАСТИЯ БЕРНАДОТОВ: КОРОЛИ, ПРИНЦЫ
И ПРОЧИЕ...

- 28 Геннадий Левицкий. САМЫЕ БОГАТЫЕ ЛЮДИ ДРЕВНЕГО МИРА
- 29 Георгий Вернадский. МОНГОЛЫ И РУСЬ
- 30 Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ЖЕНЩИНЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ И МОСКОВИИ: НЕВЕСТА, ЖЕНА, ЛЮБОВНИЦА
- 31 Виталий Белявский. ВАВИЛОН ЛЕГЕНДАРНЫЙ И ВАВИЛОН ИСТОРИЧЕСКИЙ
- 32 Олег Ивик. ИСТОРИЯ И ЗООЛОГИЯ МИФИЧЕСКИХ ЖИВОТНЫХ
- 33 Лев Карсавин. МОНАШЕСТВО В СРЕДНИЕ ВЕКА
- 34 Владислав Петров. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СМЕРТИ
- 35 Олег Ивик. ЕДА ДРЕВНЕГО МИРА
- 36 Стефан Цвейг. ПОДВИГ МАГЕЛЛАНА
- 37 Вашингтон Ирвинг. ЖИЗНЬ ПРОРОКА МУХАММЕДА
- 38 Владимир Новиков. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ УСАДЬБА
- 39 ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ
- 40 Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ XVIII ВЕКА
- 41 Сергей Ольденбург. КОНФУЦИЙ. БУДДА ШАКЬЯМУНИ
- 42 Фаина Османова, Дмитрий Стахов. ИСТОРИИ ПРОСТЫХ ВЕЩЕЙ
- 43 Генрих Бёмер. ИСТОРИЯ ОРДЕНА ИЕЗУИТОВ
- 44 Алексей Смирнов. СКИФЫ
- 45 Андрей Снесарев. НЕВЕРОЯТНАЯ ИНДИЯ: РЕЛИГИИ, КАСТЫ, ОБЫЧАИ
- 46 Генри Чарлз Ли. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И УСТРОЙСТВО ИНКВИЗИЦИИ
- 47 Олег Ивик, Владимир Ключников. ХАЗАРЫ
- 48 Вячеслав Шпаковский. ИСТОРИЯ РЫЦАРСКОГО ВООРУЖЕНИЯ
- 49 Лев Ельницкий. ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ АНТИЧНОГО МИРА
- 50 Юрий Чернышов. ДРЕВНИЙ РИМ: МЕЧТА О ЗОЛОТОМ ВЕКЕ
- 51 Виктор Бердинских. РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ: БЫТ И НРАВЫ
- 52 Сергей Макеев. ДЕЛО О СИНЕЙ БОРОДЕ
- 53 Борис Романов. ЛЮДИ И НРАВЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ
- 54 ПЕЧЕНЕГИ

история/география/этнография

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- 55 Генрих Вильгельм Штоль. Древний Рим в биографиях
- 56 Алексей Смирнов. НЕСОСТОЯВШИЙСЯ РУССКИЙ ЦАРЬ
КАРЛ ФИЛИПП, или Шведская интрига Смутного времени
- 57 Александр Куланов. ОБНАЖЕННАЯ ЯПОНИЯ
- 58 Валерий Ярхо. Из варяг в Индию
- 59 ИНСТИТУТЫ БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ в мемуарах воспитанниц
- 60 Владислав Петров. Древняя история секса в мифах и легендах
- 61 Михаил Мочалов. Древняя Ассирия
- 62 Константин Кудряшов. АЛЕКСАНДР I и тайна Федора Козьмича
- 63 Виктор Калашников. РУССКАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ
- 64 Рафаил Нудельман. ПРОГУЛКИ с Библией
- 65 Московия при Иване Грозном глазами иноземцев
- 66 Георгий Вернадский. РУССКОЕ МАСОНСТВО в царствование
Екатерины II
- 67 Олег Ивик, Владимир Ключников. СЮННУ, ПРЕДКИ ГУННОВ,
СОЗДАТЕЛИ ПЕРВОЙ СТЕПНОЙ ИМПЕРИИ
- 68 Константин Иванов. ТРУБАДУРЫ, ТРУВЕРЫ, МИННЕЗИНГЕРЫ
- 69 Галина Шебалдина. Заложники Петра I и Карла XII
- 70 Тамерлан — покоритель Азии
- 71 Василий Смирнов. КРЫМСКОЕ ХАНСТВО в XVIII веке
- 72 Яков Канторович. ПРОЦЕССЫ о колдовстве в Европе
и Российской империи
- 73 Татьяна Георгиева. РУССКАЯ ПОВСЕДНЕВНАЯ КУЛЬТУРА
- 74 Александр Васильев. Византия и крестоносцы.
ПАДЕНИЕ Византии
- 75 Фаина Османова, Дмитрий Стахов. ИСТОРИИ ПРОСТОЙ ЕДЫ
- 76 Геннадий Левицкий. ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ
- 77 Василий Веретенников. ИСТОРИЯ ТАЙНОЙ канцелярии
Петровского времени
- 78 Олег Ивик. ИСТОРИЯ и ГЕОГРАФИЯ ЗАГРОБНОГО МИРА

- 79 Константин Иванов. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЗАМОК, ГОРОД, ДЕРЕВНЯ
И ИХ ОБИТАТЕЛИ
- 80 Алексей Бокщанин, Олег Непомнин. ЛИКИ
СРЕДИННОГО ЦАРСТВА
- 81 Петр Черкасов. КАРДИНАЛ РИШЕЛЬЕ
- 82 Василий Бартольд. ТЮРКИ
- 83 ДРЕВНИЕ ГЕРМАНЦЫ
- 84 Ирина Опимах. ЖИВОПИСНЫЕ ИСТОРИИ
- 85 Владимир Печенкин. СОВЕТСКАЯ ВОДКА
- 86 Георгий Вернадский. КИЕВСКАЯ РУСЬ
- 87 Михаил Артамонов. КИММЕРИЙЦЫ И СКИФЫ
- 88 Дмитрий Колосов. АРИИ
- 89 Леонид Васильев. КУЛЬТЫ, РЕЛИГИИ, ТРАДИЦИИ В КИТАЕ
- 90 Василий Болотов. ТРИ ПЕРВЫХ ВЕКА ХРИСТИАНСТВА
- 91 Витольд Новодворский. ИВАН ГРОЗНЫЙ И СТЕФАН БАТОРИЙ:
СХВАТКА ЗА ЛИВонию
- 92 Вадим Эрлихман. АНГЛИЙСКИЕ КОРОЛИ
- 93 Валерий Ярхо. ИНОЗЕМЦЫ НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ
- 94 Олег Ивик, Владимир Ключников. ГУННЫ
- 95 Геннадий Левицкий. ЖЕНЩИНЫ ДРЕВНЕГО РИМА
- 96 Исаак Фильштинский. АРАБЫ И ХАЛИФАТ
- 97 Алексей Шкваров. ВЕЛИКАЯ СЕВЕРНАЯ ВОЙНА
- 98 Илья Кораблев. ГАННИБАЛ
- 99 Дмитрий Боровков. ВЛАДИМИР МОНОМАХ,
КНЯЗЬ-МИФОТВОРЕЦ
- 100 Петр Черкасов. ШПИОНСКИЕ И ДРУГИЕ ИСТОРИИ
ИЗ АРХИВОВ РОССИИ И ФРАНЦИИ
- 101 Владимир Горончаровский. РИМСКИЕ ГЛАДИАТОРЫ:
ЖИЗНЬ НА ГРАНИ СМЕРТИ
- 102 Виктор Бердинских. ТАЙНЫ РУССКОЙ ДУШИ
- 103 Ауртни Бергманн. ТОРВАЛЬД СТРАННИК

все книги
издательства «Ломоносовъ»
в интернет-магазине
на сайте

www.lomonosov-books.ru

Доставка по Москве — курьером, по России —
почтой • Издательские цены • Скидки и акции
для постоянных покупателей • Оперативная
информация о новинках издательства

info@lomonosov-books.ru

Геннадий
Коваленко
Великий
Новгород
в иностранных
сочинениях

Расположенный на пересечении торговых путей, Великий Новгород с древности находился в поле пристального внимания европейцев. До начала XVIII века в Европе о нем знали больше, чем о любом другом русском городе, исключая разве что Москву, и эти сведения отразились в многочисленных сочинениях. Взгляд европейцев был в целом пристрастен, они подмечали прежде всего культурные отличия русских, все парадоксальное, экзотическое, что полагалось ожидать от народа, считавшегося варварским. Но для нас важно, что при этом иностранные наблюдатели обращали внимание на те явления обыденной жизни, над которыми живущий этой жизнью человек обычно не задумывается. Благодаря их свидетельствам мы можем более зримо представить будни русского человека прошлых веков, увидеть детали, плохо различимые в дымке времени. А кроме того, всегда полезно посмотреть на себя со стороны.

Геннадий Коваленко — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН.

ISBN 978-5-91678-283-7

9 785916 782837